

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован**в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н., проф. Артоболовский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); д.г.н.,
проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко
Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Пирожник И.И. (Беларусь);
д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н.,
проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вар-
домский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Воробьева О.Д.
(Москва); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н.,
проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смо-
ленск); д.г.н., доц. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.э.н.
проф. Регент Т.М. (Москва); д.г.н., проф. Родионова
И.А. (Москва); д.г.н., проф. Рудский В.В. (Смоленск);
д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф.
Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д.
(Пермь); проф. М. Фрюауф (Германия)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Ответственный за выпуск:

д.г.н. Мажар Л.Ю.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 17.02.10 г.
Формат 70x108 / 16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

№ 1 (27), 2010

Отпечатано:

ООО « Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Обращение к читателям	4
ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	5
THEORY OF REGIONAL STUDIES	5
Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география в зеркале антропогеографии	5
Gladkiy Y.N. Humanity geography in the context of anthropogeography	5
Мажар Л.Ю. Геосистемный подход к изучению закономерностей территориальной организации общества	15
Mazhar L.J. Geosystematic approach to studying patterns of territorial organization of the society	15
Хохлова И.И. Теоретический аспект регионального маркетинга рабочей силы	24
Khokhlova I.I. Theoretical aspect of the regional labour force marketing	24
Яськова Т.И. Пристоличный регион как реципиент кризисных явлений: взгляд на проблему сквозь призму географической теории	29
Yaskova T.I. Byside region of metropolitan as a recipient of the crisis phenomena: view of problem in the light of geographical theory	29
Фокин В.М. Конкурентоспособность областных городов в условиях глобализации	38
Fokin V.M. Competitiveness of the regional cities and globalization	38
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	45
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA	45
Зубаревич Н.В. Развитие и конкуренция крупнейших городов России в периоды экономического роста и кризиса	45
Zubarevitch N.V. Development and competition of the biggest cities in Russia during the periods of economic growth and crisis	45
Кузнецова С.Н., Яковлева С.И. Соотношение структуры и транспортно- географических условий сельского расселения Тверской области	55
Kuznetsova S.N., Yakovleva S.I. The Correlation between the structure and transport- geographical conditions of the rural settling in the Tver Region	55
Кузьменко Н.И. Адаптация иноэтнических групп к новым социально-экономическим условиям в доминирующем русском этносе	65
Kuzmenko N.I. The adaptation of the inauethnic's groups to new social-economic conditions among the prevailing Russian ethnic group	65
Щербинина О.А. Армянская диаспора России: модели интеграции в принимающее общество	73
Shcherbinina O. A. Armenian diaspora of Russia: models of integration in receiving society	73
Лысенкова З.В. Особенности региональной системы природопользования (на примере Алтая)	80
Lysenkova Z.V. The peculiarities of the regional system of the nature management in the Altai region	80
Баудер Е.А. Развитие инвестиционного маркетинга в регионах России	86
Bauder E.A. Development of investment marketing in the regions of Russia	86

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	89
REGIONAL ISSUES OF THE WORLD	89
Тархов С.А. Расширение сети железных дорог Китая в 2000-е годы	89
Tarkhov S.A. Expansion of the Chinese Railway Network in 2000-ties	89
Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В. Постиндустриальные структуры и неоиндустриализация хозяйства Рурского региона (ФРГ)	103
Kovalev Y.Y., Stepanov A.V. Postindustrial structures and neo-industrialization of Ruhr economy (Germany)	103
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА	110
DEVELOPMENT ISSUES OF THE WORLD ECONOMY	110
Першина А.С. Пространственная организация мирового рыбного хозяйства	110
Pershina A.S. Spatial allocation of the world fisheries	110
РЕЦЕНЗИИ	117
REVIEWS	117
Потоцкая Т.И., Часовский В.И. Тенденции развития индустриального сектора мировой экономики	117
Pototskaya T.I., Chasovskiy V.I. Development tendencies of the industrial sector of the world economy	117
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	119
SCIENCE LIFE	119
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	121
AUTHORS' INFORMATION	121
Требования к материалам	122

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

19 февраля нашему журналу исполнилось 9 лет. Действительно, 19 февраля 2001 года журнал «Региональные исследования» был зарегистрирован в Министерстве печати Российской Федерации как периодическое научное издание. С одной стороны, это уже достойный возраст, поскольку многие научные издания имеют весьма короткую жизнь. С другой, журналу всего девять лет, а это значит, что впереди нас ожидает много интересных статей, дискуссий, знакомств с новыми авторами. Учредителями журнала наряду со Смоленским гуманитарным университетом выступили ведущие отечественные центры экономико-географических исследований: Географический факультет МГУ, Институт географии Санкт-Петербургского университета, Институт географии РАН.

За девять лет на страницах журнала было опубликовано 322 статьи 261 автора; общим объемом более 188 п.л. Главным критерием для опубликования статей всегда являлось и является качество представленного в редакцию материала. Публикации представляли ученых различных научных школ. География авторов охватывает всю Россию от Калининграда до Владивостока, от Кудымкара до Ставрополя. Авторы представляли 25 научных центров России, несколько центров стран СНГ и дальнего зарубежья.

Мы уверены, что и в дальнейшем журнал останется открытой трибуной для исследователей разных областей знания, различных научных школ и регионов. При этом редакционная коллегия считает своим долгом поддерживать инновационную региональную тематику. Мы надеемся, что острые публикации вызовут интерес у практиков, занимающихся региональной политикой. В условиях открытого общества наука не может развиваться в жестких территориальных и административных границах. В дальнейших планах журнала – знакомство с современными исследованиями зарубежных ученых: географов, экономистов, социологов, политологов, всех тех, кому близки проблемы регионального развития.

Не зная прошлого, трудно понять настоящее. Это утверждение чрезвычайно важно и для современной региональной науки. Сегодня

полезно еще раз попытаться переосмыслить теоретические подходы наших предшественников. Одним из важнейших направлений журнала является история региональных исследований, история теории региональной науки, общественной географии, региональной экономики.

С февраля 2009 года журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования по варианту: «размещение полнотекстовой версии журнала в свободном доступе для зарегистрированных читателей Библиотеки».

Сохраняется круг приоритетных направлений, которые освещает журнал. Среди них: теория и методика региональных исследований; региональная политика в России и за рубежом; экономическая, социальная, политическая и рекреационная география России и зарубежных стран, региональная экономика и региональный анализ; региональная демография и миграциология. Помимо научных статей журнал публикует библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам общественной географии, региональной политики и регионального развития, поздравления юбилярам.

Когда готовился данный номер, пришло важное известие: решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России с 19.02.2010 года журнал «Региональные исследования» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Включение журнала в данный перечень победа коллектива редакции, всех, кто поддерживал журнал, кто верил в него, кто помогал словом и делом. Новый статус требует от журнала повышения качества, актуальности, новизны публикаций, что невозможно сделать без повышения качества статей авторов. Но как и год назад в новом статусе журнал сохранит доступность и открытость. Страницы журнала открыты для молодых исследователей, для новых пионерных идей. Уверены, что в тесном сотрудничестве с вами, уважаемые авторы и читатели, журнал «Региональные исследования» займет прочное место в ряду других широко известных российских географических и экономических периодических научных изданий.

Главный редактор А.П. Катровский

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ю.Н. Гладкий
(г. Санкт-Петербург)

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ В ЗЕРКАЛЕ АНТРОПОГЕОГРАФИИ

Gladkiy Y.N. (Saint-Petersburg)

HUMANITY GEOGRAPHY IN THE CONTEXT OF ANTHROPOGEOGRAPHY

Аннотация. Отстаивается точка зрения, в соответствии с которой антропогеография – сфера научного знания, существующая в междисциплинарном «зазоре», где география действительно является единой, комплексной наукой. Человек является продуктом взаимодействия социальной и биологической составляющих (именно поэтому распространенная фраза – «перенос дарвинизма в сферу общественных отношений» в какой-то мере является бессмысленной). Он подчиняется тем же генетическим закономерностям, что и другие виды, а его фенотип формируется в ходе взаимоотношений с окружающей средой, которая суть взаимодействия социальных и биологических.

Abstract. The author claims that anthropogeography is an interdisciplinary scientific field, which implies that geography is a complex science. A human being is a result of the interaction of his social and biological components (that is why the phrase “transition of Darwinism into the social relations” is to some extent senseless). Man lives in accordance with the genetic laws which are also common to other species and his phenotype is formed in the process of the interaction with the environment.

Ключевые слова: Антропология, антропоцентризм, антропогеография, антропогеографизм, дарвинизм, биосфера, социальные процессы, пассионарность, этнос, надбиологические программы.

Key words: Anthropology, anthropocentrism, anthropogeography, anthropogeographism, Darwinism, biosphere, social processes, ethnic group, biological programs, “separate” and complex geography.

«Пугало» антропоцентризма. Обращение к теме антропогеографии в прошлые годы неизбежно расценивалось бы как попытка последователя Р. Хартшорна (Ф. Ратцеля etc.) наступить в который раз на одни и те же «грабли» в поисках старой методологической опоры для конструирования «неомонистической» географии. Поэтому, оговоримся сразу: у нас нет намерения искать в антропогеографии опору для создания модели некой «монистической» географии, хотя бы потому, что наша позиция состоит в том, что география одновременно и «монистична», и «дуалистична», «идиографична» и «номогенетична»; что существуют сферы научного знания в междисциплинарном «зазоре» (как, например, та же *антропогеография!*), где география действительно является единой, «комплексной» наукой; что концепция слишком жесткого разграничения географии

на естественную и общественную сегодня объективно «работает» против «всей» географической науки.

Вот что пишет в связи с затронутой темой известный российский географ: «Виднейший теоретик американской географии середины прошлого столетия Р. Хартшорн нашел такую (методологическую – Ю.Г.) основу в антропоцентризме. Соединение хорологического подхода с антропоцентристским привело Хартшорна и его единомышленников на позиции своеобразного хорологического антропоцентризма, объявлявшего географию «монистической» наукой, деление которой на естественный и гуманитарный блоки не нужно и даже вредно» (6, с. 152). Немеркнувшее штампованное выражение академика Герасимова И.П. – «антропогеографизм на хорологической основе», – на наш взгляд, не вполне

уместное даже по отношению к некоторым научным обобщениям Ф. Ратцеля и Э. Сэмпл, не то, что Л.Н. Гумилева или В.А. Кобылянского, по-прежнему, используется отечественными географами, что «завуалировано» блокирует возведение возможных «перекидных» мостов между двумя географиями.

Конечно, многочисленные географические течения (особенно междисциплинарные) и школы едва ли могут быть совместимы между собой. Их «автоматическая» интеграция, слияние, взаимное «растворение» не только невозможны, но и *никому не нужны*, тем более что у каждой субдисциплины своя логика развития, свои нюансы терминологии и, в конце концов, свои исходные аксиомы, которые вовсе не являются аксиомами для других наук. *Целесообразнее попытки интеграции «переходных», смежных областей знания* в расчете хотя бы на частичный эффект, поскольку в ее результате возникают новые оригинальные идеи, которые в целом для географии могут оказаться весьма плодотворными. Антропогеография, очистившаяся от некоторых заблуждений своих основателей, опирающаяся на теоретические разработки современных философов, на учения В.И. Вернадского, Л.Н. Гумилева и творческие достижения других мыслителей XX века, в состоянии, как минимум, приостановить эрозионные процессы дивергенции в нашей науке.

Возвращаясь к началу данного сюжета, отметим, что устарел не сам антропоцентризм (даже в трактовке, согласно которой, человек есть центр и высшая цель мироздания), а его устаревшая трактовка, противопоставляющая человека природе и обществу. «Напрашивается вопрос, – остроумно замечает в этой связи Виктор Кобылянский, – *какой антропоцентризм устарел – любой или какой-то особый, так сказать, «неприличный антропоцентризм»* (курсив наш – Ю.Г.)? И в чем особенность этого «неприличного антропоцентризма»? Например, прилично ли человеку есть, пить, дышать, носить одежду, строить жилище и вообще думать, заботиться о себе, о нынешних и будущих поколениях? Или он должен думать, заботиться только о природе – о природе самой по себе, о природе-для-себя? Должен ли он заботиться только об обществе, о государстве, игнорируя собственные потребности и интересы? (9, с. 59).

Ясно, что соображение об «устарелости антропоцентризма» обычно покоится на идеях Ф. Ратцеля, берущихся на вооружение сторонниками «разобщенной» географии, которые нередко используют в качестве аргумента сакраментальную фразу «перенос дарвинизма в сферу общественных отношений». Тысячекратно заклеившие Ратцеля «за рассмотрение антропогеографии как продолжение биогеографии» и не признающие термина «социобиология», они, к сожалению, не утруждают себя ответами на принципиальные вопросы, связанные со структурой, механизмом и эволюцией взаимодействия природного и общественного, биологического и социального в человеке, усердно продолжая эксплуатировать штампы классовой идеологии. Как известно, в ранг самостоятельной науки социобиологию возвел Ф. Гальтон (автор «евгеники», тем самым «скомпрометировав» своего двоюродного брата Ч. Дарвина). Существенный вклад в ее развитие внес российский эмигрант в США Феодосий Добржанский, а в Советском Союзе она не могла развиваться по определению, поскольку ее положения противоречили марксистской философии. Какие же это положения?

Во-первых, человек является продуктом взаимодействия социальной и биологической составляющих – именно поэтому фраза «перенос дарвинизма в сферу общественных отношений» в какой-то мере является бессмысленной (спорить о преобладании той или иной составляющей – все равно, что рассуждать, от чего больше зависит площадь – от длины или ширины). Во-вторых, человек подчиняется тем же генетическим закономерностям, что и другие виды, а его фенотип (внешний и внутренний облик человека) формируется в ходе взаимоотношений с окружающей средой, которая суть взаимодействия социальных и биологических компонентов (вот он «вульгарный географизм» в социологии!). Одна из важных задач социобиологии – изучение механизма, способствующего наследованию социально значимых признаков. (Автор статьи – не «подвинувшийся умом» сторонник слепого «переноса дарвинизма в сферу общественных отношений», поскольку осведомлен о том, что в полной мере социальные признаки, действительно, не наследуются. Но биологические признаки для наследования социальных имеются, они свя-

заны, в частности, со свойствами нервной и эндокринной систем).

В-третьих, одной из весьма значимых «нитей», связующих биологическое и социальное, является сексуальная жизнь человека (имеющего так называемую *K*-стратегию размножения, т. е. тратящего максимум усилий на обеспечение эффективного выживания потомства) и последующее воспитание детей, при котором мать в большей мере обеспечивает биологическую сторону воспитания ребенка, а отец – социальную. В-четвертых, хотя человечество развивается в основном по социальным законам, ему вовсе не чужды биологические преобразования, поскольку биологическая революция (в замедленном темпе) у человека продолжается, и об этом хорошо осведомлены наши оппоненты.

Вполне отчетливы связи социобиологии с медицинской антропологией, первостепенной задачей которой является сохранение здоровья человека, совершенствование его физических и психических возможностей. Причем речь может идти как об индивидуальном, так и популяционном здоровье. По мнению авторитетного «генератора» новых идей В. Казначеева, «здоровье индивида» представляет собой динамическое состояние (процесс) сохранения и развития биологических, физиологических и психических функций человека и социальной активности при максимальной продолжительности жизни. «В таком виде определение индивидуального здоровья учитывает полноценность выполнения основных социально-биологических функций и жизненных целей индивида» (7, с. 9).

С точки зрения интересов методологии гуманитарной географии большего внимания заслуживает подход к определению популяционного здоровья, под которым В. Казначеев понимает процесс развития биологической и психологической жизнеспособности социально-биологически организованного населения в ряду поколений и проживающего на определенной территории, повышения трудоспособности и производительности коллективного труда, совершенствования *Homo Sapiens*. Нельзя не согласиться с тем, что «критерии здоровья человеческой популяции наряду с индивидуальными свойствами составляющих ее людей включает уровень рождаемости, здоровье потомства, генетическое разнообразие, приспособленность населения к природным условиям,

готовность к выполнению многообразных социальных ролей, возрастную структуру и т.д.» (*там же*).

Возникает чисто риторический вопрос: имеют ли здесь место факты механического «переноса дарвинизма в сферу общественных отношений», а если есть, то в чем конкретно они проявляются? Можно предположить, что автор, который в доказательство «устарелости» антропоцентризма приводит пассаж о сексуальной жизни человека, непременно будет подвергнут остракизму. Но в данном случае наша цель состояла в другом – показать, что поскольку человек является продуктом взаимодействия биологической и социальной составляющей, постольку и научные методы, направленные на понимание сущности отдельного человека и его «скоплений» (в т. ч. деревни, города, региона, страны, этноса, нации и т. д.) могут и должны быть основаны на синтезе методов социальных и естественных наук.

«Искавление» смысла. Справившись о смысле антропогеографии из отечественных источников, узнаем, что само название происходит от начального греч. *anthropos* – человек и означает школу в социальной географии, основным объектом изучения которой традиционно являются связи и взаимодействия человека с окружающей средой. Как бы ничего предосудительного здесь нет – изначально речь идет о весьма благородном и «животрепещущем» предмете исследования.

К сожалению, многие ценные с методологической точки зрения понятия часто как бы «приватизируются», и их значение изменить нелегко. Если понятие «антропоцентризм» (в соответствии с которым человек рассматривается как центр мироздания, тогда как природа выступает как нечто низшее, призванное только удовлетворять все возрастающие его потребности), в общем, адекватно отражает свою семантическую сущность, то в понятие «антропогеография» вложен смысл, плохо согласующийся с семантикой термина – во всяком случае, ничего «дурного» выражения «антропо» и «география», равно как и их сочетание, не содержат. В окончательной трактовке антропогеография стала ассоциироваться с немарксистской школой (вспомним о геополитике, генетике, кибернетике и т.д.) в гуманитарной географии, трактующей место человеческого обще-

ства в комплексе географических явлений и его взаимодействия с природной средой в основном с позиций географического детерминизма.

Многие представители географической школы в социологии (Ш. Монтестье, Ж. Бюффон и др.), действительно, слишком «увлеклись» в завышении роли природных условий, обосновывая «дух законов общественного развития». Кто только не «пинал» Ратцеля за его попытки «перенести дарвинизм в сферу общественных отношений», выяснить «влияние природы на дух и тело индивидов и народов» (это он объявил своей задачей), а также связать с антропогеографией понятия политической географии и даже национальной психологии народов! Советская география умышленно приуменьшала степень колоссального влияния антропогеографии на умы современников, не замечала того факта, что в начале XXI в. антропогеография превратилась в ведущую школу в немецкой гуманитарной географии (Э. Фридрих, К. Гассерт, отчасти О. Шлютер и др.). Мало того, идеи антропогеографии «перекочевали» за океан, где верная последовательница Ф. Ратцеля и главный представитель так называемой школы инвайронментализма Э. Сэмпл сделала попытку изложить в духе ратцелевской антропогеографии историко-географическое развитие США.

Как нередко бывает, сверхидеологизированная советская география выплеснула вместе с учением Ратцеля и «ребенка». Многие идеи географического детерминизма, бравшиеся на вооружение антропогеографами, по сегодняшним меркам являются вполне «вменяемыми» и переживают второе рождение. Главное же, с нашей точки зрения, заключается в том, что именно *новая (уже не ратцелевская) антропогеография призвана стать одним из связующих звеньев между естественной и гуманитарной географией.*

Весьма симптоматичным представляется то обстоятельство, что для некоторых представителей естественного крыла географии, не желающих особенно «обременять» себя тесными родственными узами с географами-гуманитариями на почве антропогеографии, главным «пугалом» является Р.Хартшорн, а не Ф. Ратцель – автор своеобразного «манифеста», двухтомного издания «Антропогеографии», в котором он попытался проанализировать воздействие природных феноменов

на ход человеческой истории. Начиная со студенческой скамьи в Гейдельберге, Ратцель был весьма далеким от теоретических идей географии, специализировался в зоологии, геологии и сравнительной анатомии, а его диссертация была посвящена доказательству правоты дарвиновских идей.

Уж лучше бы он и не пытался применить дарвиновскую биологическую концепцию к человеческому обществу, так как его заблуждения, воплощенные в штампованном выражении «социальный дарвинизм Ратцеля», (наряду с геополитикой К.Хаусхофера) действительно «дорого» обошлись географической науке в плане развития ее методологических основ. И хотя многие «прегрешения» ему приписаны молвой (так, он никогда не высказывал идеи о существовании высших и низших рас, не настаивал в своей «Политической географии» на буквальном восприятии аналогии государства с организмом, «привязанным к земле» и т.д.), его увлечение идеями Г. Спенсера о тождественности сообществ людей и животных организмов соответствующим образом отразилось на методологических установках его антропогеографии. (Кстати, едва ли не наиболее верная его ученица Э. Сэмпл, сама «прославившаяся» пропагандой идей до пределов, не предусмотренных учителем, писала о нем: «Он штурмовал вершины знания, обращая свой взор вдаль, за горизонт, и при завораживающих построениях своих научных концепций пропускал, казалось бы, самоочевидные детали. В этом были его величие и его промахи» (16, с. V-Vi).

Гораздо более «разумно», осмысленно идея антропогеографии отстаивалась Р. Хартшорном, профессиональным географом, автором многих выдающихся трудов, таких как «Сущность географии» (1939) и др. Мало кто из его предшественников пытался одновременно ответить на такие фундаментальные вопросы, как: что скрывается за словами «география как изучение территориальной дифференциации»? что подразумевается под земной поверхностью? является ли интеграция разнородных явлений специфической принадлежностью географии? что является мерой значимости в географии? существует ли в географии разделение на систематическую и региональную? занимается ли география поиском научных законов или же ограничивается описанием уникальных

случаев? каково место географии в классификации наук? и т.д. Его желание видеть разобщенную географию «монистической» (отчасти используя при этом антропогеографию в качестве «связующего моста») нам вовсе не кажется контрпродуктивным. Его можно обвинять в известных «грехах», но он не был «коллорабационистом», и искренне пытался эффективно охватить всю область географической науки. (Нам, например, импонирует его позиция в отношении, прежде всего, того, что человеческие и природные факторы не могут рассматриваться изолированно, что «дивизионизм» в географии объективно сужает рамки комплексного подхода к изучению реальности и т.д.).

Итак, само название области научных исследований – *антропогеография* – никем не может быть скомпрометировано до такой степени, чтобы быть изъятым из научного оборота, если даже некоторые авторы (в частности, французские философы и социологи XVIII в.) и пытались вывести «дух законов» общественного развития из своеобразия природных условий, особенно климатических (кстати, еще Аристотель был замечен в крайне некорректной трактовке связи и взаимодействия человека с природой). Современная антропогеография имеет такое же отношение к вульгарному географизму, как и многие другие географические субдисциплины.

Философия и антропогеография. Вначале несколько общих рассуждений. Если оперировать философскими категориями, то основными слагаемыми бытия являются, как известно, природа и дух. Даже самые древние философы не противопоставляли их друг другу, понимая мир в его целостности и гармонии, т.е. таким, каков он есть на самом деле. Конечно, если с природой вопрос более или менее ясен (это окружающий ландшафт, биосфера и материя в целом), то дух с философской точки зрения – нематериальная составляющая мира, не элементы природы, а способ их связи, законы их функционирования. Говоря иначе, дух – это способность природы к самоорганизации, гармонии, порядку.

Между тем, в сфере науки давно сформировался стереотип, в соответствии с которым дух «позиционируется» как элемент общества, а душа – элемент человека. На этой основе создано немало теорий, систем пред-

ставлений, гипотез, хотя реальное состояние дел иногда отлично от этого. Никто не желает «перечеркнуть» результаты своего вдохновенного труда и признать, например, что Земля может рассматриваться в качестве единого живого суперорганизма, о чем в свое время писал К.Э. Циолковский: «Вселенная в математическом смысле вся живая, а в обычном смысле ничем не отличается от животного» (13, с. 79). Глубоко почитаемый сегодня В.И. Вернадский, также развивал идею живой вселенной, используя понятия «*всюдность жизни*», «*сгущения жизни*», «*давление жизни*», «*живое вещество*», «*оживленная вода*». Его биогеохимический подход к изучению природы, как нельзя лучше, иллюстрирует единство географии, поскольку жизнь проявляется в непрерывно происходящих миграциях атомов из биосферы в живое вещество и обратно. По Вернадскому, биосфера – явление космического порядка, поскольку в нее непрерывно притекает космическая энергия, космические излучения и лучеиспускания Солнца, благодаря чему и поддерживается динамическое равновесие между биосферой и живым веществом. Главная плодотворная для нас его идея заключается в том, что все живое вещество планеты служит источником свободной энергии и оказывает непосредственное и мощное влияние на *социальные процессы*.

Идею о том, что под давлением энергии живого вещества формируется биосфера – планетарная область распространения жизни – по сути, поддержал и развил Л. Гумилев, трансплантировав ее на эволюцию этносов. (В одном из интервью он прямо заявил об отношении к учению Вернадского: «имею честь относить себя к ученикам и последователям этого великого ученого» – (3, с. 352). При всей «экзотичности» его взглядов (прежде всего, имеется в виду гипотеза об избытке биохимической энергии живого вещества, позволяющего этносам преодолевать инстинкт самосохранения и приводящий к физиологическому, психическому и социальному сверхнапряжению – *пассионарности*), наличие малоизученного механизма взаимообусловленности нервнобиотических и физико-космических процессов трудно отвергнуть «с порога». Человек – произведение природы и укоренившаяся сентенция о том, что он остается за «бортом» геосистем, изучаемых физико-географическими науками,

является, на наш взгляд, одним из наиболее *зловредных* тезисов, пропагандируемых сторонниками раздельной географии, базирующих свои взгляды, в частности, на изжившей себя мифологеме «незыблемости» форм движения материи.

Вряд ли кто станет возражать относительно того, что «человек есть, прежде всего, живое существо, способом бытия которого является взаимодействие слепых, бессознательных сил природы. В этом своем качестве он, безусловно, выступает объектом исследования комплекса биологических наук... Но человек есть также социальное существо. Как таковое он является уже объектом социологического и стороной социоз экологического изучения. Однако даже указанным двухаспектным рассмотрением человека не исчерпывается осмысление его места в объективном мире» (9, с. 34). Как сознательное существо, человек выступает «конечным пунктом» развития природы и «исходным пунктом» становления человеческого общества (*там же*), что обуславливает ни биологическую и ни социальную его специфику, а «промежуточную» – антропическую.

В начале XX в. пришло осознание того факта, что человека, его природу следует, наконец, рассматривать даже не через с трудом отстаиваемое дуальное единство биологического и социального (чего панически опасалась марксология), а через интегральное единство многообразной человеческой деятельности, благодаря которой постоянно модифицируются и «переплавляются» три его (человека) компонента: биологический (природная сущность), социальный (общественная сущность) и предметный «культурная сущность» (10, с. 73).

Подобная позиция не только проясняет истинное (антропическое) место человека в объективном мире, не сводимое к особенностям ни биотического, ни социального бытия, но и является логической основой для обоснования уникального статуса самой антропогеографии. В этой связи *вполне правомерно постановка о существовании единой географии в рамках отдельной взятой субдисциплины – антропогеографии. Но из этого вовсе не следует вывод о синонимичности понятий «география» и «единая география».*

Если возможна антропологическая наука... Вопрос «как возможна особая ан-

тропологическая наука?» в некотором отношении сродни вопросу «как возможна особая географическая наука?», поскольку в обоих случаях речь идет о специфической сфере знаний, не сводимой ни к природе, ни к «социо», ни к единству того и другого. Вначале обратимся к понятийной стороне дела, учитывая то обстоятельство, что содержащиеся в соответствующих толковых словарях экспликации антропологии сильно противоречат друг другу, «сбивая с толку» неокрепшие души.

В советской литературе антропология всегда ассоциировалась напрямую с *биологической наукой* о происхождении и эволюции физической организации человека и его рас. (Именно эта трактовка, как правило, довлела над отечественными географами, пытавшимися осмыслить связи географической науки с антропологией). При этом акценты делались на три основные ее раздела: 1) морфологию человека; 2) учение об антропогенезе и 3) этническую антропологию (расоведение). В мирском смысле понятие «антропологизм» – составная часть философских учений о человеке. Антропологический принцип в философии ввел и обосновал Л. Фейербах, у которого он стал основой критики немецкого классического идеализма. Антропологизм разрабатывался в различных философских концепциях (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, ряд представителей экзистенциализма). В России же сторонником идей Фейербаха стал Н.Г. Чернышевский, а «законным» основателем антропологии – А.П. Богданов, считавший, что естествознание без антропологии остается незавершенным и только «с антропологией естествознание не является каким-то особенным островом, отделенным бездною от других наук чисто человеческих...» (цит. по: 12, с. 7).

К примечательному упоминанию о «бездне» мы вернемся ниже, а сейчас отметим тот факт, что марксистская наука не допускала проведения «откровенных» параллелей антропологии с общественными науками, отчасти – во избежание дискредитации введенных ею исторических законов о смене формаций и т.п. Известные антропологи советского периода Я.Я. Родинский Я.Я. и М.Г. Левин «свято» придерживались сходной с Богдановым позиции, в соответствии с которой антропология – сугубо биологическая дисциплина, как бы увенчивающая собой

естествознание. И лишь гораздо позже в контексте с антропологией появились «робкие» упоминания об археологии и этнографии.

На западе же давно и всецело доминирует расширительная трактовка антропологии, в соответствии с которой внимание фокусируется не только (а подчас - и не столько) на физической, сколько на культурной дифференциации различных групп людей. Задача, например, *психологической антропологии* состоит в объяснении, как и почему формируется специфическое восприятие народом себя самого и внешнего мира (концепция «национального характера») и как это восприятие влияет на поступки и поведение людей. Согласно основным положениям психологической антропологии: «Каждая культура имеет свой собственный уникальный путь развития и свою собственную уникальную структуру; ее следует изучать как целостную систему, все компоненты которой взаимосвязаны и составляют единую конфигурацию. Психологические особенности, характерные для членов той или иной культуры, касаются, прежде всего, бессознательных комплексов, формирующихся в культуре как одна из форм аккумуляции социального опыта и передающихся каждому из членов общества в процессе его социализации. Эти бессознательные комплексы влияют как на поведение человека, так и на характер восприятия человеком окружающего его мира. Более того, они требуют себе определенного противовеса, компенсации в рамках той культурной системы, в которых находится человек. Этот «противовес» может выражаться в виде формирования тех или иных социальных институций. Одной из основных идей психологической антропологии была идея о необходимости изучать психологические и социокультурные проблемы в комплексе» (11, с. 58).

Примерно с середины XX в. в качестве самостоятельного научного направления начинает развиваться так называемая *когнитивная антропология*. Географу не столь уж важны нюансы в различиях западных «антропологий», отметим лишь, что если психологическая антропология предполагает взгляд на культуру со стороны внешнего наблюдателя, то когнитивная пытается посмотреть на *картину мира* изнутри, глазами носителя культуры. (С позиций когнитивной

антропологии у каждого народа система восприятия, мышления, поведения, эмоций – различна, что обнаруживает естественный междисциплинарный «мост» с культурной географией).

При внимательном изучении трудов отечественных антропологов о сущности своей науки выясняется, что их методологические подходы страдают некоей двойственностью. Так, выше цитированный Богданов, хотя и считал, что естествознание без антропологии остается незавершенным, но «с антропологией естествознание не является каким-то особым островом, отделенным *бездною от других наук чисто человеческих...* (курсив наш – Ю.Г.)» (цит. по: 12, с. 7). Значит, понимал узость предметного поля оконтуриваемой им области научного знания, равно как и Рогинский и Левиным. «С одной стороны, ими утверждается, что антропология есть отрасль естествознания (биологии), а с другой, говорится о ней как бы о «пограничной» науке, призванной объяснить процесс перехода от биологических закономерностей к социальным. Указанная двойственность с креном в биологизацию отражает действительное положение дел, сложившееся в нашей стране в структуре антропологического знания» (9, с. 22). Вовсе не исключено, что авторы в какой-то мере прибегали к «эзоповому языку», чтобы не стать мишенью для идеологического отдела ЦК.

Причина двойственной трактовки антропологии (как отрасли естествознания и науки, возникающей в «зазоре» между биологией и социологией) вполне очевидна, так как содержание таких субдисциплин как психологическая и когнитивная антропология, археология, антропологическая лингвистика, культурная антропология не исчерпывается биологией. И даже предпринятая во второй половине XX в. попытка объять традиционно антропологическую проблематику новым комплексом дисциплин, именуемым «биология человека», не в состоянии избавить науковедение от необходимости определяться с необычным статусом антропологической науки.

К этому следует добавить, что развитие подлинно научных воззрений в любой отрасли знания (в том числе – в антропогеографии) не могут скомпрометировать поверхностные или псевдонаучные выводы, даже если они исходят от «не последних» людей в науке –

от Ф. Ратцеля или Р. Хартшорна. Уместно напомнить, что К. Линней – выдающийся систематизатор живого мира – так характеризовал представителей народов: «Американец – красноват, холерик, строен. Европейец – бел, сангвиник, мясист. Азиат – желтолик, меланхолик, крепкого сложения. Африканец – черен, флегматик, дрябл. Американец – упрям, доволен собою, свободолюбив. Европейец – подвижен, остроумен, изобретателен. Азиат – жесток, любит роскошь и скуп. Африканец – лукав, ленив и равнодушен» (1, с. 384). В этой, далекой от подлинной науки «систематизации» народов явно проглядывается «европоцентризм» – лишь европейцы наделены им всеми положительными качествами, по отношению же к другим народам присутствует хотя бы одно неодобрительное определение. А известный русский этнограф П.И. Пучков вообще ставил под сомнение принадлежность к человеческим существам отдельных групп австралийских аборигенов и т. д. (впрочем, некогда и алхимия почиталась в качестве передовой отрасли научного знания).

Однако со временем антинаучные взгляды о неизбежном неравенстве людей, принадлежащих к разным народам, уступили место прогрессивной мысли (благодаря в значительной мере трудам Ф. Боаса и А. Хрдлички в США, А. Валлуа и К. Леви-Стросса во Франции, Л. Нидерле в Чехословакии, Д.Н. Анучина в России и многих других выдающихся этнографов, антропологов, географов, историков).

Завершая данный сюжет, отметим: именно Человек, обладая одновременно генетическим кодом и социокodem, является важнейшим звеном, скрепляющим географическую науку, а сама антропогеография – специфической сферой знаний, не сводимой ни к природе, ни к «социо», ни к единству того и другого. Надбиологические программы деятельности людей, их поведения и общения, фиксирующиеся и транслирующиеся в форме различных знаковых систем (орудий труда, продуктов деятельности, языка и т.д.) невидимыми узами связаны с генетическим кодом, передающимся от поколения к поколению.

Лев Гумилев и социогенно-географические процессы. Талантливый ученик и соратник главного «возмутителя спокойствия» в этнологии XX в. Константин Иванов, рас-

суждая о некорректности объявления этноса априори исторической, т.е. социальной общностью, которая возникает в момент рождения общества и исчезает в бесклассовом обществе, тонко подметил, что этот тезис не мешало бы вначале ...доказать. «Утверждение социальной этности этноса не доказывается, – писал Иванов, – а покоится на элементарном логическом заблуждении следующего вида: «этнос не может существовать вне общества, следовательно, этнос – социальное явление» (ср.: «этнос не может существовать без размножения половым путем, следовательно, этнос – популяция»). Обычно это заблуждение оправдывают другим подобным же: «все биологическое в человеке подчинено социальному», забывая при этом, что законы природы не уничтожимы, не подчиняются и не отменяются, будь то галактика или организм человека» (5, с. 38).

Несмотря на некоторую запальчивость Иванова (умалять значимость государственных, а, стало быть, социальных форм исторического бытия народа вряд ли стоило), его смелая защита идеи Гумилева о том, этнос – это живая, самовоспроизводящаяся реальность, что отличает ее от любых форм социальной организации, достойна одобрения. Этносы существуют в пространстве между биосферой и социосферой, их бытие прямо и непосредственно связано с природной и космическими средами.

Для Льва Гумилева этнос – явление поведенческое, опирающееся на какой-то скрытый, но, очевидно, не генетический механизм преемственности. Не будем становиться в позу высокомерных толкователей учения Гумилева (тем более что тезис о пассионарных толчках, на наш взгляд, еще нуждается в более обоснованной аргументации), однако суть подмеченного механизма сигнальной наследственности, когда новорожденный с помощью подражательного условного рефлекса перенимает адаптивные поведенческие навыки от родителей и членов сообщества, представляется весьма убедительной. Идентификация этого механизма, действительно, подрывает позиции тех, кто безответственно спекулирует на значении понятия «социальное», «которому до сих пор не дано конструктивного определения ни в одном из философских словарей» (там же, с. 46).

Ставя под сомнение «априорную» социальность этноса, К. Иванов указывает на

такое методологическое заблуждение своих оппонентов, как пренебрежение системным подходом. (Это обстоятельство очень важно с точки зрения обоснования существующих «перекидных мостов» между обеими «географиями»). Ход его мысли в этой связи весьма интересен для географов, поскольку в ней содержится подсказка того, как возможно использовать интегративный подход в гуманитарной географии. Так, он подмечает распространенную в этнологических исследованиях некорректность подмены принципа системности принципом сходства и похожести. Суть системного подхода в другом – в установлении системообразующих связей (что, кстати, не чуждо, «настоящему» хорологическому подходу, а не тому, который ассоциируется с описательным территориальным подходом, «ползучим эмпиризмом»), что является весьма ответственной научной задачей, *поскольку одни и те же элементы могут являться частями различных систем одновременно.*

Подробнее этот аспект рассмотрим ниже, а сейчас признаем, что биотическая, витальная составляющая этнического бытия играет в судьбе народов колоссальную роль и игнорировать ее гуманитарная география не может.

О геосистемном подходе в агропотогеографии. Географам, отстаивающим сугубо природоцентрический взгляд на характер геосистем, следует согласиться с тем, что «каждый человек входит одновременно в несколько систем. Он и член того или иного общества, находящегося на определенной ступени развития, и физическое тело, подверженное гравитации, и завершающее звено биоценоза, и организм, способный к адаптации и находящийся в возрасте, определяемом воздействием гормонов, и носитель хромосом, передающий их потомству половым путем, т.е. особь той или иной популяции, и, наконец, он имеет оригинальный стереотип поведения и ощущает свою принадлежность к какому-либо этносу, и на самом деле принадлежит к нему, если остальные члены принимают его за «своего» (5, с. 38).

Эта мысль, которую трудно «схому» опровергнуть, позволяет решительно переосмыслить возможности геосистемного подхода в географической науке, тем более существует стойкое неприятие не только гуманитарного,

но даже общегеографического толкования понятия «геосистема». Извлекается «замшелый» хорологический подход, который, дескать, имманентно присущ гуманитарной географии, и делается вывод о том, что «абстракции, основанные на моделировании одних лишь хорологических признаков качественно многообразных материальных систем, вряд ли могут претендовать на универсальное общегеографическое значение» (6, с. 102). Тезис о том, что «геосистемы – это природные единства», отстаивается некоторыми авторами до «последнего патрона», не желающими задумываться над тем, что этим наносится прямой ущерб методологическим основам самой естественной географии.

Известно выражение Л.Н.Гумилева о том, что фундаментальное учение В.И. Вернадского о биогенной миграции атомов химических элементов в биосфере «необходимо и достаточно для того, чтобы объяснить все процессы биосферы, в том числе этногенезы, как некое сложное и многообразное единство» (2, с. 468). Эту мысль следует рассматривать лишь как методологический посыл, позволяющий в отдельных случаях рассматривать человека в рамках геосистемного подхода, вопреки мнению о том, что в геосистемах (как и в ландшафтах) предполагается наличие и человека лишь в так называемой «специфической познавательно-созерцательной роли». Аннелиды, членистоногие, пресмыкающиеся, обезьяны способны выполнять не «познавательно-созерцательную роль», а быть составными элементами геосистем, а человек – как наиболее активный и динамичный фактор биосферы выпадает из этого ряда. Невероятно, но факт! Убедительного разъяснения этой метаморфозы никто из адептов геосистемного подхода (в трактовке Сочавы) дать не в состоянии.

Наряду с существованием геосистем природного субстрата трудно отрицать наличие геосистем экономического или социального субстрата с природной составляющей, но чаще – «синтетических» геосистем различного иерархического уровня, в которых наблюдаются отчетливо выраженные причинные, функциональные или нормативные взаимосвязи. Такие геосистемы довольно легко детерминируются, например, в местах концентрации традиционного охотничье-промыслового хозяйства, на территориях расселения туземных племен, особенно когда

эти территории ассоциируются с конкретными природными ландшафтами и т.д.

Особого упоминания заслуживают антропогеографические представления о природно-культурных комплексах, ассоциирующихся с культурными ландшафтами. Согласно одному из них, в качестве ландшафта идентифицируется территория, охватывающая «природу определенного участка земной поверхности, его население и созданные населением видоизменения природных условий как единую, цельную картину, все элементы которой генетически между собой связаны» (8, с. 11). Далеко не все идеи культурной географии, развиваемые отечественными (впрочем, как и западными) авторами, приемлемы для нас с методологической точки зрения. С одной стороны, рассмотрение культурного ландшафта как социоприродной системы, действительно, позволяет брать на вооружение геосистемный подход, разрабатывая его применительно к новым типам реальной действительности. С другой – ландшафтная концепция, во многих случаях знаменующая собой синтез науки и искусства, способна дискредитировать научные основы географии, ибо некоторые виды искусства имеют косвенное отношение к территории.

В рамках антропогеографических обобщений возможны «перекидные мосты» к *си-нэкологии* – разделу экологии, исследующему взаимоотношения популяций, сообществ и экосистем со средой; антропоэкологии – комплексной дисциплине, исследующей общие законы взаимоотношения биосферы и ее подразделений и антропоэкосистемы, ее структурных уровней, групп-популяций и индивидуумов, а также влияние природной среды (в ряде случаев и социальной) на человека и группы людей; *антропоэкологическим системам* – динамическим совокупностям, составленным человеческими коллективами с их хозяйственной деятельностью и освоенной этими коллективами территориями и т.д.

Подводя итоги вышеизложенному, рискнем предположить, что тенденциозная оценка антропогеографии отечественными физикогеографами, в какой-то мере связана с их невозможностью преодолеть личную обиду на Р. Хартшорна, Д. Лусона и других преимущественно американских авторов, «восставших» против «засилья» физической географии и объявивших ее прямой угрозой «унитарному взгляду» на географию.

С одной стороны, «методологическое высокомерие» антропогеографов, посчитавших достаточным использование биосоциальных идей для утверждения монистических принципов в науке, действительно, усилило не ассоциативные, а центробежные тенденции в географии. С другой – распространились случаи неоправданного навешивания ярлыков «хорологического антропоцентризма» авторам, осмеливавшимся вступить за право «нормальной» антропогеографии иметь свой законный статус среди отраслей научного знания.

В блистательном послесловии к переводной книге «Все возможные миры. История географических идей» П. Джеймса и Дж. Мартина А.Г. Исаченко пишет: «Кризис концепции хорологического антропоцентризма был неизбежен, поскольку она обнаружила свою несостоятельность как в теоретическом, так и прикладном отношении. Сторонники этой концепции не могли разрешить противоречий, связанных с извечными «дихотомиями» географии, или ее «дуализмом». Они так и не смогли найти пути для сохранения такого единства географии, при котором в рамках одной науки осуществлялось бы интегрированное изучение природы и человека и сочетались бы «систематический» (отраслевой) и региональный, идиографический и номотетический подходы» (4, с. 652).

Действительно, идеи Ф. Ратцеля, Р. Хартшорна, Э. Сэмпл и других «столпов» антропогеографии заслуживают критической оценки за многочисленные методологические «перегибы». Однако и вышеприведенная фраза также вызывает множество вопросов, например, таких как: Несостоятельной является любая концепция антропогеографии или только данная? Корректно ли постоянно пользоваться при анализе методологических вопросов географии штампованным выражением «хорологический антропоцентризм», когда сам автор цитаты в своей, без преувеличения, выдающейся работе при оценке хорологического подхода А. Геттнера – «отца» хорологической концепции – признается: «Кратко сформулировать сущность этой концепции непросто, ибо высказывания ее автора достаточно сложны и во многом противоречивы» (6, с. 76–77)? Не слишком ли прямолинеен вывод автора, жестко связывающего «неизбежность кризиса концепции хорологического антропоцентризма» с

фиаско Хартшорна при поиске единства географии? Не является ли «старомодной традицией» традиционное противопоставление идиографического и номотетического подходов, особенно с учетом того, что еще А. Гет-

тнер настаивал на том, что география является собой одновременно и идиографическую и номотетическую область исследований, какими, по сути дела, должны быть и почти все другие науки?

Библиографический список

1. Бромлей Ю., Подольный Р. Человечество – это народы. – М., 1990.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990.
3. Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. – М., Экопрос, 1994.
4. Джеймс П. и Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей. – М. 1988.
5. Иванов К.П. Этнос: категория или бытие? – В кн.: Учение Л.Н. Гумилева и современность. – СПб, 2002.
6. Исаченко Г.Г. Теория и методология географической науки. – М., 2004.
7. Козинцев В.П. Экология человека и проблемы социально-трудового потенциала населения // Проблемы экологии человека. – М., 1986.
8. Клущков В.Н. Ландшафтная концепция в культурной географии. Автореф. дисс. соиск. уч. ст. докт. географ. наук. – М., 2009.
9. Кобылянский В.В. Философия антропоэкологии. – Новосибирск, 2003.
10. Комаров В.Д. Экология человека как научная теория // Экологические императивы устойчивого развития России. – СПб, 1996.
11. Лурье С. Историческая этнология. – М., 2000.
12. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. – М., 1978.
13. Циолковский К.Э. Космос есть животное // Человек. – 1991. – № 6.
14. Ratzel F. Anthropogeographie, Bd 1–2, Berlin, 1882– 91.
15. Semple E. American history and its geographic conditions. – Boston–N.-Y., 1903.
16. Semple E. Influences of geographic environment on the basis of Ratzel's system of anthropogeography. N. Y. – 1911.

А.Ю. Мажар
(г. Смоленск)

ГЕОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Mazhar L.J. (Smolensk)

GEOSYSTEMATIC APPROACH TO STUDYING PATTERNS OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE SOCIETY

Аннотация. В статье анализируется современное состояние проблемы выявления законов и закономерностей в социально-экономической географии. С позиций геосистемного подхода автором предложена иерархия закономерностей территориальной организации общества.

Abstract. The article deals with the analyses of contemporary problems of laws and patterns formulation in socio-economic geography. Using the geosystematic approach the author suggests the hierarchy of territorial patterns organization of the society.

Ключевые слова: территориальная организация общества, геосистема, закономерность, иерархия закономерностей.

Key words: territorial organization of the society, geosystem, pattern, hierarchy of patterns.

Постановка проблемы. Вопрос о законах и закономерностях актуален для любой науки. Разумеется, окончательно (с научной точки зрения), он никогда не может быть «закрыт», особенно, если речь идет о таких

сложных науках, как география. Тем не менее, игнорировать данный вопрос нельзя – даже простой анализ состояния проблемы имеет большое научное и методологическое значение. Именно поэтому он постоянно на-

ходится в поле зрения ученых, которые периодически осуществляют анализ работ по данной проблеме [6, 19, 9].

Исходя из накопленного в географической науке опыта, можно заключить следующее: закон в его общеполитическом и научном понимании (в отличие от политического закона, формулирующего установленные в обществе нормы и правила действий) выражает наиболее общие отношения и связи, существующие объективно, независимо от субъективного их познания.

Конкретными проявлениями действия законов являются закономерности. В этом отношении нельзя не согласиться с утверждением П.Я. Бакланова, что «категория закона содержит в себе сущность явления. Категория закономерности отражает наиболее устойчивую тенденцию реализации этой сущности. В этой связи закономерности более конкретны, узки и изменчивы, чем законы» [7, с. 26]. Безусловно, выявление закономерностей соответствует эмпирическому этапу познания, а законов – теоретическому. Однако правомерен вопрос: всегда ли развитие теории должно сопровождаться открытием законов?

Ретроспективный взгляд на проблему. О законах в географической науке говорить очень сложно. С одной стороны, если за две тысячи лет существования географической науки стройная система объективных законов так и не сложилась, значит либо их нет вовсе, либо они настолько сложны, что современного уровня знаний не хватает для их выявления. С другой стороны, двойственность объекта изучения географической науки, точнее – наличие в нем природной и общественной составляющих, – наводит на мысль о том, что география имеет дело не с «собственными» законами, а с проявлением законов природы и общества в географическом пространстве. Кроме того, чрезвычайно сложно «загнать» в рамки законов географические объекты, являющиеся, как правило, «геотериальными индивидами». Очевидно проще другим наукам, имеющим дело с какой-либо одной формой материи, где более четко просматриваются законы, неизбежно действующие как устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. География – наука комплексная, имеющая дело с различными явлениями и сочетаниями разных видов материи, а потому и трудности выяв-

ления законов здесь вполне объективны. Попытки выявления общегеографических законов, в том числе законов о взаимодействии природы и общества предпринимались неоднократно [4, 5, 17, 16, 19], что представляет огромный интерес для развития географической науки.

Методологически важно, на наш взгляд, с позиций экономической, социальной и политической географии посмотреть «на состояние дел» в природном крыле географии, где законы и закономерности более очевидны и конкретны. С достаточной уверенностью можно утверждать, что на статус научного закона претендует закон зональности В.В. Докучаева, который отражает устойчивую и неизбежную зависимость природных явлений и особенностей географического пространства от их расположения на планете в пределах определенной природной зоны. В значительной степени и антропогенная сфера, особенно хозяйственная деятельность людей, определяется природной зональностью как одним из факторов развития общества.

Попытки открытия физико-географических законов и закономерностей неоднократно предпринимались и другими учеными. Вместе с тем, не все предложенные по этому поводу были доказанными. Многие из них представляют собой определение понятий или констатацию фактов. В частности, по мнению Д.Л. Арманды, «природная закономерность – это правило, гласящее, что если в природе создается некоторый комплекс условий (сложная ситуация), то из него неизбежно вытекает определенное следствие» [6, с. 39].

Таким образом, закономерности, проявляющиеся в конкретной сфере, должны в какой-то степени соответствовать формуле: «если ..., то ...». По крайней мере, устойчивые причинно-следственные связи между явлениями должны быть сутью выявляемых закономерностей. В то же время должен быть услышан призыв: с большой осторожностью возводить географические факты в ранг законов или закономерностей, так как не законы являются предметом географических наук. А вот «доведение явлений до прозрачности, несомненно, является задачей географов, и теоретической, и практической» [6, с. 41]. Но возникает вопрос: как понять суть явлений, не пытаясь «разглядеть» в них определенные закономерности? Именно поэтому, несомненно, научные поиски будут продолжаться, чтобы, в конечном счете,

«умственно овладеть всем многообразием действительности» [8, с. 208] и вывести географию на путь конструктивного решения актуальных проблем.

В общественной географии проблема законов и закономерностей стоит не менее остро, чем в физической (природной) географии, но решать ее значительно сложнее, так как общественные законы (а именно они являются основополагающими для общественной ветви географии) носят вероятностный характер и проявляются как тенденции развития. Кроме того, относительная молодость социально-экономической и, тем более, политической и других ветвей общественной географии, а также сложность объекта изучения «задерживают» ее на эмпирическом уровне, что обеспечивает накопление фактических знаний о многообразии географических объектов. Но уже начавшееся теоретическое обобщение говорит о растущем уровне развития экономической, социальной и политической географии.

«Развитость науки, – отмечает А.А. Ткаченко, – определяется полнотой и стройностью ее теоретического багажа. Высшая форма теоретического знания – научные законы» [21, с. 21]. В связи с этим необходимо отметить, что пока не создано строгих общепринятых критериев научного закона. Есть лишь весьма разумные и авторитетные суждения по этому поводу: законы не выражают специфики отношений, они допускают идеализацию, а вот закономерности – всегда конкретны. По мнению Э.Б. Алаева, из невероятно большого числа закономерностей можно выделить некоторые наиболее существенные для науки и именовать их законами [3, с. 87]. В подобной ситуации при отсутствии строгого разграничения понятий «закон» и «закономерность», лишь «практика» наряду с «проверкой временем» могут рассматриваться в качестве критериев.

Сущность геосистемного подхода. Ретроспективный взгляд на проблему показал, что в разное время ученые подходили к выявлению закономерностей в рамках определившихся на тот период парадигм. Это ни в коей мере не ставит под сомнение объективность сформулированных закономерностей, но наталкивает на мысль о необходимости поиска новых подходов в современных условиях. Стремление познать геопространство

во всей его полноте, с учетом природной и общественной составляющих, привело к утверждению в географической науке геосистемной парадигмы.

Сущность геосистемной парадигмы заключается в использовании категории «геосистема» как интегрального объекта изучения географической науки, имеющего как природную, так и социально-экономическую, или общественную, составляющие. В таком случае это понятие является действительно универсальным и может считаться общим по отношению к конкретным природно-территориальным и общественно-территориальным системам. При этом надо помнить, что понятие «система» имеет разное смысловое наполнение, что порой затрудняет его адекватное восприятие. Например, на бытовом уровне под системой понимают любые взаимосвязанные или упорядоченные объекты и явления (система наук, система действий, система подготовки кадров и т.п.). На общенаучном уровне под системой понимают сочетание объектов с упорядоченными взаимными связями, что придает ему новые качества: целостность, автономность, устойчивость [2, 3]. И, наконец, на профессиональном уровне каждая наука имеет дело со «своими» системами, которые отражают специфику изучаемого объекта (системы космические, биологические, технические, географические и др.).

Географические системы являются одной из категорий пространственных систем в окружающем нас мире (исходя из представлений о трехмерном евклидовом пространстве), а именно: геосистемы – это системы мезоуровня и планетарного масштаба (в отличие от космических мегасистем и микросистем молекулярного уровня). Главной особенностью пространственных геосистем является их «привязка» к поверхности планеты. Таким образом, пространственная сущность дополняется конкретными географическими координатами.

«Приземляя» свои рассуждения и вводя в понятие «пространственной системы» географические координаты и территорию, можно перейти к понятию территориальной системы, как множества предметов, обладающих различными горизонтальными географическими координатами и связанных между собой потоками вещества, энергии и информации, которое в отношениях с внеш-

ним миром выступает как единое целое [16]. Понятие «территория» в данном контексте несет в себе определенную долю условности, так как природные и антропогенные системы включают в себя не только сушу, но и водные пространства (акваторию), воздушное пространство (аэроторию), вовлеченные в хозяйственную деятельность. Таким образом, наиболее корректным термином, обозначающим поверхность планеты Земля, является сочетание названных пространств, или геотория [3]. Следовательно, в данном контексте более точным термином является не «территориальная система», а «геоториальная система» (в ее площадном двухмерном измерении), или «геосистема». Это еще один аргумент в пользу «геосистемной принадлежности» общественно-территориальных образований.

Все геосистемы, как природные, так и общественные, отвечают общим критериям географичности: геосистемы выдерживают определенную размерность (мезо- и макро-уровень в рамках эпигеосферы), имеют определенную неповторимость (являются «геоториальными индивидами»), обладают «неперемещаемостью». В общенаучном понимании они объективно подразделяются по генезису и преимущественному «набору» элементов (объектов) на два вида: природные и антропогенные, каждый из которых является объектом изучения соответствующего «крыла» географической науки – физической географии или социально-экономической.

Природные и общественные геосистемы, обладая общесистемными свойствами, имеют существенные различия в характере развития и степени управляемости. Но они функционируют не изолированно, являясь друг для друга не только «средой» или «фактором». Интенсивное взаимодействие между ними осуществляется по каналам природопользования и антропогенного воздействия на природу. Индикатором такого взаимодействия является конкретная геоэкологическая ситуация.

Геосистемы подразделяются на определенные виды в зависимости от целевых установок, набора элементов, характера связей и других признаков. При этом они не изолированы, могут включать в себя элементы, относящиеся к системам другого вида, т.е. одни и те же элементы в силу востребованности разных их качеств могут

входить в различные геосистемы. В этом нет противоречия, так как все географические объекты сложны по составу и многоаспектны по характеру функционирования. Геосистемы иерархичны по своей сути, но строгая иерархия выдерживается только лишь в геосистемах одного вида.

Геосистемы разного вида имеют сложную геоториальную соподчиненность. В редких случаях природные и антропогенные геосистемы совпадают абсолютно в рамках единых интегральных геосистем. Зачастую они «перекрывают» друг друга, образуя сложную картину дискретно-континуального географического пространства.

Особый интерес вызывает «зона контакта» природных и антропогенных геосистем, так как именно она требует внимания со стороны как физической, так и социально-экономической географии. Основоположник геосистемного анализа В.Б. Сочава говорил о необходимости изучения антропогенной составляющей в рамках геосистем (в его понимании – природных) [20]. Другой ученый – И.М. Маергойз – уже на первом этапе создания теории территориальных систем и структур в рамках экономической и социальной географии выделил четыре подсистемы народного хозяйства, среди которых наряду с материальным производством, инфраструктурой и расселением населения в качестве отдельной подсистемы рассматривал природные ресурсы; при этом он обращал внимание на необходимость изучения степени дифференцированности территории с точки зрения обеспеченности ресурсами и их разнообразия [12]. Разумеется, «за кадром» не могли оставаться и вопросы природных условий, влияющих на стоимость добычи ресурсов и, соответственно, производимой продукции.

Высказанные положения позволяют подойти к изучению общественно-географических объектов как геосистемных образований, что обеспечивает многоаспектность и полноту географического анализа и формирование в сознании людей адекватной географической картины мира. В прикладном аспекте использование геосистемного подхода к изучению территориальной организации общества позволит разработать систему методов регионального анализа с учетом накопленного ТПК-опыта, обогащенного всеохватным системным «взглядом»,

Рис. 1. Иерархия географических закономерностей

улавливающим все нюансы взаимоотношений геосистем разного вида.

Исходя из вышеизложенного и опираясь на общую теорию систем, критически осмысленную с позиций современной географии, можно сделать вывод о многоуровневой организации геопространства. Наиболее высокий уровень, во всей полноте отражающий сущность и целостность геопространства, представляют максимально интегрированные геосистемы, включающие в себя как природную, так и общественную составляющие. Они характеризуются не только общесистемными свойствами (эмерджентность, целостность, открытость, самоорганизация и др.), но и особыми геосистемными свойствами (мерность, топологичность «геотерриториальная индивидуальность», неперемещаемость в пространстве и др.). Следующий уровень, в контексте изучаемой проблемы, представлен общественными геосистемами, которые в свою очередь характеризуются антропогенным элементарным составом, полисистемной организацией, наличием общественно значимой цели, полиструктурностью и др. Самый «низкий» уровень общественных геосистем представляют территориальные системы определенного вида, отражающие конкретную сферу деятельности людей. В качестве примера можно привести «территориальные туристско-рекреационные системы», что актуально в свете изменившегося названия нашей науки – «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная

география». Указанные системы в дополнение ко всем выше перечисленным системным свойствам обладают и специфическими: демо- и антропоцентричность системы в силу рекреационных потребностей человека, высокий уровень мобильности и самоорганизации и др. [13, с. 92–102].

Итак, новый этап в изучении территориальной организации общества непосредственно сопряжен с геосистемной парадигмой, опирающейся на общую теорию систем и отражающей современный уровень представлений о географическом пространстве. Это позволяет несколько иначе взглянуть на проблему закономерностей территориальной организации общества.

Иерархия закономерностей. Поскольку географическое пространство имеет сложную системную организацию, может быть, имеет смысл говорить об иерархии закономерностей территориальной организации общества? Предлагаемая иерархия условно отражена на схеме (рис. 1). Вполне понятно, что это всего лишь точка зрения автора на данную проблему. Но если она вызовет дискуссию, споры, дальнейшие размышления, то от этого лишь выиграет наша наука.

Познание географических закономерностей разного иерархического уровня ведет к осмыслению сущности геопространства. В свою очередь это позволит не только грамотно проанализировать геосистемную организацию общества, но и использовать знание

закономерностей для конструктивного решения многих современных проблем.

Проблема иерархии закономерностей ТОО должна, на наш взгляд, рассматриваться в более широком контексте, с выходом на единый объект географической науки. В свое время достаточно категорично С.В. Калесник утверждал, что у этого объекта свойства и законы развития должны быть «одинаково специфичны для природы и для общества. Такого объекта нет» [10, с. 23]. Но теперь то уж практически нет сомнений в том, что в качестве такого единого объекта выступает географическое пространство, выраженное в свете системной парадигмы максимально интегрированными геосистемами, включающими как природную, так и общественную составляющие. Соответственно, на этом геосистемном уровне должны действовать закономерности наиболее высокого порядка. По мнению А.Н. Ласточкина, «одинаково специфические» закономерности связаны с тем, что «природа и общество находятся в рамках одного пространства ... и испытывают одинаковое воздействие со стороны внешних к этому пространству планетарных и астрономических факторов» [11, с.31]. Следовательно, географические закономерности высшего порядка определяются внешним воздействием на географическое пространство, а значит, и на геосистемы. При этом внешнее воздействие на интегральные геосистемы проявляется как на глобальном, так и на местном (т.е. геотопологическом) уровнях. Надо лишний раз говорить, насколько жизнь общества зависит от глобальных изменений климата, воздействия космических объектов на нашу планету? Пожалуй, это и есть закономерности высшего – *первого* – уровня, которые необходимо изучать всесторонне и со всей тщательностью.

Второй иерархический уровень географических закономерностей связан, на наш взгляд, с взаимодействием природы и общества, на что обращают внимание специалисты в области геоэкологии и природопользования, утверждая, что эти взаимодействия не только существуют, но и играют колоссальную роль. Изучение закономерностей данного уровня требует «двустороннего внимания» как со стороны физико-, так и со стороны экономико-географов.

Третий уровень иерархии представлен географическими закономерностями приро-

ды, что конкретно изучается в рамках физической географии, и общества. В нашем понимании последние – это и есть собственно закономерности территориальной организации общества.

Впервые вопрос о закономерностях размещения общественного производства был поднят А.Е. Пробстом. Он выявил методологически важную зависимость: вторичность размещения производства от его развития [15]. В таком случае, по мнению В.Я. Рома, «... законы развития производства ... первичны и определяют более конкретные и специфические процессы его размещения», а, значит, нет необходимости «обосновывать существование особых законов размещения производства» [18, с.44]. Тем не менее, интересны попытки ученых выявить экономико-географические законы [1]. К категории законов разными авторами были отнесены так же законы территориального разделения труда, пространственной дифференциации, пространственной концентрации (или агломерации) и другие [19, 1]. С.Я. Ныммик пришла к заключению о формировании социально-экономических пространственных систем как основного пространственного закона жизни общества [14, с. 23]. Поддерживая это мнение, необходимо подчеркнуть, что системообразование является результатом действия закономерностей более высокого порядка, а также соответствующих условий и факторов, и его можно считать одной из важнейших закономерностей ТОО.

Территориальное системообразование – сложный процесс, отражающий развитие общества в пространственно-временном континууме. В этом процессе, на наш взгляд, есть свои закономерности, которые носят частный характер. Но их выявление и анализ важны для понимания процесса формирования и развития (а в идеале – и управления) общественных геосистем. Именно на этих частных закономерностях необходимо сосредоточить внимание, чтобы выйти на уровень конструктивного решения проблем социально-экономического развития. При этом методологически важно развести два понятия: «закономерности формирования территориальных общественных систем» и «свойства территориальных общественных систем». О сути закономерностей было сказано выше. Под свойствами понимаются характеристики

геосистемы, отражающие ее пространственные и сущностные параметры.

Одной из важнейших закономерностей ТОО является целевой характер формирования общественных геосистем. Иными словами, если есть общественно значимая цель, то она определяет формирование соответствующей системы для ее достижения. При этом возможны различные варианты развития событий в зависимости от степени осознанности цели и подкрепления ее «административным ресурсом». Если цель недостаточно осознана обществом, четко не сформулирована, то формирование системы осуществляется в основном за счет процессов самоорганизации, что более характерно для низких иерархических уровней территориальных систем. В случае, когда цель осознана, четко сформулирована, выявлены конкретные задачи, разработана соответствующая программа, то формирование территориальной системы осуществляется достаточно быстрыми темпами с минимальными издержками. Самым, пожалуй, удачным примером в этом отношении могут служить программно-целевые территориально-производственные комплексы (ТПК), формирование которых происходило в нашей стране в условиях плановой экономики. Положительный опыт прежних лет может сослужить хорошую службу и в настоящее время.

Один из самых оригинальных подходов к изучению закономерностей в современной экономико-географической науке высказал А.А.Ткаченко. Он предлагает все основные закономерности ТОО свести к семи положениям, которые автор именует «началами», но считает возможным называть и законами: 1) взаимодополнение мест (в его основе лежат территориальное разделение труда и специализация как основа пространственных взаимодействий); 2) гравитационная закономерность (сила взаимодействия географических объектов пропорциональна их социально-экономическим массам); 3) пространственная концентрация; 4) концентрическое строение географического пространства; 5) иерархическое строение географического пространства; 6) стадийность территориального (регионального) развития; 7) принцип местного соответствия (наличие природных и историко-культурных ограничений развития любой территории [21].

Тот же автор подчеркивает, что именно эти семь «начал» в своем совокупном проявлении лежат в основе практически всех известных концепций и, «усложненные бесчисленным множеством случайных обстоятельств, определяют реальную географическую картину любой территории какого угодно масштаба» [21, с. 23].

Безусловно, высказанные суждения являются основополагающими в социально-экономической географии. Именно они во многом определили направление развития экономико-географической науки. Вместе с тем, на наш взгляд, эти базовые концепции отражают именно закономерности пространственной организации жизни общества, так как они предметны (в том смысле, что характеризуют предмет социально-экономической географии) и конкретны.

Накопленный опыт и выявленные закономерности, безусловно, составляют весомый теоретический багаж для экономико-географических исследований. Но, к сожалению, нельзя достоверно утверждать, что закономерности этого уровня четко сформулированы и являются общепринятыми, хотя это одна из основных задач теоретического раздела географии.

Далее, следуя принятой логике, можно предположить, что особые географические закономерности проявляются и в системах конкретного вида на *четвертом* иерархическом уровне. Их действие не выходит за рамки определенных геосистем, но они, тем не менее, важны для изучения особенностей территориальной организации конкретных сфер деятельности. Закономерности формирования территориальных систем определенного вида, в частности, туристско-рекреационных, представляют наибольший интерес с практической точки зрения. Они обладают рядом особых свойств, которые, безусловно, определяют географические закономерности, характерные лишь для этого вида территориальных систем. При этом (в соответствии с иерархией закономерностей), в развитии территориальных туристско-рекреационных систем проявляются и закономерности более высокого порядка, определяемые воздействием планетарных и космических условий, а также взаимодействием природы и общества, а так же закономерностями общественных геосистем.

Выводы.

- Стремление в географической науке выстроить логически обоснованную систему объективных законов является свидетельством перехода от эмпирического к теоретическому уровню познания географического пространства. При этом трудность установления законов, связанную с недостаточностью знания, нельзя принимать за невозможность установления законов вообще. Наличие в науке законов и закономерностей является свидетельством уровня ее развития в целом, так что необходимо больше внимания уделять именно этому аспекту развития географической науки.

- Законы развития общества (в том числе и производства) первичны и определяют процессы его пространственной организации. Закономерности ТОО являются пространственным проявлением важнейших экономических законов, а также отражением устойчивых взаимосвязанных и взаимозависимых процессов пространственной организации жизни общества. Следовательно, экономическая, социальная, политическая и рекреационная география, изучающая пространственный аспект жизни общества, имеет дело с более конкретной и «низкой» по уровню обобщения категорией – закономерностью.

- Категория закономерности должна, как правило, соответствовать определенным требованиям, а именно: указывать на наличие причин, определяющих конкретное явление (формула «если ..., то ...»). Закономерностью не является констатация факта, описание свойства или явления.

- Геосистемный подход к изучению закономерностей ТОО позволяет упорядочить сложившиеся представления в свете соответствующей парадигмы. Геосистемы в своей совокупности отражают сущность географического пространства, одной из основных характеристик которого является анизотропность. Именно это свойство географического пространства определяет его полисистемную организацию.

- В качестве одной из важнейших закономерностей ТОО выступает территориально-общественное системообразование, которое является результатом сопряженного взаимодействия экономических законов и закономерностей ТОО наиболее высокого порядка. Экономические законы и закономерности

территориальной организации хозяйства и всего общества не «диктуют» образование территориальных систем, но выражают тенденции размещения элементов в пространстве, обуславливают объективность формирования интегральных систем. Уровень развития территориально-общественного системообразования отражает характер развития экономики и степень зрелости общества в целом.

- Закономерности ТОО отражают конкретные устойчивые причинно-следственные связи, проявляющиеся в дискретно-континуальном социально-экономическом пространстве. При этом значимость и сфера проявлений научных закономерностей может быть различна (выявлены как основополагающие закономерности («начала»), так и частные). В связи с этим вполне логичным представляется построение определенной иерархии закономерностей территориальной организации общества. Закономерности, определяющие ТОО, имеют разный масштаб влияния и силу воздействия на процессы пространственной организации, что позволяет предположить иерархическую зависимость и выявить четыре уровня географических закономерностей: 1 – закономерности развития интегрированных геосистем (следствие воздействия внешних условий); 2 – закономерности взаимодействия природных и общественных геосистем; 3 – закономерности развития общественных (или природных) геосистем; 4 – закономерности развития территориальных систем конкретного вида (в том числе – территориальных туристско-рекреационных систем).

Послесловие. Вполне может быть, что кому-то совсем не актуальным покажется вопрос об экономико-географических закономерностях. Многие ученые заняты решением прикладных задач. И этот замечательный факт подтверждает востребованность географических знаний. Но коль скоро все мы заботимся о развитии географической науки, совершенствовании методов исследований, необходимо продолжать работу по изучению географических законов и закономерностей. На сегодняшний день есть лишь авторитетные суждения, отдельные точки зрения, оригинальные мысли по этому поводу. Но нет, к сожалению, достаточно четко сформулированных положений. В науке не может быть

единомыслия, но консолидированная позиция вполне может быть выработана. И это будет способствовать развитию фундаментальных исследований в рамках экономической, социальной, политической и рекреационной географии (так и хочется это громоздкое название заменить на более логичное и понятное – общественная, или гуманитарная,

география). Думается, что изучение данной проблемы могло бы стать одной из задач формирующейся профессиональной российской экономико-географической ассоциации. А страницы журнала «Региональные исследования» вполне могли бы стать достойной дискуссионной площадкой для решения теоретических вопросов географической науки.

Библиографический список

1. Грофонов, Н.Т. Основные закономерности размещения социалистической промышленности / Грофонов Н.Т., Лавров С.Б. // Теоретические вопросы экономической географии. – Л.: Наука, 1973. – С. 21–51.
2. Лев, Э.Б. Экономико-географическая терминология / Лев Э.Б. – М.: Мысль, 1977. – 199 с.
3. Лев, Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-термино-логический словарь / Лев Э.Б. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
4. Нучин, В.В. Теоретические основы географии / Нучин В.В. – М.: Мысль, 1972 – 430 с.
5. Нучин, В.В. Географический фактор в развитии общества / Нучин В.В. – М., 1982.
6. Орманд, Д.Л. Наука о ландшафте (основы теории и логико-математические методы) / Орманд Д.Л. – М.: Мысль, 1975. – 288 с.
7. Бакланов, П.Я. Динамические пространственные системы промышленности: Теоретический анализ / Бакланов П.Я. – М.: Наука, 1978. – 132 с.
8. Геттнер, В. География, ее история, сущность и методы / Геттнер В. – М.–Л.: ГИЗ, 1930. – 416 с.
9. Исаченко, В.Г. Теория и методология географической науки / Исаченко В.Г. – М.: «Академия», 2004. – 400 с.
10. Келесник, С.В. Общие географические закономерности Земли / Келесник С.В. – М., 1970. – 284 с.
11. Ласточкин, В.Н. Системно-морфологическое основание наук о Земле (геотопология, структурная география и общая теория систем) / Ласточкин В.Н. – СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2002. – 762 с.
12. Мергойз, И.М. Территориальная структура хозяйств / Мергойз И.М. – Новосибирск, Наука, 1986. – 303 с.
13. Мажар, Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы / Л.Ю.Мажар. – Смоленск: Универсум, 2008. – 212 с.
14. Ныммик, С.Я. Пространственные законы общества и социально-экономическая география / Ныммик С.Я. // Методология и методы изучения социально-экономических территориальных систем. – Тарту: Изд-во ун-та, 1981. – С. 16–30.
15. Пробст, В.Е. Эффективность территориальной организации производства. Методологические очерки / Пробст В.Е. – М.: Мысль, 1965. – 208 с.
16. Родоман Б.Б. Территориальные ярусы и сети: Очерки теоретической географии / Родоман Б.Б. – Смоленск: Ойкумен, 1999. – 256 с.
17. Родоман, Б.Б. География, районирование, картоиды: сборник трудов / Родоман Б.Б. – Смоленск: Ойкумен, 2007. – 372 с.
18. Ром, В.Я. Проблемы экономической географии и экономико-географическое прогнозирование / Ром В.Я. // Экономико-географическое прогнозирование. – М.: МГПИ, 1979. – С. 3–91.
19. Шушкин, Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Шушкин Ю.Г. – М.: Мысль, 1973. – 560 с.
20. Сочнев, В.Б. Учение о геосистемах / Сочнев В.Б. – Новосибирск, 1975.
21. Ткаченко, В.В. О процессе социологизации и элементах общей теории социально-экономической географии / Ткаченко В.В. // Региональные исследования. – 2002. – №1. – С. 20–23.

И.И. Хохлова
(г. Смоленск)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕГИОНАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Khokhlova I.I. (Smolensk)

THEORETICAL ASPECT OF THE REGIONAL LABOUR FORCE MARKETING

Аннотация. В статье анализируются проблемы, обуславливающие несбалансированность спроса и предложения на региональном рынке труда. Рассматриваются сущность и функции регионального маркетинга рабочей силы. Обосновывается необходимость его применения в качестве рыночного механизма, способного интегрировать интересы субъектов трудовых отношений.

Abstract. This article runs about the problems of disbalance between the supply and demand at the regional labour market. The article analyzes the nature and functions of the regional labour force market. In this article the author grounds the necessity of using its system as a market mechanism which is capable to integrate the interests of different entities of the labour relations.

Ключевые слова: маркетинг рабочей силы, региональный рынок труда, сделка, спрос, предложение, управление маркетингом.

Key words: labour force marketing, regional labour market, deal, demand, supply, marketing management.

В настоящее время региональный рынок труда, как и экономика в целом, развивается и совершенствуется. Однако нельзя не согласиться, что ему присущи многочисленные диспропорции и слабость, а в ряде случаев отсутствие реальных рыночных механизмов, более эффективных подходов и мер в управлении, ответственность за разработку которых полностью перекладывается на регионы.

Региональный рынок труда является открытой системой, подверженной влиянию многих факторов внешней среды, которые все время выводят ее из состояния равновесия. Это проявляется в первую очередь в качественном, количественном и территориальном несоответствии спроса и предложения рабочей силы, что является основной проблемой региональных рынков труда современной России.

Несбалансированность спроса и предложения наблюдается на всех стадиях воспроизводства рабочей силы: «ее производстве (социально-демографический аспект), обмене (акт купли-продажи), распределении (посредством социального, профессионального и территориального перемещения рабочей силы) и использовании в сфере труда» [7, с. 11].

В условиях перехода к экономике инновационного типа наиболее востребована высокопрофессиональная и высокопроизводительная рабочая сила. Однако старение на-

селения, низкий уровень заработной платы, затрудняющий выполнение ею воспроизводительной функции в сочетании со сложной экологической обстановкой в большинстве регионов обуславливает высокий уровень заболеваемости и смертности трудоспособного населения. Недостаточная адаптированность системы образования к отраслевой структуре регионального хозяйства и требованиям работодателей способствует снижению качества и конкурентоспособности рабочей силы. К тому же, из-за низкого уровня информированности населения о региональных особенностях спроса на конкретные специальности ориентация на профессии у современного индивида складывается в значительной степени под воздействием существующего стереотипа ценности высшего образования как условия его устойчивого социального положения в обществе, сформированного у старшего поколения и мотива «престижности» профессии. Как следствие - переизбыток предложения экономистов, юристов, учителей.

Нерациональное распределение рабочей силы относительно имеющихся в регионе рабочих мест связано с ее низкой мобильностью и неспособностью перемещаться вслед за капиталом. А в сочетании с демографическим спадом, делает напряженной ситуацию в отдельных отраслях, на аграрных рынках труда и в моногородах. Вышеуказанный факт

придает проблеме занятости ярко выраженный региональный характер.

Эффективность использования рабочей силы затрудняется, с одной стороны, неудовлетворительными условиями труда, низким уровнем заработной платы, отсутствие социальных гарантий, несоблюдением норм трудового права. С другой стороны, такие ценности, как приспособляемость, упорство, дисциплина и прилежание в процессе трудовой деятельности все больше уходят на задний план, освобождая место потребностям в более емком свободном пространстве для личного самовыражения и самоопределения, участия в принятии решений на предприятии, учете возрастающих внепрофессиональных интересов и действий. Таким образом, работодатель сегодня столкнулся с новым типом кандидата на вакансию, «осознающего свою значимость, критически настроенного по отношению к предприятию-работодателю, не ограничивающегося удовлетворением потребностей материального уровня» [1, с. 71].

Выявленный дисбаланс между спросом и предложением на стадиях производства, распределения и использования рабочей силы затрудняют обменные процессы на региональном рынке труда. В самом широком смысле при осуществлении обмена стороны предполагают получить от потенциального работника и предприятия – работодателя желаемой реакции на товар и как результат вступление их в трудовые отношения. Обмен оформляется в виде сделки, под которой в маркетинге понимают «обмен ценностями между двумя сторонами» [3, с. 38].

В условиях конкуренции сделка между кандидатом и работодателем будет возможна при условии, что стороны предложат друг другу самую высокую предоставляемую ценность товара («рабочей силы» и «рабочего места»). В традиционном маркетинге представляемая потребительская ценность определяется как разность между совокупной потребительской ценностью и совокупными затратами потребителя при приобретении данного товара – «выгода» потребителя [3, с. 453–456].

Концепция «представляемой потребительской ценности» хорошо обобщает многие наблюдения и может быть использована как в отношении покупателя, так и в отношении продавца.

Применительно к региональному рынку труда, процесс реализации данной концепции можно представить следующим образом. Работодатель в качестве покупателя оценивает совокупную потребительскую ценность товара «рабочая сила», конкурирующего с аналогичными товарами на региональном рынке труда, а именно способность работника выполнять предписанные ему задачи, наличие у него ориентации на личностное совершенствование, понимания и принятия организационных ценностей. Затем сравнивает ее с совокупными потребительскими затратами, включающими денежные и временные затраты на поиск, адаптацию и мотивацию работника, определяя при этом представляемую потребительскую ценность рабочей силы. Если сравнение показывает наибольшую «выгоду», наниматель принимает решение о покупке именно этого товара.

Аналогичным образом действует претендент в отношении товара «рабочее место», предлагаемого работодателем. Только в данном случае совокупная потребительская ценность товара определяется условиями, напряженностью, режимом и безопасностью труда; степенью удовлетворения потребностей кандидата, предложенным вознаграждением за труд; имиджем предприятия, рабочего места, профессии. Совокупные потребительские затраты потенциального работника, при этом, складываются из денежных, временных, энергетических и психологических затрат, связанных с поиском этого рабочего места, адаптацией и непосредственно трудовой деятельностью.

В свою очередь, если рассматривать работодателя и претендента в качестве продавцов, то их действия будут заключаться в оценке совокупной потребительской ценности и совокупных потребительских затрат, связанных с собственными маркетинговыми предложениями и предложениями конкурентов. Если продавец находит, что конкуренты представляют большую ценность, то он может попытаться максимизировать совокупную потребительскую ценность или снизить совокупные потребительские затраты [3, с. 454] (рис. 1).

Из рисунка видно, что в процессе совершения сделки прямо или косвенно участвуют все субъекты регионального рынка труда. Однако успешность сделки, подразумевающая удовлетворение потребностей этих субъ-

Рис. 1. Условия совершения сделки на региональном рынке труда

ектов, во многом определяется степенью их взаимодействия. К сожалению, на сегодняшний день можно констатировать факт автономности функционирования субъектов. Это обусловлено различиями в целеполагании их деятельности и отсутствием механизма, дающего возможность использовать синергетический эффект усилий каждого субъекта регионального рынка труда.

В качестве субъектов трудовых отношений в регионе, интересы которых должны быть гармонизированы, выступают:

- наемные работники, ищущие подходящее к их требованиям и параметрам рабочее место;
- работодатели, через создание эффективных рабочих мест, осуществляющие наем рабочей силы, способной обеспечить достижение целей деятельности предприятия;
- государственные и негосударственные структуры, содействующие занятости;

– профессиональные учебные заведения, подготавливающие продукт в виде наемного работника, удовлетворяющего требованиям работодателя и рынка;

– профсоюзы, защищающие и протектионирующие права и интересы определенных групп работников и работодателей;

– миграционные службы, занимающиеся организацией миграционных потоков.

Рассматривая рынок труда в региональном аспекте, необходимо учесть потребности еще одного субъекта – региона и его территорий, выразителем которых выступает их администрация, обладающая всеми необходимыми правами по управлению социально-экономической жизнью территориального образования. Потребность региона и его территорий, как видится, заключается в повышении благосостояния населения и развитии экономики через обеспечение эффективной занятости. То есть, с одной стороны, дея-

тельность администрации должна опираться на потребности и запросы населения, с другой – создавать условия для эффективного функционирования производства.

Таким образом, региональный рынок труда представляет собой сложную систему отношений между его субъектами, часть интересов которых может быть согласована, а часть довольно трудно поддается согласованию.

Одним из механизмов, способных интегрировать интересы всех участников рынка труда является адекватная складывающейся в регионе ситуации, маркетинговая деятельность – региональный маркетинг рабочей силы.

Следует отметить, что вопросы регионального маркетинга рабочей силы только начинают ставиться в научной литературе. Поэтому целесообразно остановиться на теоретических аспектах определения этого термина.

Маркетинг ставит во главу угла удовлетворение потребностей потребителей. Особенностью рынка труда является то, что не только работодатель удовлетворяет потребности в рабочей силе, но и сам работник стремится найти рабочее место, удовлетворяющее его потребности.

В связи с этим маркетинг на рынке труда рассматривается в научной литературе как «вид деятельности, направленный на достижение оптимального соответствия между спросом и предложением рабочей силы с целью удовлетворения потребности в труде всех субъектов трудовых отношений» [6], «система деятельности, позволяющая его субъектам оценивать состояние рынка труда, тенденции его изменения и принимать обоснованные управленческие решения в сфере найма (трудоустройства), содействия занятости и эффективного использования человеческого капитала» [2, с. 16–17] или «средство ориентации на такой товар «рабочая сила», где участники маркетинговой деятельности направляют усилия на создание условий для соединения способностей к труду с капиталом через все возможные виды занятости» [5, с. 33].

Основанием для рассмотрения маркетинга рабочей силы на региональном уровне можно считать введение в научный оборот А.М. Лавровым и В.С. Сурным термина «региональный маркетинг», означающего «...элемент системы рыночных отношений, спроецированный не на микроуровень (уровень предприятий и фирм), а на мезоу-

ровень (уровень области, края, республики РФ)» [4, с. 30]. По их мнению «Региональный маркетинг выступает... в качестве достаточно эффективного метода согласования разноуровневых интересов и целей. Роль регионального маркетинга в этом аспекте просто трудно переоценить, ибо невозможно никакое движение вперед, а тем более к рынку без согласования интересов, без их учета» [4, с. 31].

Томилов В.В. и Семеркова Л.Н. отмечают, что роль маркетинга определяется целями и задачами субъектов и зависит от уровня управления рынком труда, выделяя общегосударственный, региональный и локальный уровни [6].

Исходя из выше изложенного, а также, основываясь на использовании наработок отечественных и зарубежных ученых, автор предлагает следующее определение регионального маркетинга рабочей силы. Это деятельность, связанная с выявлением потребностей субъектов трудовых отношений конкретного территориально-административного образования, с созданием условий для согласования и удовлетворения этих потребностей в территориальном, временном и отраслевом разрезах и направлена на обеспечение эффективной свободно избранной занятости.

Таким образом, региональный маркетинг рабочей силы можно рассматривать как совокупность действий субъектов трудовых отношений, способствующих повышению совокупной потребительской ценности товара («рабочая сила» или «рабочее место») и снижению совокупных потребительских затрат, связанных с приобретением этого товара.

Решение вышеуказанных задач маркетинг рабочей силы обеспечивает, реализуя на рынке труда информационную, товарную, ценовую, распределительную и коммуникационную функции.

Реализация информационной функции предполагает формирование информационной базы для выполнения всех остальных функций регионального маркетинга рабочей силы, путем проведения маркетинговых исследований. Маркетинговые исследования предоставляют субъектам трудовых отношений информацию, которая позволяет быстро и правильно реагировать на изменения, происходящие во внешней и внутренней среде, прогнозировать критические ситуации, планировать и осуществлять активную политику

ку на региональном рынке труда, при необходимости вносить те или иные коррективы.

Повышение уровня информационного обеспечения субъектов рынка труда, предоставление достоверных, удовлетворяющих их потребностям, по возможности исчерпывающих, данных о его состоянии возможно, благодаря реализации коммуникационной функции маркетинга рабочей силы.

Целью всех коммуникационных мероприятий (реклама о вакансиях, самореклама, интервью на актуальные темы в средствах массовой информации, презентации в школах и вузах, экскурсии, дни открытых дверей, участия в ярмарках, привлекательная презентация в Интернете, профориентационная работа и др.) в рамках маркетинга рабочей силы является не только формирование и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между субъектами регионального рынка труда и общественностью, а также друг с другом, но и создание собственного положительного образа и донесение его до целевых групп.

Познание информационного поведения «потребителей» будущей рабочей силы или места работы позволяет субъектам рынка труда сформировать специфические для каждого сегмента коммуникационные стратегии, способствующие более скорому и результативному совершению сделки.

Реализация товарной функции в традиционном маркетинге подразумевает создание товара. В маркетинге рабочей силы к содержанию этой функции следует причислить обеспечение качественного и количественного соответствия предложения рабочей силы требованиям экономики региона. С другой стороны это структуризация имеющихся рабочих мест, то есть выявление и упорядочение требований к должностям и профессиям, а также создание специальных рабочих мест для лиц, нуждающихся в социальной поддержке, как элемента стимулирования занятости в регионе, носящего экстенсивный характер.

Ценовая функция регионального маркетинга рабочей силы соответствует ценовой политике в рамках традиционного маркетинга и охватывает такие инструменты как заработная плата (с учетом фактора конкуренции), социальные выплаты и льготы. Кроме того, она включает затраты, связанные с поиском рабочей силы или рабочего места, с

наймом и созданием рабочих мест. Ее реализация обеспечивает снижение этих затрат.

Распределительная функция предполагает территориальное, отраслевое, профессиональное распределение и перераспределение рабочей силы. Реализация этой функции означает взаимодействие с внешними посредниками при удовлетворении потребностей работников и работодателей в труде. В качестве посредников на региональном рынке труда выступают государственные и коммерческие службы по содействию занятости, миграционная служба, учебные заведения профессионального образования и другие.

Не один из субъектов трудовых отношений не берет на себя выполнение всех функций. В связи с этим практическая их реализация подразумевает формирование эффективной системы управления региональным маркетингом рабочей силы, которая представляет собой программу маркетинговых действий соответствующих рыночных субъектов, направленных на удовлетворение регионального спроса на товар «рабочая сила».

Традиционно процесс управления маркетингом включает сбор и анализ информации о спросе, предполагающий сегментацию рынка и выделение целевых сегментов, разработку комплекса маркетинга и претворение в жизнь маркетинговых мероприятий, включая контроль их реализации. В связи с огромным количеством субъектов регионального рынка труда и переменных величин цели и пути их достижения будут различны.

В частности, сбор и анализ информации каждый субъект маркетинга должен осуществлять сообразно своим задачам, функциям, кадровым и техническим возможностям. Однако общим для них является формирование единой информационной базы, расширяющей возможности и емкость регионального рынка труда, создающей основу для нахождения общего «маркетингового языка». Осуществив сегментирование рынка труда также на основе разных параметров, субъекту важно выбрать для себя тот целевой сегмент, для успешной работы с которым у него есть необходимые предпосылки. На этапе разработки комплекса маркетинга субъект регионального рынка труда осуществляет собственное маркетинговое планирование.

Все названные выше мероприятия должны иметь специфичную для всех участников систему маркетингового контроля.

Однако наличие обратной связи, то есть информации о ходе реализации маркетинговых программ и планов, станет основой для предотвращения дисбаланса в действиях всех участников рынка труда, поскольку позволит быстро отреагировать на изменения, происходящие с другими субъектами и окружающей средой, и спрогнозировать последствия принятия тех или иных мер воздействия регулирующего характера на стадии проработки вопроса об их целесообразности.

Таким образом, региональный маркетинг рабочей силы, обеспечивая комплексное взаимодействие всех участников регионального рынка труда, позволяет повысить уровень интенсивности обменных процессов и способности к совершению этих процессов, дает возможность использовать новые методы для предотвращения дисбаланса, что приведет к более полному удовлетворению их потребностей, к более быстрому достижению поставленных ими целей.

Библиографический список

1. Кибинов Я.Я., Дурков И.Б. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интеракционизация: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 301 с.
2. Киян Л.П. Маркетинг рынка труда. – Центр информ. и соц.-эконом. исследования. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 96 с.
3. Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Д., Вонг В. Основы маркетинга: Пер. с англ. – 2-е европ. изд. – М.-СПб.-К.: Издательский дом «Вильямс», 2000. – 944 с.
4. Лавров М.М. Реформирование экономики: региональные аспекты / М.М. Лавров, В.С. Сурнин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – 106 с.
5. Суханов Э.Э., Сотников С.И. Маркетинг рабочей силы: социально-экономический анализ. – СПб.: Изд-во СПбУ-Эф, 1995. – 145 с.
6. Томилов В.В., Семерков Л.Н. Маркетинг рабочей силы. url: <http://www.bibliotekar.ru/marketing/4.htm> (дата обращения: 16.02.2010).
7. Топилин В.В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 321 с.

Т.И. Яськова
(г. Смоленск)

ПРИСТОЛИЧНЫЙ РЕГИОН КАК РЕЦИПИЕНТ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Yaskova T.I. (Smolensk)

BYSIDE REGION OF METROPOLITAN AS A RECIPIENT
OF THE CRISIS PHENOMENA: VIEW OF PROBLEM
IN THE LIGHT OF GEOGRAPHICAL THEORY

Аннотация. В статье предпринята попытка сквозь призму теории географии определить роль пристольного положения региона в процессе диффузии кризисных явлений. В качестве модели взаимодействия столичного и пристольного региона принята модель пространственного взаимодействия «центр–периферия».

Abstract. In the article attempt in the light of geographical theory to define a role of byside location of metropolitan in process of the crisis phenomena diffusion is undertaken. As model of interaction of metropolitan region and byside region of metropolitan centre–periphery spatial interaction model is accepted.

Ключевые слова: пристольный регион, пристольное положение, центр, периферия, диффузия инноваций.

Keywords: byside region of metropolitan, byside location of metropolitan, centre, periphery, diffusion of innovation.

Исходя из общегеографических положений, уместно утверждать, что существование объекта или явления во времени и простран-

стве неизбежно связано с его развитием. В географии под этим термином чаще всего понимается изменение структуры географи-

ческих образований. Когда такие функциональные и структурные изменения рассматриваются применительно к регионам, их обозначают через «региональное развитие» [1, с. 88]. Последнее трактуется как региональное (а шире – территориальное, со всем разнообразием масштабов и форм) проявление общественного развития в целом [24, с. 108] или комплексный процесс изменений экономической, социальной, экологической, политической и духовной сфер, приводящий к качественным преобразованиям и, в итоге, к изменению условий жизни самого человека [8]. Региональное развитие носит волновой характер: стадии роста социально-экономических показателей сменяются стадиями спада, характеризующимися развитием кризисных явлений и процессов (экономического, политического, демографического, экологического характера – как по отдельности, так и в определенных сочетаниях). Региональное развитие, как и развитие в целом, может быть ответом на воздействие внешних условий или внутренних факторов – так или иначе, развитие есть отражение какого-либо противоречия [20, с. 8].

В современных условиях любой регион представляет собой сложную открытую систему, поэтому не может развиваться изолированно. Региональное развитие происходит в условиях тесного взаимодействия, прежде всего, со своим окружением. Для обозначения соседства исследуемого региона и существенно важного для него элемента географического описания в литературе используется приставка «при-», обозначающая непосредственную близость, а также указывается сам внешний объект, соседство с которым оказывает наибольшее влияние на развитие исследуемого региона (например, приграничный, приморский, пристольный регион). Пристольный регион – регион, занимающий пристольное положение. Термин «пристольное положение» сравнительно молод, однако понятие, им обозначаемое, довольно давно обсуждается в научной литературе. Так, среди больших и сложных проблем экономической и социальной географии важное место занимает взаимодействие крупнейших городов, в том числе столичных, с окружающей территорией. «Для географического изучения городов, – писал Н.Н. Баранский, – внешние связи имеют особо большое значение, так как только анализ

этих связей города позволяет понять город на фоне окружающей его географической среды» [3]. Анализ взаимодействия крупных городов с окружающими селениями, определение зон их влияния произведен рядом экономико-географов. Из отечественных исследователей одним из первых в этом ряду стоит В.П. Семенов-Тянь-Шанский. Он сделал удачную попытку выделить истинные экономические города, включая сельские торгово-промышленные очаги как будущие городские центры. Была предложена их типология, даны емкие характеристики столиц со сферами их экономического влияния и признаками агломерационных реалий в виде кольцевых систем субцентров. Особое место занимают также комплексные работы по ЭГП крупных городов: И.М. Маергойза – по Сталинграду, М.К. Бандмана – по Улан-Удэ, Г.В. Сдасюк – по Иркутску, М.И. Скляра – по Саратову, Ф.М. Листенгурта – по Ярославлю, Калинин (ныне Тверь) и Рыбинску, В.С. Варламова – по Оренбургу [14, с. 29]. Значение пристольного положения отмечал Б.Б. Родоман. Он усмотрел влияние столицы на расположение центров областей нечерноземной части Центральной России [16].

Что касается систем более высокого ранга (субъектов РФ), то анализ их пристольного положения представлен, как правило, фрагментарными, эскизными разработками небольшого числа исследователей. Проблема влияния Москвы и Санкт-Петербурга на прилегающие территории посвящены некоторые работы недавнего времени [4, 13, 19]. Однако в них, как правило, согласно целям и задачам исследования, отражены лишь некоторые аспекты такого влияния (чаще – демографический, реже – экономический, экологический), что не может в полной мере дать представление о пристольности как комплексном явлении. В научной литературе нет даже четких развернутых определений понятия «пристольное положение», позволяющих очертить хотя бы его объем. В качестве рабочего определения нами принято следующее. Пристольное положение – это совокупность географических отношений, основным признаком которых является отношение к ареалам, наделенным столичными функциями и взаимодействующим через границу. Пристольный регион, соответственно, – это регион, граничащий со столичным регионом и испытывающий непосредствен-

ное его влияние. Специфика пристолично-го положения региона во многом кроется в определении феномена столичности.

В отечественной географии, в купе с определением зон влияния крупных городов, накоплению опыта исследования самих столиц и феномена столичности способствовали многолетние исследования Москвы и столичного региона, проводимые под руководством Н.Н. Баранского, Ю.Г. Саушкина и группой их учеников. На примере Москвы формировались методологическое направление и схема изучения феномена столичности, позволяющие выявить его понятийные аспекты, свойства и признаки [11, 15]. Работы Н.Н. Баранского [2, 3] содержат также анализ роли столичности, создавшей потребительский рынок, финансовые и прочие условия для роста передовых отраслей индустрии. Позднее появились примеры региональных исследований столичного фактора: столиц восточно-европейских государств [18], а также исследования столиц с позиции их влияния на развитие национальных систем расселения [9].

Будучи понятием не сугубо географическим, но, скорее культурологическим, активно используемым не только в специальной литературе, но и в публицистике, и в быденной речи, столичность как явление стала предметом специального изучения в географии относительно недавно. Поэтому, говоря о столичности, нельзя не отметить два характеризующих ее парадокса:

- 1) парадокс малоизученности;
- 2) парадокс многоаспектности.

Имеющийся на данный момент времени опыт изучения столичности как явления не позволяет пока представить обсуждаемую проблему «в целом». Весь накопленный багаж знаний по этому вопросу состоит из двух частей:

а) знания о столицах как о категориях преимущественно крупных городов, центрах интеллектуального, научно-производственного, культурного потенциала, финансовых центрах;

б) знания об индивидуальных чертах пристоличных административных, экономических регионов.

Выделяя столичный регион в качестве объекта межрегионального взаимодействия необходимо учитывать две категории столиц.

1. Столицы по административно-политическому статусу – центры государственной

власти. Политические столицы в строгом смысле – это главные города государств и государственных образований с соответствующими функциями и статусом. Столица по определению Э.Б. Алаева – это поселение, являющееся главным городом государства или аналогичного образования [1, с. 182]. Однако в странах с федеративным устройством наблюдается определенная иерархия столичности. Так, в России столицами официально именуются, кроме Москвы, центры автономных республик. В ряде стран крупные единицы АД типа штатов имеют элементы государственности, свои правительства и центры, называемые столицами (Атланта – столица штата Джорджия).

2. Неформальные столицы – крупнейшие города, многофункциональные центры стран и крупных регионов. Не имея юридического статуса, они выполняют важные столичные функции в широком смысле и притом в крупнорегиональном, национальном или международном масштабе. Их столичный характер выражен тем сильнее, чем меньше реального веса у официальных столиц и чем сильнее выражена многостоличность (Нью-Йорк как финансово-экономическая столица США, Дюссельдорф как столица Рура) [21, с. 136].

Нередко такие столицы требуют определенных критериев выделения, которыми выступают, как и в первом случае, общие по характеру столичные функции. К ним относятся:

1) Функции, обеспечивающие лидирующую роль столиц. Потенциал столицы как безоговорочного лидера выражается в развитии обслуживающих функций города (наука, образование, торговля, сосредоточение неправительственных финансовых и международных организаций, культурные и коммуникационные услуги). Именно их взаимодействие и позволяет получить новое «столичное» качество. В то же время, обслуживающие функции столицы являются наименее устойчивыми к кризисным явлениям и процессам, происходящим в условиях глобализации извне.

2) Центральные функции высокого ранга. К ним относятся функции, обеспечивающие роль столицы как политического центра. Выполняя их, столица осуществляет разностороннее обслуживание нужд обширного региона, центром которого она является и на который распространяется ее влияние.

Будучи сложным общественным явлением, столичность многоаспектна. Выделяют политический, юридический, экономический, социальный, географический, экологический аспекты столичности, которые можно условно свести к трем основным рядам понятий.

1. «Лидерство», «главенство» и «первенство» (функциональный ряд, охарактеризован выше).

2. «Центральность положения» (территориальный ряд). В узком смысле центральность понятию придает официальный юридический статус столицы, местопребывание высших органов государственной власти, посольств (собственно столичное положение). В широком смысле центральность столичному положению придает ориентация центростремительных и центростремительных процессов, как-то: диффузия нововведений, концентрация деятельности, фокусами и очагами которых являются столицы.

3. «Качество социальной среды» (социально-экологический ряд). Понятие столичной среды выделяется как подтип урбанизированной среды жизни, которая, помимо общих черт этого типа, обладает рядом особых качеств (обилие иммигрантов, деловой стиль отношений, широкий спектр услуг, а также мест образования, труда, досуга). Столичная среда формирует особый тип жителя, которого отличает амбициозность, профессиональные и семейно-бытовые установки, отличные от установок провинциала.

В результате взаимодействия указанных рядов формируется представление о центральных функциях и об управляющих центрах территорий. Их высшую разновидность представляют собой столичные функции и сами столицы с их специфичной средой.

Для высших форм проявления столичности характерны два феномена:

- 1) феномен взаимосвязанности;
- 2) феномен противоречия.

В первом случае речь идет о взаимосвязанности всех сторон столичной жизни. Так, например, обслуживание емкого потребительского рынка, тяготение к научным, информационным и управленческим центрам сказывается на отраслевом составе индустрии.

Несмотря на взаимосвязанность и взаимообусловленность реалий столичной жизни, для нее типичны противоречия. Столичность стимулирует генезис новых функций, форм и

видов деятельности, а большие масштабы их концентрации делают региональное развитие в высокой степени инерционным. Поэтому для отраслей и функций столичного региона характерно противоречие между стремлением к их ускоренной смене, в том числе в связи с «моральным старением», и высокой устойчивостью территориально-отраслевых структур. Лидерство с постоянным воспроизводством, сменой лидирующих начал порождает противоречие между большими возможностями для поступательного развития и значительными трудностями на этом пути [15, с. 3-22]. Таким образом, именно у столиц возникает потребность в формировании развитого, функционально сложного окружения, и есть возможность его создавать.

Регион, окружающий столицу, служащий ее многообразным дополнением, активно с ней взаимодействующий, служащий средством усиления и расширения возможностей столицы в выполнении ее функций, носит название столичного региона. На столичные регионы распространяется центральность положения столицы, что служит для них мощным фактором регионального развития [15, с. 9, 12]. Преодолевая административные границы, импульс регионального развития, порождаемый противоречиями столичной жизни, распространяется на столичный регион. Тот, в свою очередь, испытывает противоречие между эндогенными и экзогенными условиями регионального развития. Высококвалифицированное обслуживание всей страны при ограниченности собственных ресурсов позволяет и заставляет использовать центральность экономико-географического положения, что проявляется в сетях коммуникаций, в развитии радиальных направлений в ущерб кольцевым и хордовым [15, с. 21]. Данное противоречие, в свою очередь, есть суть развития, которое в радиальных направлениях исходит из столичного региона на прилегающие территории, в нашем случае – на пристольные регионы, постепенно затухая. Таким образом, рождается феномен «пристоличности». Сам феномен «пристоличности», в известном смысле, представляет собой совокупность специфических явлений, неравномерно распределенных по территории, границы которой трудно определимы. Установить признаки, отличающие их от подобных, но наблюдаемых в пределах периферийных территорий, не являющихся

пристоличными, достаточно затруднительно. В случаях, когда это необходимо, в основу идентификации закладывается эффект влияния на территориальные процессы близко расположенной столицы, отношения с которой развиваются в рамках пространственной модели «центр-периферия».

В этой системе центр представляет собой активно-доминирующее начало, место зарождения нововведений, как прогрессивных, так и регрессивных, концентратор сложности, специфики и разнообразия.

Понятие центр предполагает наличие ему противостоящей, его дополняющей остальной территории, которая в данном случае именуется периферией (хинтерлендом). Согласно точке зрения В.Л. Каганского, периферия – это зависимая окраина, ресурсная база системы, характеризующаяся низкой плотностью населения, отсталостью, возможностью легкой эксплуатации со стороны центра. Реальная же действительность достаточно сложна и противоречива, чтобы однозначно принимать эту точку зрения. «Чтобы между двумя территориями возникло взаимодействие, должен существовать спрос» [5, с. 131]. Поэтому, центр и периферия развиваются, скорее, в условиях взаимовлияния, но при неизбежном доминировании центра.

Характер взаимодействия между центральными и периферийными структурами определяют направления потоков информации, капитала, товаров, рабочей силы и т.д., превращая пространство в подобие силового поля. Движущей силой, обеспечивающей постоянное развитие и воспроизводство системы «центр-периферия», является качественная трансформация центра за счет генерирования, внедрения и диффузии новшеств. Постоянную инновационную деятельность Дж. Фридман определил как ведущий фактор, определяющий доминирование центра над периферией. Его утверждение базируется на двух аспектах:

1. Постоянная инновационная деятельность создает благоприятные условия для ее дальнейшего развития именно в пределах центра, обеспечивая здесь максимальный доступ к информации, всевозможным связям и контактам, порождая целый ряд сопутствующих условий (сервисных, управленческих, рыночных и т.д.). Тем самым наряду с агломерационным эффектом вступает в силу некий психологический эффект, обуславливающий

дальнейшую модернизацию и качественную трансформацию экономики центра.

2. В процессе инновационной деятельности центр посредством политических и коммерческих средств постоянно выкачивает разного рода ресурсы из периферийных районов, что также усиливает и закрепляет различия между ними, ослабляя периферию [24, с. 15].

Современное моделирование отношений по принципу «центр-периферия» исключает простой дуализм, описывающий поляризацию пространства на центр и периферию. Более совершенная методика предполагает три уровня вертикальной стратификации. Еще И. Валлерстайн предложил следующую троичную стратификацию территории: «центр/ядро – полупериферия – периферия». Характеризуя взаимоотношения этих трех уровней организации территории, И. Валлерстайн также как и М. Хечтер использовал термин эксплуатации, полагая, что центр эксплуатирует периферию. Полупериферия рассматривается как промежуточное звено между центром и периферией, сочетающая черты и того и другой, эксплуатируется ядром, но эксплуатирует периферию [21, с. 54-55]. Полупериферия – наиболее динамичное звено во всей иерархической системе, обеспечивающее стабильность, гибкость и эластичность системы, именно за ее счет происходит, как правило, реорганизация пространства в периоды экономических кризисов. Однако, далеко не все районы, составляющие полупериферию, имеют предпосылки для ускоренного развития. В значительной мере это определяется происходящими в них политическими процессами. Это дает основание И. Валлерстайну утверждать, что полупериферия играет скорее политическую, нежели экономическую роль [24, с. 18]. Наличие среднего уровня в виде адаптивной (ближней) периферии, или полупериферии, имеет большое концептуальное значение. При таком подходе можно точнее и правильнее анализировать отношения между территориальными стратами.

Понятия центр и периферия с точки зрения управленческого подхода можно рассматривать как, соответственно, управляющая и управляемая системы. При этом в роли центра выступает столица – главный город государства, субъект, наделенный властью, с которым связана «центральная» система

ценностей – та, которую разделяют правящие элиты. Как правило, это месторасположение высших и центральных учреждений государства, сосредоточение административных, промышленно-производственных, снабженческо-торговых, культурно-образовательных учреждений. В роли периферии – объект подчинения, местность (часть страны, республики, края, области), отстающая от центра в своем развитии. Степень подобного отставания в разных регионах различна. [12, с. 26–36]. Предполагается, что отсталость периферийных экономик является не результатом бедности их ресурсов, экономической и политической безграмотности населения, политической нестабильности, а следствием зависимости от экономик центральных. В результате складывается ситуация, при которой в рядом расположенных, но принадлежащих разным областям, краям, республикам населенных пунктах отмечаются существенно разные уровни жизни.

В настоящее время одной из ведущих причин доминирования столицы над прилегающей периферией выступает тот факт, что столичные города являются полюсами глобализационных процессов. Это есть прямое следствие территориальной избирательности научно-технической революции, о чем говорил еще Дж. Фридман. При такой ситуации развитие глобальных функций происходит на основе интеллектуального и материального потенциала столичных городов. В странах с переходной экономикой и в развивающихся странах это вызывает нарушение баланса отношений между столицами и периферией, поскольку в либеральной экономической среде естественные преимущества первых усиливаются глобальными процессами [6]. Одним из ярких примеров подобной ситуации выступает Россия. Высокая столичная централизация, помимо всего прочего, объясняется наследием прошлого развития и особенностями географического положения. Москва как столица СССР занимала привилегированное положение в стране. Ее столичные функции формировались в условиях централизованного управления и монополии государства на большинство видов хозяйственной и общественной деятельности. Это обусловило крайне высокую концентрацию управленческого персонала, научно-информационного и культурного потенциала, функций материально-технического снабже-

ния и торгового обслуживания. В свое время роль сыграла и центральность положения Москвы на Русской равнине, благодаря чему как в воронку втягивались ресурсы аграрной провинции, особенно той, которая находится между столицей и Санкт-Петербургом. Это, в свою очередь, противоречит мнению о том, что близость к хозяйственно развитым регионам является важным преимуществом территории, особенно, если она соседствует со столичным регионом. В условиях кризиса данное противоречие становится еще более актуальным.

На развитие пристольного региона, сочетающего черты периферии и полупериферии, оказывают влияние противоположные по направлению процессы. В направлении преимущественно из центра на периферию основным следует признать трансляцию достижений.

В научной литературе этот процесс получил название «диффузия нововведений (инноваций)» (Т. Хегерstrand, 1970). К числу исследователей географических проявлений диффузии нововведений, помимо Т. Хегерstrанда, который впервые разработал пространственную модель этого процесса, относятся целый ряд западных ученых-регионалистов: А. Пред, Х. Перлофф, Б. Берри, Дж. Фридман, Г. Ричардсон, Ф. Перру [24, с. 12]. Отечественные исследователи этого процесса в рамках районообразующей роли городов (П.М. Алампиев, Ю.Г. Саушкин, А.Г. Лис, Н.И. Коржов, С.А. Ковалев, И.И. Пархоменко, А.М. Колотиевский, В.В. Покшишевский, Э.В. Кнобельдорф), хотя и не использовали подобной терминологии, все же добились значительных успехов в осознании его причин, механизмов и следствий.

Под нововведениями в классическом их понимании подразумеваются целенаправленные изменения, вносящие в среду распространения новые, относительно стабильные элементы социального, экономического, политического характера, например, технологические усовершенствования, новые источники сырья и энергии, новые материалы, товары, услуги, вплоть до «новых идей» и т.д. Однако в качестве нововведений зачастую выступают элементы не только стабилизирующие качественный рост системы, стремящиеся привести ее к оптимуму, но и элементы, вносящие дисбаланс, регрессирующие региональное развитие. К таковым

элементам уместно отнести кризисные процессы и явления – будь то экономического, политического, социального, экологического характера, которые в условиях глобализации диффундируют через границу на периферию (полупериферию), вызывая качественные изменения ее среды.

По степени влияния на среду нововведения делятся на радикальные и модификационные. Первые вносят кардинально новые элементы и изменения. Вторые – изменяют, дополняют или комбинируют существующие формы жизнедеятельности среды без изменения фундаментальных принципов и основ.

На степень и характер изменения территориальной структуры периферийного района, уровень его развития под действием диффузии нововведений, оказывает влияние ряд факторов, различных по своей сути.

1) Будучи следствием процесса территориальной концентрации, трансляция достижений центра происходит в соответствии со сложившейся системой городов, согласно их иерархии: движение к периферийным районам инноваций идет от крупных городов через средние, а затем малые города. Следствием распространения инновационной деятельности на периферию является возникновение в ее экономическом пространстве так называемых «полюсов роста» (Ф.Перру) – компактно размещенных и динамично развивающихся отраслей промышленности и отдельных предприятий, в которых сосредоточен «импульс развития», оказывающий влияние на территориальную структуру хозяйства. «Полюс роста» отражает функциональную часть понятия, определяемого этим термином. Воплощением его географической составляющей является понятие «центр роста», под которым понимается уже не набор динамично развивающихся отраслей, а конкретный город или иной населенный пункт, в котором данные отрасли локализованы. «Полюс роста» оказывает многостороннее влияние на экономику окружающей территории, поэтому, в целях максимального экономического развития региона, необходимо правильно выбрать отрасли и точки их развития. Для этого частными и государственными инвесторами (как правило, столичными) на основе имперического анализа данных определяются «полюса развития» и создаются для них благоприятные условия роста путем активизации инвестиционной

политики. Так, некогда убыточные заводы превращаются в динамично развивающиеся предприятия, как правило, экспортоориентированные, которые к тому же оказывают на прилегающую территорию мощный социальный и экономический эффект, соответствующий в региональном развитии стадии подъема. Подтверждение этому находим у П. Хаггета: размеры центральных городов могут оказывать большое влияние на специализацию их хинтерлендов, причем уровень развития обрабатывающей промышленности в хинтерлендах более крупных городов оказался более высоким, нежели в хинтерлендах менее крупных [22, с. 159]. В условиях кризиса качественный набор отраслей центра роста способен сыграть решающее значение для дальнейшего развития территории: конкурентоспособные экспортоориентированные отрасли или отрасли, ориентированные на внутренний рынок, выпускающие пользующуюся постоянно-стабильным спросом продукцию, способны оказать стабилизирующее действие на экономику региона. Напротив, сочетание в центре роста отраслей, наиболее подверженных влиянию кризисной ситуации, окажет резонансное воздействие на ухудшающуюся экономическую ситуацию. Таким образом, распространение кризисных явлений, так же как и диффузия инноваций, осуществляется от крупнейшего мегаполиса страны к провинциальным населенным пунктам через систему их территориальной организации. Следствием этого процесса является изменение и развитие вначале отдельных городов и районов, а затем региона в целом.

2) Помимо сложившейся системы городов, на характер протекания и результат процесса трансляции нововведений оказывают влияние политико-административные и экономические границы. Более того, действие именно этих элементов географической среды, по мнению С.Е. Ханина, принято считать ключевым [10, с. 54-64] за счет их собственной способности избирательно воздействовать на передачу информации, управление, перемещения людей. С динамической точки зрения, границы могут и гасить взаимодействие между смежными районами, и способствовать ему. Создаваемые таким образом барьеры и контрасты, а также избирательно формируемые потоки вещества и энергии, сказываются на интенсивности и характере

проникающего через границу влияния соседнего региона, а это, в свою очередь, отражается на освоении территории. Вследствие влияния границ, характеристики развития хозяйства в центре и на периферии рассматриваются как специфические граничные условия. Таким образом, проницаемость границы способна оказать если не решающее, то существенное влияние на распространение кризисных явлений.

3) Третий фактор, воздействующий на интенсивность процесса трансляции нововведений, – это уровень развития центра, точнее, тот градиент в уровне развития, который можно обнаружить между центральным и периферийным районами. От величины этого градиента напрямую зависит векторная величина так называемого «импульса экономической активности», под которым понимается организующее действие социально-экономического объекта на прилегающую территорию, которое повышает интенсивность уровня человеческой деятельности в ней [10, с. 54–64]. В узловом районе, т.е. районе, состоящем из центрального ядра и связанной с ним линиями передвижения периферией, преобладает центробежный вектор импульса, но под влиянием соседнего района иногда возникает и противоположный, центростремительный, существенно деформирующий территориальную структуру, создаваемую центробежным импульсом [7, с. 38–45]. Исследуя взаимовлияние столичного и пристольного регионов, имеем в виду, что уровень хозяйственной деятельности столичного региона намного выше, чем пристольного, поэтому из первого района во второй поступает импульс экономической активности, приобретающий во втором районе центростремительное направление. По тому же принципу в системе отношений столичного и пристольного регионов способны распространяться кризисные явления и процессы с той лишь разницей, что в качестве градиента принимается не разница в уровне развития региона в целом, а степень насыщенности среды вышеобозначенными явлениями.

4) Уровень устойчивости территории к кризисным ситуациям экономического характера непосредственно зависит от объема капитальных вложений в ее экономику и расстояния от источника финансирования (в данном случае центра). Путем математических расчетов С.Е. Ханин установил, что

периферийные участки района интенсивно развиваются тогда, когда эффективность капитальных вложений из центральных источников становится больше эффективности ресурсов из местных источников. Оказывается, развитие района за счет собственных источников роста увеличивает разницу в уровне освоения между центром и периферией [10, с. 54–64]. Зависимость от расстояния обратнопропорциональна: в масштабах идеальной концентрической территориальной структуры, чем дальше от центра, тем дороже транспортная база, тем труднее осуществлять централизованное управление районом, что ограничивает территориальную экспансию ядра и заставляет обратиться к дальнейшей интенсификации хозяйственной деятельности в его пределах. Другими словами, эффективные федеральные ассигнования в сочетании с удаленностью от центра способствуют усилению устойчивости к диффузии кризисных явлений.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что процесс распространения кризисных явлений, так же как и процесс трансляции достижений центра, оказывает прямое воздействие на периферию, способствуя ее подтягиванию к уровню центра. Этот процесс, во-первых, в первую очередь, затрагивает районы, непосредственно граничащие со столичным регионом, имеющие на него прямые транспортные выходы (районы транспортных коридоров), а во-вторых, еще больше закрепляет подчиненное положение периферии по отношению к центру.

Хотя влияние центра на периферию имеет первостепенное значение, однако, последняя также оказывает определенное влияние на центр. Это влияние заключается в том, что центры могут эффективно развиваться и противостоять кризисным явлениям только при наличии периферии и во взаимодействии с ней. Периферия выступает в роли ресурсной базы системы, а само наличие периферии обеспечивает существование достаточно сильного центра, который существует не только благодаря ей, но и за ее счет. При условии развитой линейной инфраструктуры колонизация центром периферии неизбежна, а при условии принятия централизованных антикризисных мер и взаимовыгодна. Без развитого центра не может быть развитой периферии [23, с. 130–132]. Но отставание в

развитии периферии в конечном итоге отразится на развитии центра.

В связи с этим особенно интересен вопрос о соотношении взаимовлияния центра и периферии во времени. М.М. Романовская на основе анализа социально-территориальных различий в Венгрии, пришла к выводу о волновом характере такого взаимовлияния: поляризационные эффекты со временем замирают и начинают преобладать децентрализующие силы [17, с.69-74]. Периферия подтягивается к уровню центра, отношения между центром и периферией переводятся на новый качественный уровень, хотя по существу не меняют своего содержания. Это свидетельствует об устойчивости и гибкости системы «центр-периферия».

Итак, анализируя особенности пристольного положения в условиях кризиса в рамках пространственной модели отношений «центр-периферия», приходим к следующим заключениям:

1. Уровень социально-экономического развития любого региона во многом определяется положением относительно центра, периферией которого он является, а также характером и направлением развития взаимоотношений между ними. Для региона, непосредственно граничащего со столичным, в качестве такого центра выступает главный город государства.

2. Функции, обеспечивающие лидирующую роль столиц, являются наименее

устойчивыми к кризисным явлениям и процессам, происходящим в условиях глобализации извне. Вследствие этого столичная среда одной из первых в стране подвергается негативному влиянию кризиса, а сама столица становится транслятором кризисных явлений в системе отношений «центр-периферия».

3. Взаимовлияние центра и периферии во времени носит волновой характер со сменой стадий поляризации и выравнивания. В условиях рынка процесс развития ведет к неперенному росту различий между центром и периферией. Кризисные явления способны нивелировать эти различия. Степень последнего зависит от сложившейся системы расселения, характера разделяющих границ, градиента в уровне развития, который можно обнаружить между центральным и периферийным районами, объема капитальных вложений в экономику периферии и расстояния от центра-транслятора кризисных явлений. Соотношение перечисленных условий, качественное их наполнение, оказывает решающее значение на процесс рецепции кризисных явлений пристольным регионом. В целом, в условиях кризиса пристольное положение региона, благодаря так называемому «эффекту соседства», следует считать менее выгодным, по сравнению с положением регионов, не являющихся пристольными.

Библиографический список

1. Яськова Т.И. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Бородинский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии / Редкол.: В.И. Янчин и др. – М.: Мысль, 1980. – 287 с.
3. Бородинский Н.Н. Экономико-географическое положение // География в школе. – 1939. – № 4. – С. 24–34.
4. Богданов Л.П. Социальное воспроизводство региональной общности: содержание, процессы, механизмы: дисс. ... докт. геогр. наук: 25.00.24 / Богданов Лидия Петровна. – Москва, 2006. – 411 с.
5. Бунге В. Теоретическая география / Пер. с англ. В.Я. Барлеса, В.Б. Кузнецова, Ю.В. Медведкова. Под ред. В.М. Гохмеля. – М.: Изд-во «Прогресс», 1967. – 280 с.
6. Вордомский Л.Б. Москва и провинция: проблемы столичных преимуществ в контексте глобализации экономики России. Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии. Сборник трудов под редакцией д.г.н. Ю.Г. Липецкого. – Москва: ИГ РАН, 2001. – 238 с.
7. Вордомский Л.Б., Мироненко Н.С. К проблеме изучения границ экономико-географических систем / В кн. Географические границы. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 38–45.
8. Гипоненко Л.Л., Полянский В.Г. Развитие регионов: цели, закономерности, методы управления: Учеб.-метод. пособие. – М., 1999. – 129 с.
9. Пичеладзе Р. Социально-географические проблемы столичного региона советской республики (на примере Тбилисского столичного региона Грузинской ССР) // Развитие городских и сельских поселений Великобритании и СССР. – М., 1990. – С. 46–65.
10. Географические границы / Под ред. Б.М. Эккеля. – М.: Изд-во МГУ, 1982.

11. Гольц Г.И., Липпо Г.М., Трейвиш И.И., Феномен столичности и формирование столичных регионов // Экономико-географические проблемы развития столичных регионов. – Новосибирск, 1985.
12. Иванов П.М. Можно ли избежать конфликтов в России? // Вестник РИИ. – 2002. – № 1. – С. 26–36.
13. Котловский И.П. Территориальная организация высшей школы России: Монография. – Смоленск: Ойкумен, 2003. – 200 с.
14. Лейзерович Е.Е. Понятие об экономико-географическом положении в российской экономической и социальной географии XX века. / Регионизм и центрлизм в территориальной организации общества и региональном развитии / Сб. трудов под ред. Дгн Ю.Г. Липец. – М.: ИГРНИ, 2001. – С. 28–34.
15. Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда (опыт географического исследования) / Под ред. Г.М. Липпо, Г.И. Гольц, И.И. Трейвиш. – М., 1988. – 321 с.
16. Родоман Б.Б. Территориальные пределы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумен, – 1999. – 256 с.
17. Ромашовская М. М. Использование модели «центр-периферия» для выявления и оценки социально-территориальных различий (на примере ВНР) // Вестник МГУ. – 1985. – № 4. – С. 69–74.
18. Слук Н.И. Экономико-географические проблемы столичных городов стран Восточной Европы: Учебное пособие. – М.: МГУ, 1994. – 116 с.
19. Теренин Н.К. Особенности развития депопуляционных процессов в зоне активного влияния столичных центров – Москвы и Санкт-Петербурга: Дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24 / Теренин Н.К. – Санкт-Петербург, 2004. – 172 с.
20. Трейвиш И.И. Географическая полимощность развития России (город, район, страна и мир): Автореф. дисс. ... док. геогр. наук: 25.00.24 / Трейвиш Андрей Ильич – Москва, 2006. – 34 с.
21. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие для вузов – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 780, [4] с.
22. Хигет П. Пространственный анализ в экономической географии / Перевод с английского Ю.Г. Липец, С.Н. Тигер. – М.: Прогресс, 1968.
23. Хузеев Р.Г. Территориальная социально-экономическая дифференциация и территориальная сприведливость / Хузеев Р.Г., Комаров В.Н. // География и региональная политика. – Смоленск, 1997. – С. 130–132.
24. Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицкий, Г.В. Иоффе, И.И. Трейвиш. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

В.М. Фокин
(г. Смоленск)

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОБЛАСТНЫХ ГОРОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Fokin V.M. (Smolensk)

COMPETITIVENESS OF THE REGIONAL CITIES AND GLOBALIZATION

Аннотация. Развитие мировых городов приводит к ослаблению городов второго порядка, к которым относятся и многие областные центры. Одновременно усиливается конкуренция областных городов за различные виды ресурсов. В статье выделяется четыре уровня конкуренции городов.

Abstract. The development of the world cities has led to weakening of minor cities among which there are a lot of regional centers. At the same time there is increase in the competition among the regional centers for obtaining various resources. The author points out four levels of the competition of cities.

Ключевые слова: конкуренция городов, системы городов, каркас расселения, областные центры, глобализация.

Key words: competition of cities, systems of cities, frame of settling, regional centers, globalization.

Переход к постиндустриальной стадии развития большинства экономически развитых государств, а так же происходящие глобализационные и интеграционные процессы, изменили характер урбанизации. Причины этого достаточно очевидны. Во-первых, происходит становление мировых городов,

которые в своем взаимодействии формируют наднациональный каркас городов и выполняют функции высшего порядка. Во-вторых, локальные и региональные рынки, в том числе формирующиеся, представляют собой громадный потенциал для экспансии и закрепления на них международного кор-

поративного сектора, где городам отводится роль процессинговых центров. В-третьих, все национальные каркасы городов испытывают на себе фундаментальные структурные, технологические и институциональные изменения, связанные с глобализационными и интеграционными процессами в мировой экономике.

Становление мировых городов как центров, обслуживающих огромные экономические пространства общенационального масштаба делает актуальной проблему включения национальных каркасов в мирохозяйственные связи. Выполнение большинства функций высшего порядка мировыми городами приводит к ослаблению роли национальных центров второго эшелона, не входящих в каркас мировых глобальных городов [2, с.186]. В результате обостряется конкуренция между региональными и областными центрами, как за право выполнять функции высшего порядка в рамках национальной экономики, так и за возможность представлять свои интересы на национальном и глобальном уровне.

Основные тенденции мирового развития во многих странах мира, включая Российскую Федерацию, отрицательно сказываются на развитии областных центров.

Развитие четвертичного сектора, который стал новым двигателем экономического роста мировых, национальных и региональных центров не оказывает такого сильного позитивного экономического влияния на развитие областных центров. Это связано с определенными закономерностями разделения функций между городами различного иерархического уровня, формирующими опорный каркас национальной экономики.

В условиях открытой экономики определяющим мотивом для компании при выборе города базирования своей штаб-квартиры является тип локализации ее рынка сбыта. Раньше такой рынок сбыта вписывался в субнациональные границы региона, что делало естественным ее базирование в центре региона [2, с.178]. В условиях глобализации и приходом международного корпоративного капитала на национальные локальные рынки местом базирования штаб-квартир стали национальные столицы и в редком случае крупные региональные центры. Это напрямую связано с расширением территории обслуживания и корпоративными интересами ве-

дущих компаний, а так же необходимостью быть в центре информационных потоков и оперативно реагировать на происходящие изменения. Необходимость осуществлять множественные связи на международном уровне и необходимость оказывать помощь в решении нестандартных проблем корпорациям сформировала в данных городах специализированные страховые, финансовые, юридические и консалтинговые институты с высококвалифицированными кадрами, способными оперативно решать задачи крупного бизнеса. На локальных рынках попадающих в интересы, как крупного корпоративного капитала, так и национальных корпораций размещаются филиалы компаний, размер которых определяется теми функциями, которые им делегированы.

Мировые города, национальные и региональные центры, в условиях глобализации, становятся все более зависимыми от своего ближнего и дальнего окружения, городов, которые являются источниками различных ресурсов, товаров и услуг. В результате любые экономические, социальные и политические потрясения в обслуживающих городах могут отрицательно сказаться на их великом соседе. Это делает крупные города заложником своего окружения, и заставляет их становиться активным участником глобальных процессов, перетягивая на себя функции высшего порядка, для обеспечения своей безопасности и равномерного развития. Это становится возможным благодаря, во-первых, разделению управленческой функции на стратегическую и тактическую, во-вторых, развитию современных средств коммуникации, в-третьих возможности деления стоимостной цепочки не только во времени, но и в пространстве. Долгосрочную стратегию разрабатывают в штаб-квартирах, базирующихся в мировых городах, национальных и региональных центрах с участием менеджеров высшего уровня. Новые товары, новые производственные технологии разрабатываются, совершенствуются и стандартизируются в подразделениях материнской компании. В городах низшего иерархического уровня размещаются дочерние подразделения, основной функцией которых является производство товаров и услуг по стандартной технологии с минимальной добавленной стоимостью, в обязанности которых входит только краткосрочное и среднесрочное планирование в рамках

определенной стратегии. Современные средства коммуникации позволяют оперативно управлять, координировать, контролировать и руководить этой сложной системой.

Областным городам в условиях глобализации приходится конкурировать с региональными и национальными центрами за функции высшего порядка, к которым относятся: управленческая, административная, финансовая, распределительная, воспроизводственная и инновационная. К сожалению, в этой борьбе они либо уже оказались в числе проигравших, либо имеют все шансы проиграть в ближайшее время. Устаревшие технологии, изношенные основные фонды, низкое качество товаров делает часть производств нерентабельными. Неспособность большинства предприятий инвестировать в обновление основных фондов ставит под угрозу выживание предприятий, занимающихся разработкой и выпуском средств производства, а заодно и научно-технический и кадровый потенциал, накопленный на этих предприятиях. Неспособность наполнять бюджет из собственных источников, делает областные центры зависимыми от внешних источников финансирования и инвестирования.

Основным источником занятости и экономического роста, при переходе на рыночный тип хозяйствования в областных городах, стал рост третичного сектора, но без развития своего окружения и роста покупательной способности граждан его потенциал является весьма ограниченным.

Новыми источниками развития областных центров могут стать развитие наукоемких отраслей на базе университетов и том научно-техническом потенциале, который еще сохранился, и выступление в роли процессинговых центров, развитие рекреационного и туристического бизнеса. Но для их развития необходимы инвестиции. Это стало одной из причин разработки стратегических планов развития большинством областных центров. Областные города стали усиленно заниматься своим маркетингом.

Стратегическое планирование напрямую связано с моделированием развития городской системы. В свою очередь модель городской системы, обладающая большой объяснительной и предсказательной силой, позволяет определить центры роста в городской системе, которые станут локомотивами для развития всей городской системы.

Модели городской системы, предложенные В.И. Ресинным и Ю.С. Попковым [4, с.50] позволяют глобальные процессы, происходящие в мире, наложить на городскую систему и через функционально-пространственные объекты, являющиеся непосредственными участниками этих глобальных процессов, смоделировать изменения городской системы в целом и в конечном итоге разработать наилучший сценарий развития.

Городская система авторами дифференцируется на две структурно-соподчиненные части – каркас и ткань. Каркас – ведущая структурообразующая часть городской системы (ГС), которая охватывает область сосредоточения функциональной активности, наиболее активных, массовых процессов жизнедеятельности населения, связанных с высокой интенсивностью освоения пространства. Каркас ГС формируют главные транспортные магистрали, коммуникационные узлы, связанные с ними сооружения городского значения – общественные, деловые и другие уникальные комплексы, привлекающие потоки посетителей. Зоны преимущественной локализации видов деятельности, не требующих высокой пространственной концентрации, составляют ткань ГС – основной материально-пространственный субстрат системы, структурно подчиненный каркасу. К ткани относится большая часть жилых территорий, рядовая застройка производственных и коммунальных зон, объекты повседневного обслуживания и другие стереотипные элементы ГС. Модель «каркас–ткань» в обобщенной форме отражает функциональную организацию градостроительной системы через отношения составляющих ее структурных компонентов.

Использование данной модели позволяет наложить функции, выполняемые городом, на территорию, им занимаемую. В результате мы получаем различные функционально-пространственные зоны, которые отражают все многообразие функций выполняемых городом. В результате те глобальные проблемы, с которыми сталкивается город в своем развитии, приобретают конкретную пространственно материальную форму, через те материальные объекты, на которые эта проблема оказывает непосредственное влияние. На остальные элементы ГС, данная проблема, будет оказывать лишь косвенное влияние,

и то лишь на те, которые имеют взаимосвязи с непосредственным объектом влияния.

Преимущество представленной модели городской системы над функциональным зонированием территории заключается в выделении особых видов деятельности, стратегически необходимых для развития городской системы. На основе тех требований, которые они предъявляют к городской структуре, происходит формирование самой структуры (стратегической функционально-пространственной зоны), под конкретные объекты. Многие виды деятельности предъявляют одни и те же требования к городской структуре. В результате стратегическая функционально-пространственная зона обрастает другими бизнес формами. Мы получаем многофункциональный центр роста. Вновь образованный центр роста, во-первых, через планируемые или спонтанные взаимосвязи обеспечивает развитие других пространственно-функционально-пространственных зон, во вторую очередь, позволяет наиболее эффективно использовать городское пространство.

Город обеспечивает свое присутствие на глобальном, национальном, региональном и местном уровне через те функции, которые он выполняет на каждом уровне. Но так как каждая, из выполняемых функций, представлена функционально-пространственной зоной в ГС, то управляя развитием функционально-пространственных зон, мы фактически получаем контроль над развитием города.

Стратегические функционально-пространственные зоны – это материально-пространственные элементы городской системы, связанные большим количеством взаимосвязей, сконцентрированные в определенной зоне ГС, выполняющие важнейшие функции в ГС, ставшие одним целым с пространственной структурой и инфраструктурой.

Фактическое разделение ГС на функционально-пространственные зоны позволяет определить, какая часть городской территории задействована в социально-экономических процессах и несет основную социально-экономическую нагрузку. Это позволяет выделить стратегические функционально-пространственные зоны, которые требуют активной поддержки, так как несут основную социально-экономическую нагрузку

и обеспечивают социально-экономическое развитие городской системы.

Создание новых стратегических функционально-пространственных зон на территории города позволяет более эффективно использовать ограниченные ресурсы развития, структурировать городское пространство и вовлекать в интенсивное экономическое использование новые территории, а главное обеспечить переход от индустриальной к постиндустриальной стадии развития.

Матрица стратегических потенциалов функционально-пространственных зон позволяет расставить приоритеты в их развитии и финансировании.

Для большей объяснительной и предсказательной достоверности данной теории ее необходимо дополнить еще одним элементом. ГС это «каркас-ткань-среда».

Каркас выступает в роли жесткой основы ГС, а ткань – это тот трансформирующийся материал, благодаря изменению которого ГС приспосабливается к изменениям во внешних условиях функционирования. Какие конкретные формы принимает ткань зависит от инвестиционной, институциональной, предпринимательской, информационной, инновационной, правовой и конкурентной среды в данной ГС. Включение в модель такой важной составляющей как «среда» дает возможность управления развитием ГС не только прямым воздействием на стратегические функционально-пространственные зоны, через материально-пространственные объекты, но и косвенными методами.

Регулирование правового поля позволяет развивать только определенные бизнес формы. Это выражается в трансформационных изменениях в «ткани» ГС. Именно регулирование правового поля позволяет направить стихийное развитие третичного сектора в городах в нужное русло. Формы развития малого и среднего предпринимательства, которые мы наблюдаем на текущей стадии развития городов, являются результатом правильного или неправильного формирования «среды» в ГС.

Эмпирическая проверка предложенной модели подтверждает правомерности сделанных гипотез. Трансформационные процессы, происходящие в городском пространстве, связанные с окончанием эры социалистического централизованного планового хозяйства, привели к глубокому кризису

в производственных отраслях, фактически бесконтрольному развитию рыночных отношений. Одним из следствий рыночных реформ стало буйное развитие третичного сектора [1, с.31]. В первые годы рыночных реформ влияние городских властей на рост и размещения третичного сектора было весьма слабым [1, с.69]. В результате возникающие бизнес-формы имели свободу выбора коммерческих местоположений. В связи с низкой покупательной способностью населения, отсутствием рынка земли и слабой защитой права частной собственности, первые бизнес-формы, пытающиеся удовлетворить спрос населения в товарах первой необходимости, обладали высокой мобильностью. Хотя выбор коммерческих местоположений новыми бизнес-формами был обусловлен не только привлекательностью места, но и особенностями потребительского поведения, вновь освоенные коммерческие места стали интенсивно использоваться посттрансформационными бизнес-формами. Основное скопление новых бизнес-форм происходило в транспортных узлах, но наибольшее количество вновь созданных объектов третичного сектора базировалось в городском центре. По мере интенсивности его освоения и роста конкуренции объекты стали осваивать периферию, но прослеживалась тенденция к тяготению этих объектов к местам наибольшего скопления населения. С ростом покупательной способности населения и приходом международного корпоративного сектора, эта тенденция не изменилась. Первые крупные торговые центры появились рядом с жилыми районами в местах доступности общественного транспорта, вблизи с основными автомагистралями или крупными транспортными узлами. А с модернизацией покупательского поведения, связанного с автомобилизацией населения, это тяготение третичного сектора к транспортным магистралям только усиливается.

Кризис производственной сферы вызвал изменения функций, выполняемых производственными объектами в ГС. Производственные корпуса и административные здания были переоборудованы в торговые площади или офисные помещения. Здесь надо отметить, что переоборудовались только те производственные площади, которые имели хорошую транспортную доступность и занимали территорию рядом с крупными объектами, пользующимися

большой популярностью у населения, либо рядом с местами большого скопления людей и городского центра.

Развитие четвертичного сектора, явно тяготеющего к центру городской системы, использующего в основном информационные технологии и способного генерировать большую прибыль на каждый метр занимаемой площади, обострило конкуренцию за коммерческие местоположения в центре города, и усилило интенсивность его использования. Этот факт придал еще большую значимость городскому центру как структурообразующему элементу ГС.

Данные эмпирические данные подтверждают верность предложенной модели и возможность ее использованием как базовой при стратегическом планировании развития города в глобализирующейся экономике.

Предложенная модель позволяет по-новому взглянуть на конкурентные процессы, происходящие в городской системе.

Необходимо выделить четыре основных уровня конкуренции. Конкуренция на первом уровне идет за право быть представленными в зонах наиболее интенсивного освоения городского пространства. Различные виды бизнеса, нацеленные на удовлетворение большого количества потребностей населения, тяготеют к местам наибольшего его скопления. В результате обостряется конкуренция в местах наибольшей концентрации населения. В связи с ростом спроса, со стороны бизнеса, на возможность базироваться на определенной территории, арендная плата растет и увеличивается стоимость земельных участков. Это приводит к преобладанию тех видов бизнеса, которые создают наибольшую добавленную стоимость на единицу площади, либо тех, которые, заняв лучшее место раньше других, получают большие прибыли именно благодаря выгодному месту базирования, либо имеют привилегированные отношения с городской администрацией и, не вступая в конкурентные отношения, занимают удобные коммерческие места. Конкурентные процессы этого уровня вызывают трансформацию ткани городской системы и способствуют наилучшему удовлетворению потребностей населения.

На втором уровне возникает конкуренция между основным городским центром и центрами второго порядка за выполнение ведущих функций в ГС, так как структура об-

разную роль в городской системе играет городской центр, транспортная и коммуникационная инфраструктура. Основной стратегической функционально-пространственной зоной является центр города, но по мере своего количественного роста в пространственной структуре ГС в транспортных и коммуникационных узлах возникают новые субцентры, через которые, используя информационные и коммуникационные связи, центр организует и управляет разросшимся городским пространством. В результате возникают новые функционально-пространственные зоны интенсивного освоения. Эти субцентры, во-первых, конкурируют за право представлять интересы центра на подконтрольной территории и соответственно выполнять определенные функции в ГС, во-вторых, они конкурируют с центром за право выполнять функции высшего порядка в ГС, в-третьих, они конкурируют между собой за возможность стать местом базирования уникальных материально-пространственных объектов и за счет этого увеличить свою привлекательность и функциональную значимость в ГС. На этом уровне происходит трансформация каркаса ГС. В процессе этих трансформаций происходит усиление его значимости и степени влияния на все процессы, происходящие в ГС.

Третий уровень конкуренции протекает между функционально-пространственными зонами ГС, структурообразующим элементом которых являются материально-пространственные объекты, являющиеся участником конкурентных отношений с материально-пространственными объектами других систем. Поэтому понять, как повлияет обострение конкуренции на глобальном уровне на городскую систему можно через оценку этого влияния на эти материально-пространственные объекты. На остальные объекты городской системы оно окажет влияние, прямое или косвенное, только через имеющиеся взаимосвязи с основным объектом влияния.

Конкурентоспособность ГС на этом уровне определяется составом отраслей, представляющих городскую экономику, развитостью четвертичного сектора, теми тенденциями, которые происходят на региональном, национальном и глобальном уровне. Наиболее действенным способом повысить конкурентоспособность муниципального образования, на этом уровне,

являются не отчаянные попытки реанимировать пространственно-материальные объекты производственной сферы, которые возникли на первых этапах индустриализации, имеющие изношенные и устаревшие производственные фонды и технологии и требующие огромных инвестиций, а создание новых пространственно-материальных объектов третичного, четвертичного сектора экономики, которые станут структурообразующим элементом новых стратегических функционально-пространственных зон и новыми локомотивами роста города [3, с. 115].

На четвертом уровне усиливается конкуренция между городами за позицию в иерархии городов, которая позволяет генерировать, использовать в своих целях и распределять большие финансовые ресурсы, использовать свой статус для решения городских задач и выполнять функции высшего порядка. На этом уровне происходит трансформация и «каркаса», и «ткани» ГС связанных с трансформацией городского центра и сосредоточением в нем функционально-пространственных объектов, выполняющих функции высшего порядка. Это крупнейшие банки, штаб-квартиры ТНК, крупные страховые и юридические фирмы, консалтинговые компании, рекламные агентства.

Развитость первых трех уровней конкуренции формирует гибкую пространственную и функциональную структуру городской системы, что является его неповторимым конкурентным преимуществом и позволяет становиться активным участником конкурентных процессов четвертого уровня.

Областные города, в процессе своего развития, превратились в многофункциональные центры. Большинству из них от социалистического строя досталась гипертрофированная производственная функция. Ситуация осложнялась тем фактом, что большинство предприятий входили в военно-промышленный комплекс и обеспечивали выполнение военных заказов. Производственные цепочки были растянуты в пространстве. Иногда поставщика и потребителя деталей и узлов разделяли сотни километров. Только небольшая часть предприятий работала на обеспечение потребительского спроса, но отсутствие конкуренции и мотивации у производителей в создании приверженности к марке у своих потребителей сделало их неконкурентоспо-

собными в рыночных условиях. С приходом рыночных реформ, образованием новых государств и окончанием холодной войны производственная функция в областных городах испытала сильнейший кризис. Емкий потребительский рынок, имеющий в избытке неудовлетворенный потребительский спрос, даже в товарах первой необходимости, позволил областным городам за счет развития торговой функции обеспечить занятость части населения высвободившейся в результате кризиса в производственной сфере и сгладить последствия кризиса.

Предложенная усовершенствованная модель городского развития позволяет через развитие стратегических функционально-пространственных зон обеспечить развития областных городов, усовершенствовать стратегии развития областных центров и придать им индивидуальность. Каждый областной город уникален в своем роде, как своей историей, культурой, так и теми функциями, которые он выполняет. Стратегия развития должна развивать эту уникальность и создавать неповторимые конкурентные преимущества.

Библиографический список

1. Яксенов К, Брѣде И, Бондѣрчук Е «Трѣнсформѣционное и посттрѣнсформѣционное городское пространство Ленинград - Санкт-Петербург 1989–2002» «Геликон Плюс». – Санкт-Петербург, 2006.
2. Зѣндѣворов В.С., Зѣндѣворовѣ В. В. «Экономикѣ городѣ». – Москвѣ: Издѣтельство Мѣгистр, 1998.
3. Ковѣлев Ю.Ю., Степѣновѣ В.В. Управление процессѣми трѣнсформѣции стрѣпромышленных регионов в инновѣционные клѣстеры (нѣ примере Рурской облѣсти) // Инновѣционное рѣзвитие регионов России: проблемы и перспективы-мѣтериѣлы межрегионѣльной нѣучно-прѣктической конференции (4–5 июня 2009 годѣ). – Смоленск : Универсум, 2009. – С. 111–117.
4. Ресин В.И., Попков Ю.С. «Рѣзвитие больших городов в условиях переходной экономики» Системный подход. Эдиториѣл УРСС. – Москвѣ, 2000.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Н.В. Зубаревич
(г. Москва)

РАЗВИТИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ РОССИИ В ПЕРИОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И КРИЗИСА

Zubarevitch N.V. (Moscow)

DEVELOPMENT AND COMPETITION OF THE BIGGEST CITIES IN RUSSIA DURING THE PERIODS OF ECONOMIC GROWTH AND CRISIS

***Аннотация.** В статье рассмотрены тенденции развития крупнейших городов России в период экономического роста. Показаны кризисные риски и перспективы развития. Предложены меры по стимулированию развития агломераций.*

***Abstract.** Paper is focused on big Russian cities development trends during the period of economic growth. There is analysis of crisis risks and development perspectives. The author also suggests agglomeration development policy recommendations.*

***Ключевые слова:** Агломерации, конкурентные преимущества, социально-экономическое развитие.*

***Key words:** Agglomerations, competitive advantages, social-economic development.*

Россия – страна с огромной территорией и сокращающимся населением. Эту территорию нужно «держат» и связывать воедино, именно такую функцию выполняют города как опорный каркас расселения. Городов в России немногим более тысячи. Сокращение численности населения неизбежно и в таких условиях самое главное – эффективно использовать человеческие ресурсы, воспроизводить и наращивать в первую очередь их качество. Эти ресурсы также концентрируются в городах, и чем больше город, тем, как правило, выше его человеческий капитал.

Почему же очевидные истины не становятся основанием политики, направленной на системную поддержку модернизации экономики и человеческого капитала российских городов? Выделим несколько причин. Первая – города все еще воспринимаются как функциональное приложение к заводам и фабрикам, еще жива ментальность советской индустриализации, создававшей города в чистом поле (чаще в тайге и тундре). В этой ментальности все просто: будут работать заводы, будет жить и город. Вторая при-

чина – города естественно развиваются как полифункциональные и поэтому сложные территориальные организмы, ими трудно управлять. В них более разнообразный социум, больше внутренних противоречий, как у любого развивающегося организма, более сложной должна быть система согласования интересов в целях развития. А как это сделать модными ныне директивно-вертикальными методами управления? Третья причина – сохраняющийся уравнилельный подход к развитию пространства: в городах и так больше ресурсов, «делиться надо». Дежурный лозунг губернаторов – надо поддержать периферию!

Тем не менее, концентрация человеческих и экономических ресурсов дает городам объективные преимущества развития и без всякой поддержки со стороны властей. Позитивное влияние эффекта масштаба исследовано в региональной науке (можно сослаться на работы П. Кругмана, М. Фуджиты, А. Трейвиша и Т. Нефедовой), этот эффект проявляется везде, в том числе и в России. Роль центров развития и модернизации выполняют именно города, однако в разной

степени и с разным качеством роста. В современной России сформировались четыре типа городов-центров роста:

- федеральные города Москва и Санкт-Петербург и их агломерации;
- города-«миллионники» и близкие к ним по численности, их агломерационные преимущества на фоне федеральных столиц заметно слабее, как и концентрация человеческого капитала;
- остальные крупные города-центры регионов (с населением 200 тысяч человек и более), развивающиеся под влиянием статусного фактора и концентрации населения;
- до начала нового кризиса центрами роста были также монопрофильные города с ведущими предприятиями крупных компаний, в основном экспортно-ориентированных; их развитие обеспечивалось более высокими, по сравнению с большинством муниципалитетов, доходами бюджетов и населения, но оно не имеет устойчивого характера из-за влияния конъюнктуры мировых цен на сырье и полуфабрикаты.

Модернизирующий эффект опережающего экономического роста проявился в этих городах по-разному, и не все из них смогли нарастить человеческий капитал и далеко не все готовы к конкуренции за человеческие ресурсы.

Крупнейшие города – центры модернизации. Важнейшую роль для развития страны играют наиболее модернизированные федеральные города и «миллионники», в них сконцентрировано почти 20% населения страны. Воздействие агломерационного эффекта (эффекта масштаба) в крупнейших городах максимально и они выигрывают конкуренцию с остальными городами России. Конкурируют они и между собой, но условия явно неравные.

Наиболее велик социально-экономический отрыв столицы, до сих пор принято говорить о Москве и «остальной России». Появившийся в 2000-е годы штамп «две столицы» – сильное преувеличение с экономической точки зрения. Сохраняющаяся сверхконцентрация экономических ресурсов в Москве обеспечивает ей устойчивое доминирование: на Москву приходится более 23% суммарного ВРП всех регионов страны (на С.-Петербург – менее 4% в 2008 г.), причем за годы экономического роста доля столицы выросла. Москва – единственный в стране крупный город

постиндустриальной экономики, в структуре ее ВРП 80% составляют услуги, концентрация торговли и платных услуг в столичной агломерации достигает 23–29% вместе с Московской областью. Концентрация инвестиций также остается высокой, хотя они перераспределились внутри столичной агломерации: в конце 1990-х каждый шестой рубль инвестировался в Москву, а в 2008 г. – каждый девятый, но с учетом инвестиций в Московскую область все осталось по-прежнему (табл. 1). Снижение доли столицы в объеме ввода жилья в последние годы имело двойную природу – не только из-за активизации строительства в других городах, но и потому, что строительство переместилось из столицы в Московскую область, оставаясь в пределах агломерации. Суммарно в столичной агломерации вводится каждый шестой квадратный метр жилья в стране. На фоне столицы и ее агломерации доля С.-Петербурга мала по всем индикаторам и немногим выше доли города в населении страны.

Гигантская концентрация финансовых и инвестиционных ресурсов в Москве не только ускоряет модернизацию потребительского поведения москвичей, но как пылесос вытягивает в столицу наиболее конкурентоспособные человеческие ресурсы со всей страны, не говоря уже о притоке низкоквалифицированных мигрантов из других стран. В Санкт-Петербурге происходит то же самое, но в гораздо меньших масштабах.

Городам-«миллионникам» трудно конкурировать со столичной агломерацией. Тем не менее, импульс роста и модернизации распространяется по иерархической системе городов – от федеральных к менее крупным. Динамика этого процесса имеет разную скорость, некоторые города-«миллионники» растут и развиваются быстрее за счет преимуществ, обеспечиваемых базовыми факторами: экономическими ресурсами своего региона, выгодным местоположением, высокой концентрацией человеческого капитала, институциональными преимуществами. Влияние этих факторов определяет победителей и проигравших в конкурентной борьбе внутри группы «миллионников» и близких к ним по численности городов. Но пока это промежуточные результаты, так как трансформация экономики городов-«миллионников» далека от завершения и реальная конкуренция еще впереди. В ней участвуют и другие крупные города с населением около 800 тыс. чело-

Таблица 1

Доля крупнейших городов в основных
социально-экономических показателях России за 2008 г., %

	Москва		С.-Петербург		прочие 11 «миллионников»		Всего	
	1998	2008	1998	2008	1998	2008	1998	2008
Население	7	7 (12*)	3	3	9	9	19	20
Инвестиции	16	11 (16*)	4	4	7	7	27	22
Ввод жилья	10	5 (17*)	3	5	10	13	23	23
Оборот розничной торговли	29	17 (23*)	8	4	11	18	48	39

* с Московской областью

век и более (Воронеж, Краснодар, Саратов, Красноярск).

Тенденции развития этих городов можно оценить по трем параметрам, которые можно сформулировать в виде вопросов:

- Удастся ли им перетянуть на себя более существенную часть экономической активности и ресурсов, сгладив тем самым огромное отставание от федеральных городов, особенно Москвы, обладающей особыми преимуществами?

- Насколько «миллионники» и близкие к ним по численности города различаются между собой по уровню социально-экономического развития, существует ли «разность потенциалов», отражающая результаты конкуренции между ними?

- Каковы перспективы развития агломераций городов-«миллионников» с учетом человеческих и экономических ресурсов их собственных регионов?

Российская статистика не позволяет оценивать развитие в границах крупных агломераций, они четко не определены, поэтому приходится ограничиваться анализом статистики городов. Расчеты показывают, что суммарный вклад 11 городов-«миллионников» в основные социально-экономические показатели страны стал увеличиваться в последние годы. Заметно вырос их вес в розничной торговле за счет прихода крупных торговых сетей и роста платежеспособного спроса (с 11 до 18% за 1998-2008 годы). Постепенно растет их доля в жилищном строительстве (с 10 до 13%), что также указывает на рост доходов населения. Самая большая проблема «миллионников» – низкая доля инвестиций (7%), она меньше доли этих городов в численности населения страны (9%). Причины невысокой инвестиционной привлекательно-

сти в основном институциональные. Это высокие барьеры для получения разрешений на строительство и ведение бизнеса, скудость бюджетов городов-«миллионников» и небольшие бюджетные инвестиции. Источники доходов муниципалитетов ограничены по сравнению с федеральными городами, которые как субъекты Федерации получают более значительные по объему налоги на прибыль, на доходы физических лиц, акцизы и т.д.

Конкуренцию за человеческие ресурсы, как правило, выигрывают те агломерации, в которых заметно выше зарработки. По данным статистики, преимущество Москвы значительно и оно растет (рис. 1). В 2008 г. средняя заработная плата в столице составляла 31 тыс. руб., в других крупнейших городах – от 23 тыс. руб. в Екатеринбурге и 21 тыс. руб. в Красноярске (в них более высокие зарработки нивелируются более высокой стоимостью жизни) до 15–16 тыс. руб. в Казани, Омске и Волгограде. В конце 1990-х годов различия в легальной заработной плате были меньше, но Москва резко выделялась максимальными душевыми доходами населения, а не легальной заработной платой. Благодаря отрыву по заработной плате и душевым доходам населения, столица притягивает трудовых мигрантов. Во всей российской чистой миграции (разнице между миграционным притоком и оттоком) за 2006–2008 годы на Московскую столичную агломерацию приходится 60%, Санкт-Петербург – 18%, на остальные регионы и города остается совсем немного. Различия в зарработках между другими городами-«миллионниками» недостаточны, чтобы влиять на межрегиональную конкуренцию за рабочую силу. Как и менее крупные региональные центры, они притягивают трудоспособное население своего региона.

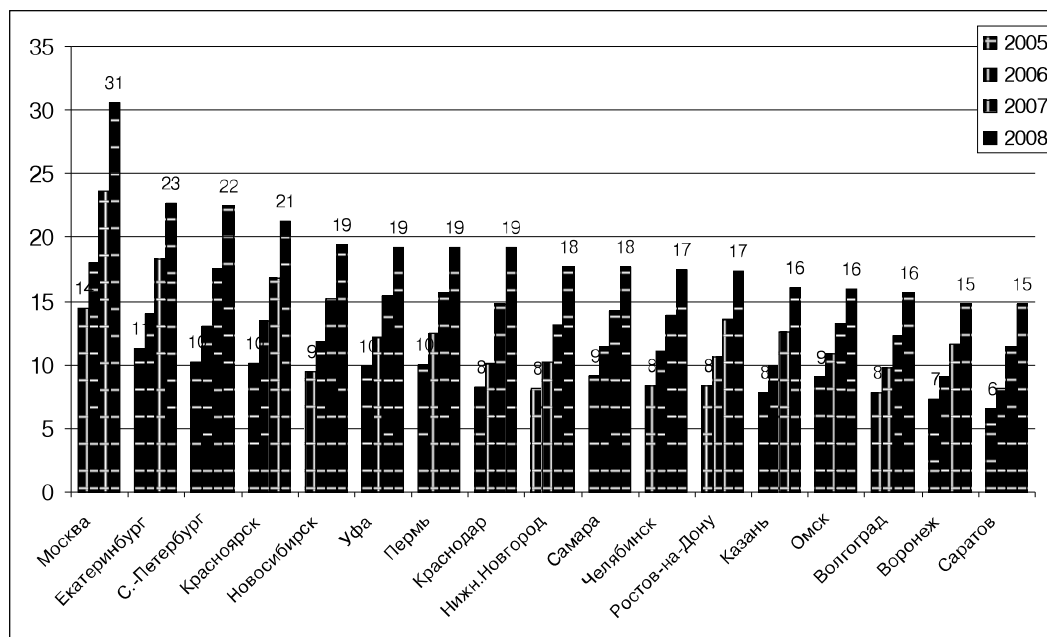

Рис. 1. Средняя номинальная заработная плата в крупнейших городах России в 2005–2008 гг., тыс. руб.

Для того, чтобы города-«миллионники» были привлекательными для мигрантов с высоким человеческим капиталом, они должны иметь более развитую социальную среду и качество населения. Понятия эти комплексные, их трудно измерить. Фактором модернизации социальной среды служит высокий уровень образования населения, он же является компонентом качества населения. К сожалению, структура населения по уровню образования доступна только в разрезе занятого городского населения всего региона, а не конкретного города, а в регионе она зависит от особенностей расселения. Тем не менее, картина различий очень показательна: регионы с крупными городами-«миллионниками», которых больше всего в Поволжье и на Урале, не выделяются высокой долей имеющих высшее образование среди занятого городского населения (не более 25%). Это следствие советской индустриализации Урала и Поволжья, когда наиболее востребованными были работники со средним профессиональным образованием, преобладающие в структуре занятых. Москва и С.-Петербург, где 42–43% занятых имеют высшее образование, сильно опережают остальные регионы страны. Среди остальных крупногородских субъектов РФ качеством городского населения выделяются регионы с ведущими вузовскими центрами страны, например, Томская

область (36% городских занятых имеют высшее образование) и Новосибирская (32%).

Таким образом, явное преимущество в виде более высокого человеческого капитала, способствующего модернизации социальной среды, присуще федеральным городам, а для городов-«миллионников» оно ограничено своим регионом. Заметных различий между этими городами нет, за исключением Новосибирска. В результате социальная среда и человеческий капитал не обеспечивают явных сравнительных преимуществ кому-то из крупных городов.

Развитие торговли и рынка жилья, приток инвестиций служат основой для усиления центральных функций крупных городов, но сопоставлять индикаторы нужно с большой осторожностью. Показатели объема розничной торговли в городах с 2007 г. рассчитываются без учета малого предпринимательства. Это большой сегмент торговли, но он измеряется неточно, с помощью дооценок. Его исключение из статистики также искажает дифференциацию городов. Города с большой долей торговли на рынках, например, Новосибирск, который служит перевалочной базой китайских товаров и японских автомобилей для Сибири и Урала, явно недооценены по объемам розничной торговли. В 2008 г. по душевому обороту без учета малого предпринимательства лидировали Краснодар (более 80 тыс. руб. на человека),

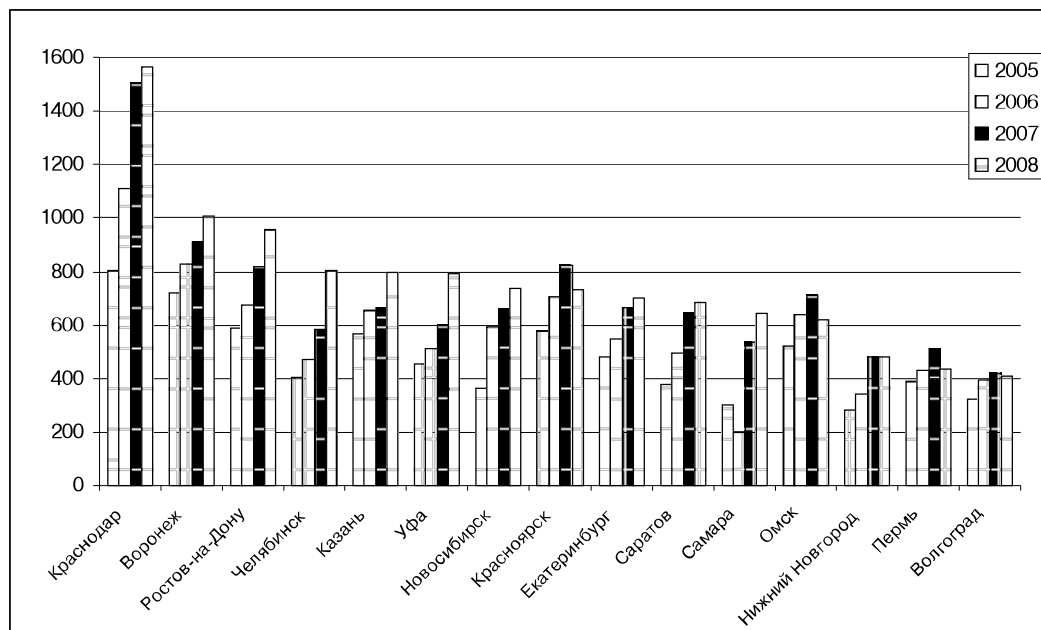

Рис. 2. Ввод жилья в 2005–2008 гг., кв. метров на 1000 населения

Самара и Нижний Новгород (более 60 тыс. руб. на человека). Самара ухудшила свою позицию, так как в начале 2000-х она имела максимальный показатель благодаря продажам автомобилей. Менее всего развиты крупные и средние торговые структуры в городах-центрах более бедных и аграрных регионов из-за барьеров низкого платежеспособного спроса (Воронеж, Саратов – менее 40 тыс. руб. на человека), а также на востоке страны, где барьеры расстояния замедляют проникновение торговых сетей (Красноярск, Омск – менее 30 тыс. руб. на человека).

Жилищное строительство более активно ведется в городах юга, поскольку там больше приток мигрантов в региональные центры и жилье строится в основном за счет средств населения. Динамика этого показателя не всегда устойчива (рис. 2). Быстрее всего росли жилищное строительство в Краснодаре, Челябинске и Новосибирске (в два раза за 2005–2008 гг.). Нестабильное развитие рынка жилья в Самаре связано с институциональными причинами – борьбой за власть в городе, затормозившей процесс выделения земель и разрешительной документации на строительство. Низкие показатели ввода жилья в Волгограде и Перми – также следствие институциональных барьеров. «Рывок» Красноярска в жилищном строительстве форсировала политика региональных властей, но

надолго этого не хватило. Кризис негативно повлияет на показатели 2009 г., особенно в регионах экспортной промышленности, в которых спад экономики был более сильным. Преимущество рынка жилья городов юга станет более явным.

На различия в развитии крупных городов как центров розничной торговли и строительства жилья влияет платежеспособный спрос населения и институциональная среда. Духовые показатели ввода жилья и товарооборота торговли различаются по крупнейшим городам существенно – в три-четыре раза. По обоим индикаторам выделялся Краснодар благодаря ускоренному росту экономики юга. Подготовка к Олимпиаде также ускорила развитие Краснодара и, в меньшей степени, Ростова-на-Дону. Среди городов Урала выделяется Екатеринбург, концентрирующий финансовые ресурсы большой Свердловской области. Благодаря металлургической специализации, в области до начала кризиса 2008 г. быстро росли доходы населения. В Поволжье более устойчиво развивались Казань и Уфа, также концентрирующие доходы развитой нефтедобычи и нефтепереработки своих республик, и, кроме того, получившие немалые федеральные инвестиции. Все остальные города не выделяются устойчивыми преимуществами. В целом «миллионники» Поволжья, Урала и Сибири не только

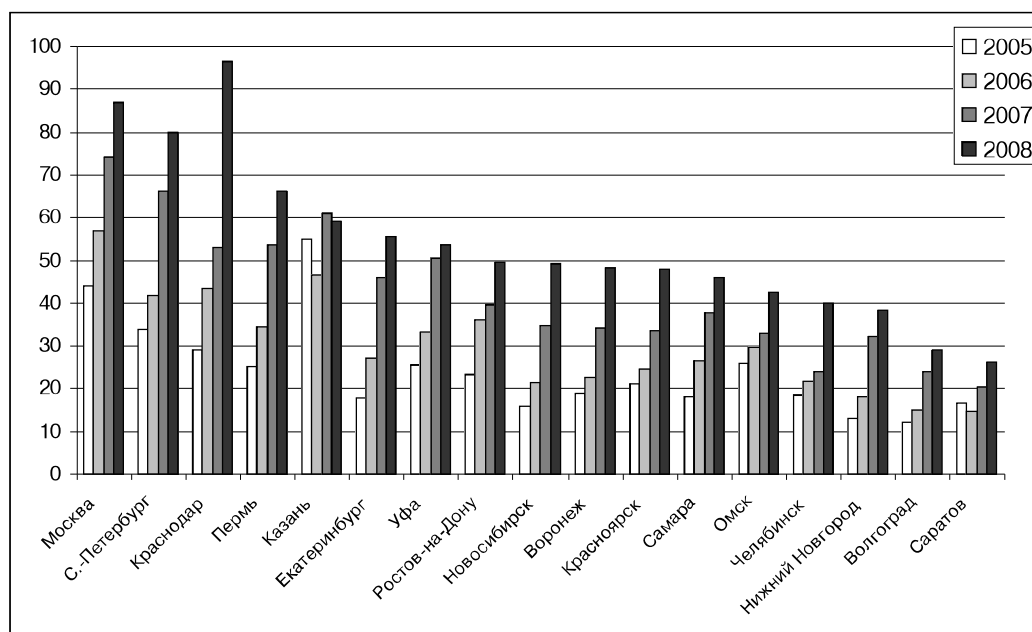

Рис. 3. Душевые показатели инвестиций в основной капитал в текущих ценах, тыс. руб. на человека

отстают от федеральных городов, но и получают сильного конкурента в виде крупных городов Юга. Приморские регионы Юга стали новой зоной экономического роста и столичные города этих регионов опережают другие крупные центры страны.

Перспективы развития крупных городов можно оценить, сравнивая душевые инвестиции в основной капитал (рис. 3). Москва и Санкт-Петербург имеют большой отрыв, при этом нужно учитывать и большую численность их населения. В результате объем инвестиций в столицу на порядок больше, чем в других городах, причем более трети всех инвестиций обеспечивал гигантский столичный бюджет (в середине 2000-х его доля в инвестициях превышала 40%). Санкт-Петербург по душевым показателям проигрывает Краснодару, несмотря на усилия по привлечению инвесторов. При этом только в 2007 г. объем инвестиций в северную столицу вырос в полтора раза за счет финансовой поддержки федеральных властей и пополнения городского бюджета путем переноса юридических адресов крупных корпораций. Концентрация инвестиций обеспечивает федеральным городам сохранение преимуществ развития и на перспективу.

Прочие лидеры делятся на две группы. Во-первых, это центры регионов, получающих

особую поддержку федеральных властей. В столице Татарстана треть инвестиций также шла из бюджетных источников, в основном региональных, так как федеральные власти перечислили значительные средства в бюджет республики на подготовку 1000-летия Казани. Росту инвестиций в Краснодар, помимо объективных преимуществ выгодного местоположения, способствует подготовка к Олимпиаде и двукратный рост инвестиций в 2008 г. дал огромное преимущество городу. Особое отношение федеральных властей к тому или иному региону или городу (ранее – к Татарстану, в последние годы – к Санкт-Петербургу и Краснодарскому краю) усиливает их конкурентоспособность, хотя трудно назвать такую конкуренцию честной.

Во-вторых, душевые инвестиции выше в других городах-«миллионниках» (Пермь и Уфа), но по иной причине. Эти города сохранили промышленную специализацию, поэтому инвестиции крупного бизнеса идут в нефтеперерабатывающую промышленность, а не в инфраструктуру и в сектор услуг. Остальным городам труднее конкурировать с лидерами, особенно в неравных условиях, создаваемых федеральным центром. Как и по другим индикаторам, аутсайдерами по объему инвестиций являются Саратов и Волгоград. Крупные города Поволжья в целом

теряют позиции, за исключением Казани. Схожий тренд характерен и для Омска.

Экономическая устойчивость развития «миллионников» и близких по численности городов создается не только сектором услуг, но и промышленностью. Баланс двух секторов экономики очень разный. Душевые показатели промышленного производства максимальны в крупных центрах нефтепереработки (Пермь, Омск, Уфа), за которыми следуют центры металлургии (Волгоград и Челябинск). Показатели в 2,5-3,5 раз ниже лидеров типичны для городов со специализацией на машиностроении, так и не преодолевшем кризисного спада 1990-х (Воронеж, Саратов, Краснодар, Новосибирск, Казань). Эти города быстрее становятся сервисными. Кроме того, в них изменилась структура промышленности и ее рынков сбыта: более устойчиво развивалась пищевая промышленность и другие импортозамещающие отрасли, обслуживающие рынок самих городов-центров и своего региона, то есть ближние рынки сбыта. Благодаря сочетанию торговых, инфраструктурных и промышленных функций формируется более устойчивый экономический ландшафт крупных региональных столиц, что в целом повышает их конкурентоспособность.

Переоценивать достоверность статистики не стоит, она позволяет только в первом приближении оценить и сопоставить развитие городов-«миллионников» и близких к ним по численности. Но даже эти замеры показывают, что конкуренция пока в зачаточном состоянии. Города «второго эшелона» слабо различаются на фоне Москвы, собирающей все преимущества в сверхконцентрированном виде. Подавляющему большинству «миллионников» явно не хватает финансовых и инвестиционных ресурсов, многим – человеческого капитала, немногие притягивают мигрантов из других регионов, хотя миграционная статистика по городам неточна. Более вероятно динамичное развитие крупных городов Юга и Екатеринбурга (после выхода из экономического кризиса). Для Казани неясна возможность ускоренно развиваться без особой финансовой поддержки Татарстана из федерального бюджета. Потенциал Самаро-Тольяттинской агломерации слабо использовался в период экономического роста, а начавшийся кризис еще более замедлит развитие из-за резкого обо-

стрения проблем занятости на предприятиях машиностроительного кластера. Остальные «миллионники» также нуждаются в улучшении институциональных условий, особенно в кризисный период. Динамика оборота торговли за 2009 г. показывает, что в крупногородских регионах более заметно снизились доходы населения и потребление, что угнетает развитие сектора услуг.

На развитие крупнейших городов будет влиять и более долгосрочный фактор – возможность концентрации человеческих и экономических ресурсов своего региона. Для некоторых агломераций, например, Самаро-Тольяттинской, такая возможность уже почти исчерпана, концентрация населения области в агломерации близка к предельной (табл. 2). Для крупных региональных центров Юга и республик Поволжья процесс урбанизации не завершился, поэтому можно прогнозировать дальнейшую и значительную концентрацию населения и экономики в центре. На Урале и, отчасти, в Пермском крае многочисленные промышленные города также будут в перспективе отдавать человеческие ресурсы крупнейшим агломерациям, хотя и с меньшей скоростью, чем традиционные миграции из села. Возможности дальнейшей концентрации населения и экономики – значительный ресурс в конкуренции крупнейших городов между собой, и здесь выигрывают Юг и республики Поволжья.

Тенденции развития менее крупных региональных центров практически не отличаются от «миллионников». Их рост достаточно устойчив благодаря концентрации сервисных функций и импортозамещающей промышленности, обслуживающей региональные рынки. В постсоветский период столичный статус оказался важным преимуществом, позволяя концентрировать экономические ресурсы.

Возможности развития крупнейших городов (агломераций) и менее крупных региональных столиц различаются, но других ведущих центров модернизации в стране пока нет и не предвидится, как минимум в среднесрочной перспективе. Если это так, то главная задача федеральных и региональных властей – поддержать естественные факторы роста этих городов, уже проявившиеся в период экономического подъема. Прежде всего необходимы общее улучшение инвестици-

Таблица 2

Доля крупнейших городов (агломераций) в показателях своего региона в 2008 г., %

	Численность населения	Численность занятых	Объемы производящей промышленности	Ввод жилья	Оборот розничной торговли	Инвестиции
Краснодар	15	24	17	31	45	37
Уфа	25	25	45	34	59	42
Ростов-на-Дону – Батайск	27	34	51	56	57	41
Казань	30	32	18	41	57	38
Екатеринбург	31	35	19	56	65	39
Красноярск	33	34	29	63	52	27
Челябинск-Копейск	35	40	37	49	70	36
Пермь	36	42	54	52	77	59
Саратов-Энгельс	40	51	57	66	70	42
Воронеж	41	55	51	76	66	60
Нижний Новгород-Дзержинск	46	55	33	46	75	38
Волгоград-Волжский	51	64	88	63	82	64
Новосибирск	53	64	68	74	82	77
Омск	56	66	94	69	93	83
Самара-Тольятти – Новокуйбышевск	62	73	83	70	88	65

онного климата и точечные госинвестиции в инфраструктуру, поддержка инновационных социальных программ, направленных на рост человеческого капитала, отказ от дальнейшей централизации всего и вся. И тогда импульс роста и модернизации будет распространяться нормальным эволюционным путем – от крупнейших центров к менее крупным городам и периферии. Кризис тормозит диффузию инноваций вниз по иерархической системе городов, поэтому задача снятия барьеров и улучшения институциональной среды становится еще более значимой.

Перспективы социально-экономического развития крупнейших городов. Ближние перспективы – это выход из кризиса. Для крупнейших городов ударом стал глобальный финансовый кризис, породивший проблемы банков, строительства и розничной торговли. Сильные риски для более модернизированных территорий – такого кризиса еще не было в постсоветское время. Хотя спад сервисной экономики и строительства в городах-«миллионниках» был значительным, опыт предыдущих кризисов показывает, что полифункциональная экономика агломераций более адаптивна, особенно если институциональная среда не душит бизнес, в том числе малый, который в этих регионах развит лучше. Однако в двух крупнейших агломерациях страны придется расплачиваться за некоторые перекосы. Мо-

сква получила наибольшие преимущества от экономического бума 2000-х, став центром прибыли естественных монополий и большинства крупных сырьевых компаний, на ее долю приходилось 26% всех собранных в стране налогов при 7% населения. Доля налога на прибыль организаций в ее бюджете достигала в 2007 г. 66%, это намного больше, чем в монофункциональных экспортных регионах. Бюджет столицы страны рос как на дрожжах (на 200 млрд. руб. ежегодно), позволяя не думать об эффективности расходов и тратить деньги на инвестпроекты с сомнительной эффективностью. В 2009 г. доходы бюджета столицы сократились на 22%, что заставило власти жестко ограничивать расходы. Бурный рост экономики Московской области сопровождался очень рискованной политикой заимствований, ее долг превышает 60% доходов бюджета, и за это тоже придется платить, но скорее, федеральному бюджету. На Московскую область в 2007–2008 гг. приходилось 12-13% от всего ввода жилья в стране, поэтому негативные последствия спада в строительстве и риски для покупателей жилья оказались максимальными. Тем не менее, при первых признаках выздоровления экономики агломерации федеральных городов вновь станут лидерами роста – агломерационный эффект устойчив.

Кризис в крупных региональных центрах оказался более болезненным, поскольку быстро растущий бизнес в секторе услуг осо-

бенно уязвим. Бюджеты федеральных городов имеют «жировую прослойку», которую можно использовать, а все прочие крупные города сидят на голодном бюджетном пайке, будучи муниципальными образованиями с ограниченными собственными доходами (большинство налогов перечисляется в федеральный и региональные бюджеты). К группам риска в крупных городах относятся и небедное население – покупатели жилья и малый бизнес. Легальный малый бизнес и до кризиса находился под прессингом неэффективных институтов и коррупционных выплат, а при ухудшении экономических условий часть из них уходит в тень или разоряется. В федеральных городах в малом бизнесе занято 26-28% работающих, в региональных центрах их доля, скорее всего, сопоставима (данные отсутствуют), это более модернизированная и адаптированная часть населения, принадлежащая к нарождающему среднему классу.

Кризис не вечен, и нужно думать о задачах развития на более длительную перспективу. Основной долгосрочной задачей остается социальная модернизация (повышение качества населения, улучшение социальной среды городов). Она транслируется в пространстве двумя путями – по иерархической системе городов (от крупнейших к менее крупным) и из центров агломераций на их периферию, в пригороды. Каждый путь нуждается в своих «подпорках».

Перед началом кризиса модернизация образа жизни населения дошла до крупных региональных центров, и этот «фронт» требует особого внимания. Во-первых, крупным городам нужна поддержка, чтобы в стране сложился устойчивый каркас центров модернизации и, наконец, ушла в прошлое система координат «Москва и остальная Россия». Смогут ли концентрировать качественные человеческие ресурсы из других регионов крупные макроцентры – такие как Екатеринбург, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, а также другие города «миллионники» Поволжья, Урала и Сибири? В сложившихся институциональных условиях прогноз, скорее, негативный, поскольку большинство этих городов не имеют необходимых преимуществ в виде более высокого уровня жизни и качества населения, которые бы обеспечивали необходимую «разность потенциалов» и привлекали внешних мигрантов (мигранты из своего региона едут и так).

Во-вторых, крупные города, и не только «миллионники», но и другие региональные центры, должны иметь больше финансовых ресурсов для развития. Это требует изменения межбюджетных отношений в регионах, иных пропорций распределения налогов между уровнями бюджетной системы. В-третьих, необходимо стимулировать привлечение инвестиций, что позволит создать новые рабочие места и улучшить социальную среду таких городов. Без радикального повышения уровня и качества жизни в крупных городах человеческие ресурсы всей страны будут и дальше концентрироваться в Московской столичной агломерации и, в меньших масштабах, в Санкт-Петербурге. Но вместо поддержки крупных региональных центров и снижения институциональных барьеров для инвестиций федеральные и региональные власти заняты борьбой с мэрами и местным самоуправлением.

У федеральных властей есть давние мечты об укрупнении, регулярно возникают планы объединения нескольких регионов «под крылом» большого и более развитого, с сильным центром. Такие проекты могут повлиять на развитие и модернизацию крупных городов. Административное объединение облегчает стягивание населения в крупный центр, который становится более конкурентоспособным, но при этом деградируют бывшие региональные центры, потерявшие этот статус после объединения. Из них вымываются все ресурсы – человеческие и финансовые, так работает центр-периферийный механизм пространственного развития. Кроме того, импульс модернизации должен перемещаться из крупнейших центров вниз, по иерархической системе городов, и чем меньше будет региональных центров, тем медленнее будет модернизироваться пространство.

Второй путь, т.е. «ближняя» диффузия инноваций из крупного центра в пригороды, облегчается при формировании агломераций. Российские власти пытаются использовать административные меры, надеясь с их помощью создать агломерации на базе крупных городов и расположенных неподалеку городов меньшего размера. Мировой опыт показывает, что агломерации не рождаются путем административного объединения крупных городов с прилегающими территориями, и вообще объединительные идеи малопродуктивны. В развитых странах территорию объ-

единяют маятниковые трудовые миграции, развитая инфраструктура и тесные экономические взаимосвязи.

Давно доказано, что агломерации формируются естественным путем, «мотором» служит возможность снижения издержек бизнеса и обеспечение лучших условий для удовлетворения спроса потребителей. Государство может помочь формированию агломераций, вкладывая ресурсы в инфраструктурные проекты, стимулируя интеграцию экономики и рынков труда близлежащих городов. Для этого не нужно объединять муниципалитеты в некую административную «агломерацию», требуется снизить барьеры, мешающие экономической интеграции. К сожалению, в России само государство создает такие барьеры, жестко предписывая муниципалитетам ограниченный круг полномочий и тем самым ограничивая свободу развития. В результате и институциональные, и демографические барьеры развития агломераций усиливаются.

Вместо снижения институциональных барьеров предлагаются порой абсурдные решения в рамках модного «проектного подхода». Примером может служить проект агломерации Владивостока с Находкой и Уссурийском, до которых «всего лишь» 100–150 км по безлюдным автодорогам депопулирующего Приморского края. Еще более яркий пример – проект «агломерации» Вологда-Череповец. Можно потратить много денег на то, чтобы построить шикарный автобан между трехсоттысячной Вологдой и трехсоттысячным Череповцом, разделенными сотней километров, но агломерации все равно не получится. Это не региональная политика, а закапывание бюджетных денег. Именно такие проекты дискредитируют жизнеспособные механизмы инфраструктурной поддержки. Не бывает искусственных агломераций, их невозможно создать волевым усилием, не имея базовых предпосылок.

Несмотря на отсутствие адекватной политики властей, естественные тенденции пространственного развития будут и дальше стягивать население в крупные города и их пригороды. При создании благоприятных институциональных условий для бизнеса он сам экономически свяжет пространство, ведь агломерационный эффект снижает экономические издержки. Что нужно для ускорения процессов формирования агломераций, которые могут стать наиболее важными зонами социальной модернизации и концентрации высокого человеческого капитала в России?

- снижение административных и институциональных барьеров, как в сложившихся агломерациях (например, между Москвой и Московской областью), так и в формирующихся (например, Самара-Тольятти);

- стимулирование горизонтальных связей для принятия согласованных решений по развитию территории; механизмы согласованных продуктивно работают в Большом Париже или Лондоне, но почему-то нереализуемы в российских агломерациях;

- масштабные инвестиции государства в транспортную и городскую инфраструктуру, без этого пространство не «сшивается»;

- инвестиции в качественное образование для модернизации городского социума и социальной среды;

- регулирование процесса развития агломераций методами городского планирования, выделение зон с разным статусом (жилые, производственные, рекреационные) и резервных территорий для развития;

- формирование имиджевой политики, которая в развитых странах усиливает конкурентные преимущества агломераций.

Все вышеописанные подходы и меры давно известны и успешно применяются в разных странах. Мы снова будем искать свой особый российский путь?

Библиографический список

1. Fujita M., Krugman P., Venables F.J. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. – The MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2000.
2. Нефедов Т.Г., Трейвиш И.И. Сильные и слабые города России / Полюсы и центры роста в региональном развитии / Под ред. Ю. Г. Липецкого. – М.: ИГ РАН, 1998.
3. Зубович Н.В. Города как центры развития современной России / Городской альманах. Вып. 2. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2006. – С. 103–108.
4. По переписи 2002 г. было 11 «миллионников» (Волгоград, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самары, Уфа, Челябинск). Численность населения в двух из них теперь ниже миллиона человек, но это не меняет роли этих городов как крупных «точек роста».

С.Н. Кузнецова, С.И. Яковлева
(г. Тверь)

СООТНОШЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Kuznetsova S.N., Yakovleva S.I. (Tver)

THE CORRELATION BETWEEN THE STRUCTURE AND TRANSPORT-GEOGRAPHICAL CONDITIONS OF THE RURAL SETTLING IN THE TVER REGION

Аннотация. Показан транспортно-географический аспект исследования условий сельского расселения. Выполнен совмещенный анализ транспортной сети и структуры сельского расселения на примере Тверской области.

Abstract. The transport-geographical aspect of research of conditions of rural settling is shown. The combined analysis of a transport network and structure of rural settling is executed by the example of the Tver region.

Ключевые слова: сельское расселение, структура сельского расселения, сельская поселенческая сеть, транспортно-географические условия расселения, транспортный каркас сельского расселения.

Key words: rural settling, structure of the rural settling, settlement network, transport and geographic conditions of settlement, transport frame of rural settlement.

Понятие «расселение» – двуединое понятие, с одной стороны – это процесс распределения и перераспределения населения по территории и его результат – сеть поселений. Транспортно-географический аспект изучения сельского расселения – это изучение транспорта с точки зрения условий расселения. Он предполагает взаимосвязанное изучение дорожной и сельской поселенческой сети территории, включает оценку транспортно-географического положения сельских населенных пунктов – близости (удаленности) автодорог и железнодорожных станций (и платформ). Если посмотреть на транспорт с точки зрения условий расселения, то за ним придется признать исключительное значение. Транспортные сети обеспечивают связность населенных пунктов, перемещения и мобильность населения, доступность центров обслуживания и мест работы.

Совмещенный анализ транспортной сети и структуры сельского расселения характерен для географических исследований и районной планировки (территориального планирования). География акцентирует внимание на оценках влияния автодорожной сети на размещение сельского населения и поселений [2, 12, 14, 15]. Планировочный подход к моделированию транспортной сети

подразумевает формирование единой транспортной сети района, т.е. организацию сети местных дорог в их увязке с внешним транспортом. При этом развитие и совершенствование единой транспортной системы района и всех ее подсистем рассчитывается на длительный период времени во взаимосвязи со структурой расселения [4]. В данном исследовании на примере Тверской области показана взаимосвязь степени разрушенности сельской поселенческой сети и транспортно-географических условий, в которых живут сельские жители.

Для обозначения «остова, основания чего-либо, в виде костяка» (по В.И.Далю) [7] используется термин «каркас». Как функциональный термин, он обычно используется в разных словосочетаниях. Первым среди территориальных каркасных терминов является «каркас территории» (Н.Н. Баранский) [1]. В региональных науках и практике территориального планирования постоянно используется понятие «опорный каркас расселения» [3, 9, 10, 11, 13]. Понятие «сельская поселенческая сеть» (сеть населенных пунктов в сельской местности) дополнено понятием «основной «каркас» расселения в сельской местности» для того, чтобы акцентировать внимание на центральные и другие наиболее крупные населенные пункты [8].

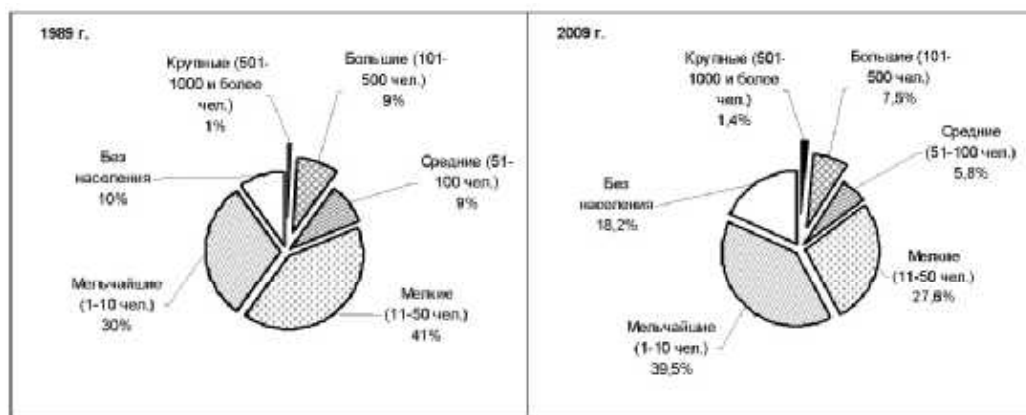

Рис. 1. Структура сельского расселения Тверской области по числу сельских населенных пунктов разной людности в 1989 и 2009 г., %

Предлагаем использовать понятие «транспортный каркас сельского расселения» с тем, чтобы иметь краткий термин, объединяющий два взаимосвязанных понятия – сельская поселенческая сеть и транспортная сеть в сельской местности.

Основой транспортного каркаса (транспортной сети) сельского расселения Тверского региона являются автомобильные дороги в сочетании с железнодорожными линиями. Второй элемент транспортного каркаса представлен сетью железнодорожных станций и платформ (остановок). Эти узловые элементы делают железные дороги доступными для населения. На топографической карте хорошо видны радиальные схемы дорог, устремленные к железнодорожным остановкам. Пристанционные ареалы сельского расселения отличаются более густой сетью населенных пунктов и повышенной плотностью населения в радиусе 3–5 км. Вокруг железнодорожных станций и платформ сконцентрировано 27% сельского населения области. Всего в 4-х (из 36) районах Тверской области нет железных дорог.

Основная черта сельского расселения Тверского региона – его мелконаселенность, т.е. преобладание небольших населенных пунктов [5] – *рис. 1*. Растет доля мельчайших (до 10 чел.) сельских населенных пунктов (СНП) и пунктов без постоянного населения. Вместе они составляют около 60%. Это наглядно отражает процесс и степень разрушенности сельской поселенческой сети региона. Разрушение – мельчание и обезлюдение сети происходит под влиянием многих процессов, в первую очередь миграцион-

ных. Зачастую первыми теряют население СНП, расположенные вдали от автодорог и железнодорожных станций и платформ. Поэтому в нашем исследовании мы акцентируем внимание на наличие в сельских поселенческих сетях муниципальных районов Тверской области двух категорий СНП – мельчайших и без постоянного населения, и соотносим степень разрушенности сетей с транспортно-географическими условиями расселения – распределением населения относительно автодорог и железнодорожных станций (платформ). Статистический анализ структуры сельского расселения (по спискам сельских населенных пунктов всех районов области) совмещен с графоаналитическими определениями удаленности сельских населенных пунктов от автодорог и железнодорожных остановок [15].

Наиболее безлюдные сельские поселенческие сети – на западе области. Там особенно высока доля пунктов без постоянного населения: 31–40% – в Андреапольском, Оленинском и Бельском районах и 21–30% – в Западнодвинском, Жарковском, Нелидовском и Селижаровском районах. До трети пустующих деревень также в Вышневолоцком, Кимрском, Максатихинском и Молоковском районах. Меньше всех разрушена сеть в Конаковском районе, где доля пунктов без постоянных жителей – 3%. Минимальная в регионе доля деревень без постоянных жителей – 8–10% – в пригородных районах – Калининском, Торжокском и Лихославльском, а также в Удомельском и Сонковском. В остальных (это половина районов) – средний уровень – до 20%. Самое большое количество

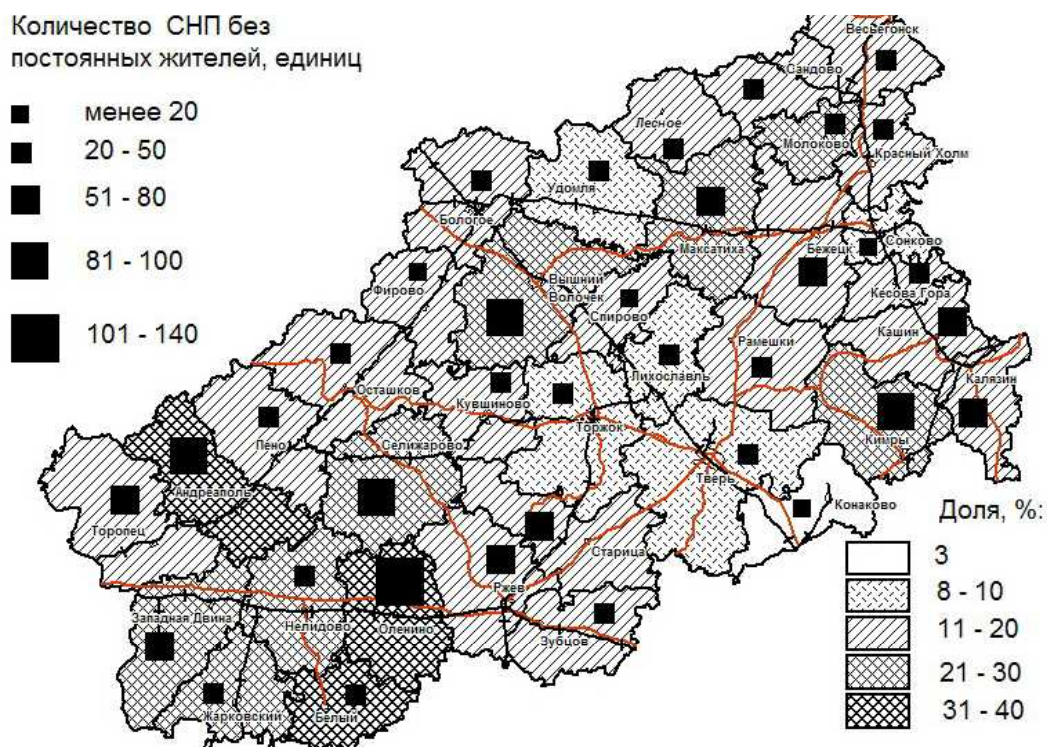

Рис. 2. Количество и доля сельских населенных пунктов без постоянных жителей в муниципальных районах Тверской области в 2009 г.

деревень без постоянных жителей сосредоточено на западе области – в Оленинском (135), Селижаровском (94) и Андреапольском (85), а также в Кимрском (86) и Вышневолоцком (81) районах. На эти 5 районов приходится около трети всех пустующих деревень региона (рис. 2). Определенная часть пунктов без постоянного населения сезонно обитаема, если они расположены в рекреационных местностях. В ряде западных и северо-западных районов Тверской области, на территории, называемом Валдайским поозерьем [5, с. 48], идет активная трансформация сельского расселения. Постоянное население в деревнях «заменяется» сезонными дачниками, а сезонные и всесезонные туристские объекты в сельских населенных пунктах или рядом с ними и дальше будут поддерживать новую форму рекреационного расселения, станут основой дальнейшего освоения этих туристско-рекреационных территорий.

Самые измельченные сельские поселенческие сети, в которых 40–50% деревень – мельчайшие (до 10 чел.) – в периферийных западных и восточных районах области

(рис. 3). Особенно выделяются по количеству и повышенной доле мельчайших СНП районы Селигерской зоны (Пеновский и Селижаровский), а также Кимрский и Сандовский. Минимальная степень измельчения сети – в Бежецком (17%), Краснохолмском (27%), Конаковском (29%), Максатихинском (28%) районах. В половине районов области – доля мельчайших СНП в сети составляет 31–40%. Всего в мельчайших СНП региона живет 4,4% сельского населения (2009) с колебаниями показателя по районам от 1–2% (пригородные – Конаковский и Калининский) до 11–13% (Селижаровский и Сандовский) – рис. 4.

Наиболее разрушенные – крайне измельченные и обезлюдевшие сельские поселенческие сети (рис. 5), в составе которых от 60 до 80% составляют мельчайшие СНП (до 10 чел.) и пункты без постоянных жителей, – в западных районах области (особенно – в Андреапольском, Селижаровском, Оленинском и Бельском), 60–70% – на северо-западе (Лесном, Молоковском и Сандовском), а также в Кашинском и Кимрском.

Количество мельчайших СНП
(1-10 чел.), единиц

- менее 50
- 50 - 80
- 81 - 100
- 101 - 150
- 151 - 200

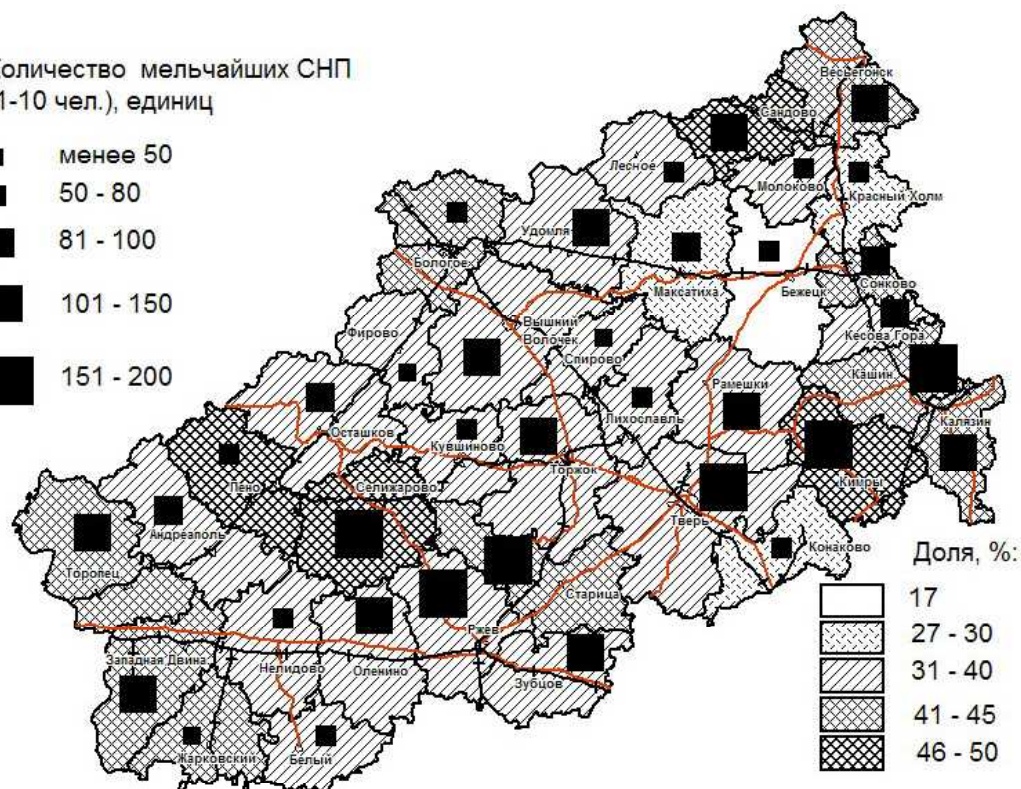

Рис. 3. Количество и доля мельчайших сельских населенных пунктов (1–10 чел.) в муниципальных районах Тверской области в 2009 г.

Количество мельчайших СНП
(1-10 чел.), единиц

- менее 50
- 50 - 80
- 81 - 100
- 101 - 150
- 151 - 200

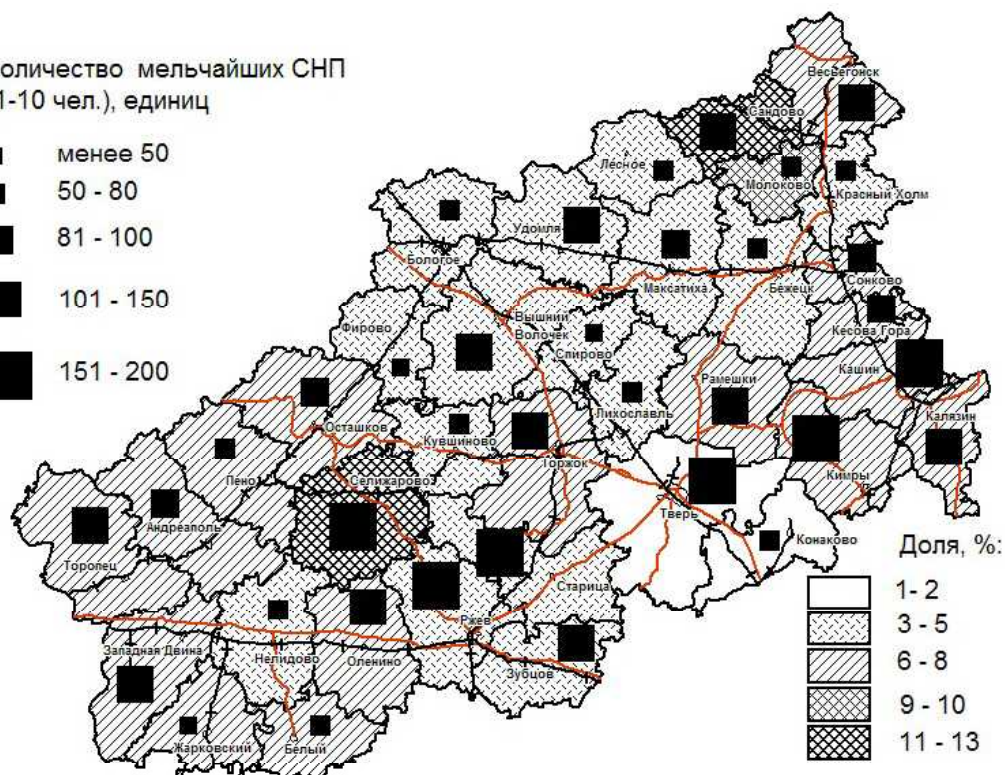

Рис. 4. Количество мельчайших сельских населенных пунктов (1–10 чел.) и доля сельского населения, проживающего в них в муниципальных районах Тверской области в 2009 г.

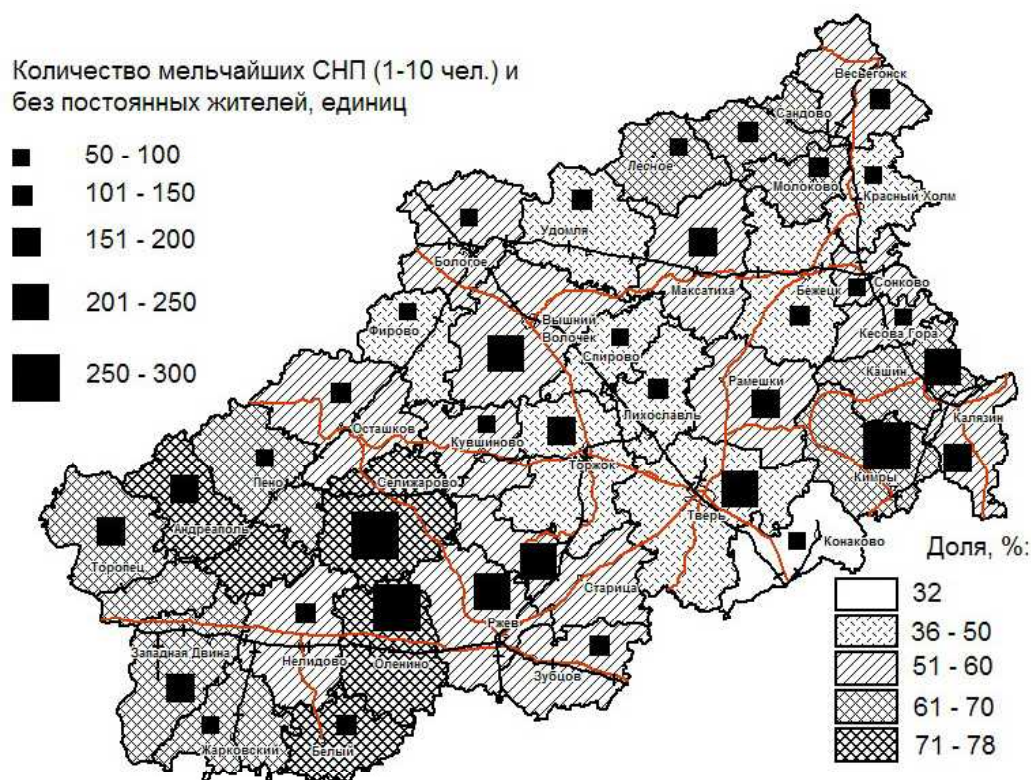

Рис. 5. Общее количество и доля мельчайших сельских населенных пунктов вместе с пунктами без постоянного населения в муниципальных районах Тверской области в 2009 г.

Соотношение количества и доли мельчайших СНП и пунктов без постоянного населения в районах разное. Варианты соотношений этих СНП в сельских поселенческих сетях (рис. 6):

1. Малая или средняя доля мельчайших СНП и пунктов без населения (16 районов)
2. Значительная доля (более 40%) мельчайших СНП (9 районов)
3. Высокая доля (более 20%) пунктов без постоянного населения (4 района)
4. Высокая доля мельчайших СНП вместе с пунктами без постоянных жителей – 60–80%. Это наиболее разрушенные сети (7 районов).

Максимальная доля СНП с постоянным населением без мельчайших характерна для примагистральных районов транспортного коридора Москва – Санкт-Петербург (кроме Вышневолоцкого и Бологовского районов), а также для Бежецкого и Краснохолмского районов (рис. 7). Это наиболее устойчивые элементы регионального сельского расселения. Самое большое количество СНП с по-

стоянным населением более 10 чел. сосредоточено в Калининском (336), Торжокском (268) и Бежецком (255) районах. В этих трех районах сконцентрировано 20 % всех СНП региона с постоянным населением (без мельчайших).

Варианты структуры сельского расселения по соотношению двух категорий СНП – с постоянным населением (без мельчайших) и мельчайших вместе с пунктами без постоянного населения в районах области (рис. 8):

1. В сельской поселенческой сети доминируют (51–70%) СНП с постоянным населением более 10 чел. Доля мельчайших СНП и пунктов без постоянного населения минимальная (9 районов)
2. В поселенческой сети примерно равное количество двух категорий: 1) мельчайшие СНП (1–10 чел.) вместе с пунктами без постоянного населения и 2) СНП с постоянным населением без мельчайших (11 районов)
3. В основе сельской поселенческой сети 51–70 % – мельчайшие СНП (1–10 чел.) вместе с пунктами без постоянного населения.

Количество мельчайших СНП (1-10 чел.) и
без постоянных жителей, единиц

- 50 - 100
- 101 - 150
- 151 - 200
- 201 - 250
- 250 - 300

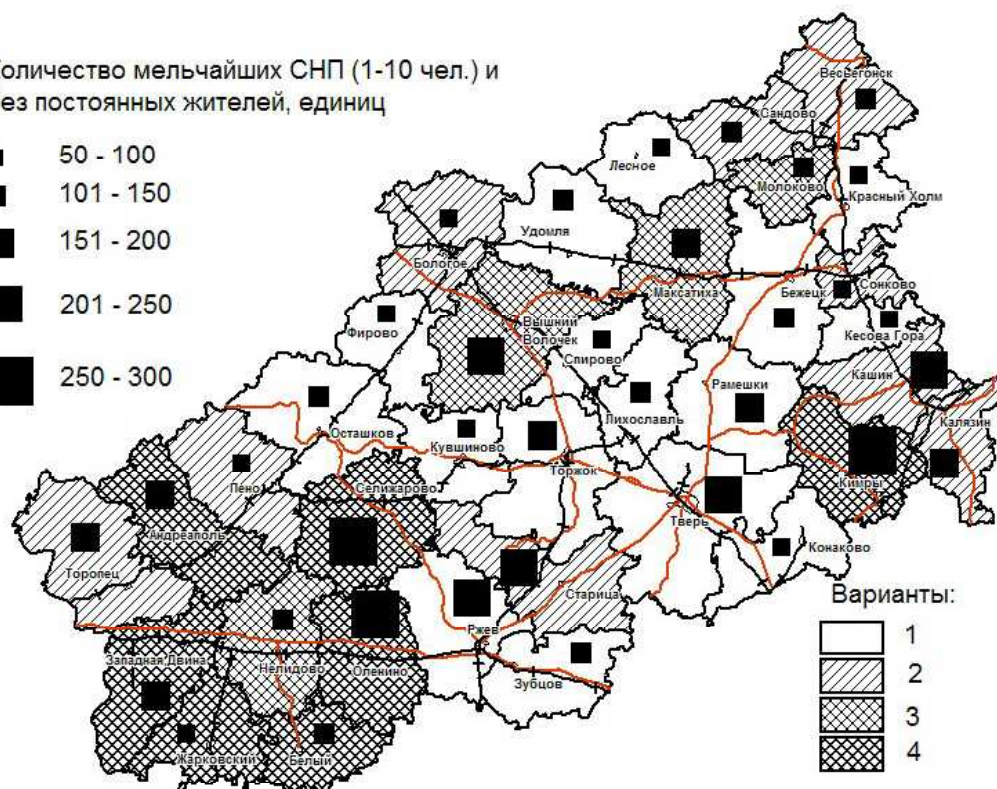

Рис. 6. Общее количество мельчайших сельских населенных пунктов вместе с пунктами без постоянных жителей, и варианты соотношения их доли в муниципальных районах Тверской области в 2009 г. (варианты – в тексте)

Доля мельчайших СНП, % (рис.3)	Доля СНП без постоянного населения, % (рис.2)					Всего районов
	3 – 5	6 – 10	11 – 20	21 – 30	31 – 40	
17	-	-	1	-	-	1
27 – 30	1	1	1	1	3	3
31 – 40	-	4	9	3	3	19
41 – 45	-	1	6	2	-	9
46 – 50	-	2	2	2	4	4
Всего районов	1	5	19	8	3	36

Примечание: ① номер варианта соотношения

Доля СНП с постоянным населением (без мельчайших) – 31–40 % (11 районов)

4. В сети доминируют – 61–80 % мельчайшие СНП и пункты без постоянного населения (5 районов).

Рассмотрим соотношение структуры сельского расселения и транспортно-гео-

графических условий в муниципальных районах Тверской области. Фактические транспортно-географические условия расселения определяются характером пешеходной доступности (4–5 км) автодорог и железнодорожных станций для населения СНП. В лучших транспортно-географических

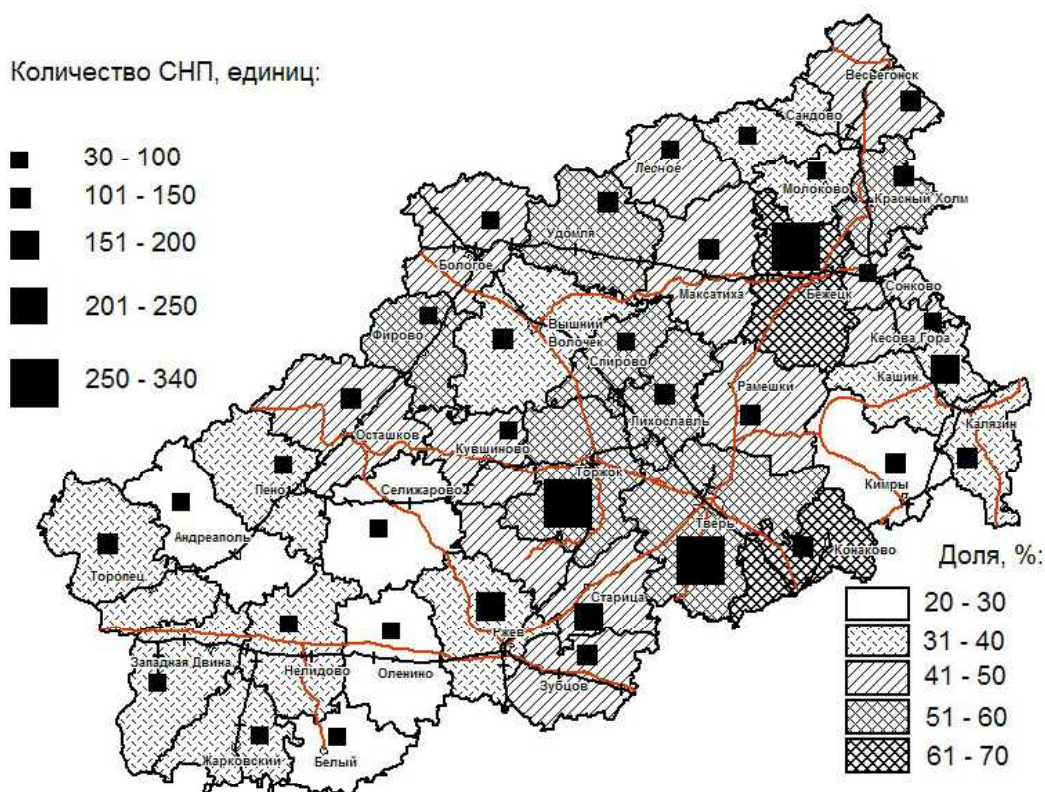

Рис. 7. Общее количество и доля сельских населенных пунктов с постоянным населением без мельчайших в муниципальных районах Тверской области в 2009 г.

условиях находятся СНП в 2-км полосах удаленности от автодорог и 3–5 км от железнодорожных остановок (ближайшие остановки обеспечивают населению доступность железнодорожного транспорта). Балльная оценка транспортно-географических условий для районов Тверской области выполнена в [15]. Сопоставим эти данные с разными вариантами структуры сельского расселения (рис. 9). Первый – лучший тип структуры сельского расселения имеет и самый высокий средний балл транспортно-географических условий расселения – 7,2. Прочие типы практически в равных транспортно-географических условиях – около 6 баллов. Полное прямое соответствие характерно для половины районов (18 из 36): лучшей структуре сельского расселения (1 тип – рис. 7) соответствуют лучшие транспортно-географические условия расселения – максимальные балльные оценки (8 районов, среди них: Конаковский, Калининский, Спировский, Торжокский, Лихославльский – примагистральные районы коридора Москва – Санкт-Петербург), структуре 2-го типа соответствуют средние условия (4 рай-

она – Зубцовский, Старицкий, Бологовский и Максатихинский); структуре расселения 3-го типа – условия ниже среднего (6 районов – западные районы – Западнодвинский, Жарковский и Торопецкий, восточные – Кашинский, Калязинский, а также Молоковский). Неполное соответствие структуры сельского расселения и транспортно-географических условий – в 11-ти, преимущественно периферийных, районах (западных – Пеноском, Ржевском, Бельском, Осташковском; восточных – Кесовогорском, Сонковском, Краснохолмском, а также Сандовском, Лесном и Рамешковском). Районы с обратным соотношением – полным и частичным несоответствием, когда в лучших и хороших транспортно-географических условиях – наиболее разрушенные структуры сельского расселения (Вышневолоцкий, Нелидовский, Кимрский и др. – всего 6 районов) или, наоборот, в худших транспортно-географических условиях – малоразрушенная структура расселения (Весьегонский район) – рис. 9. Если на графике (рис. 10) соотношения структуры и транспортно-географических условий сель-

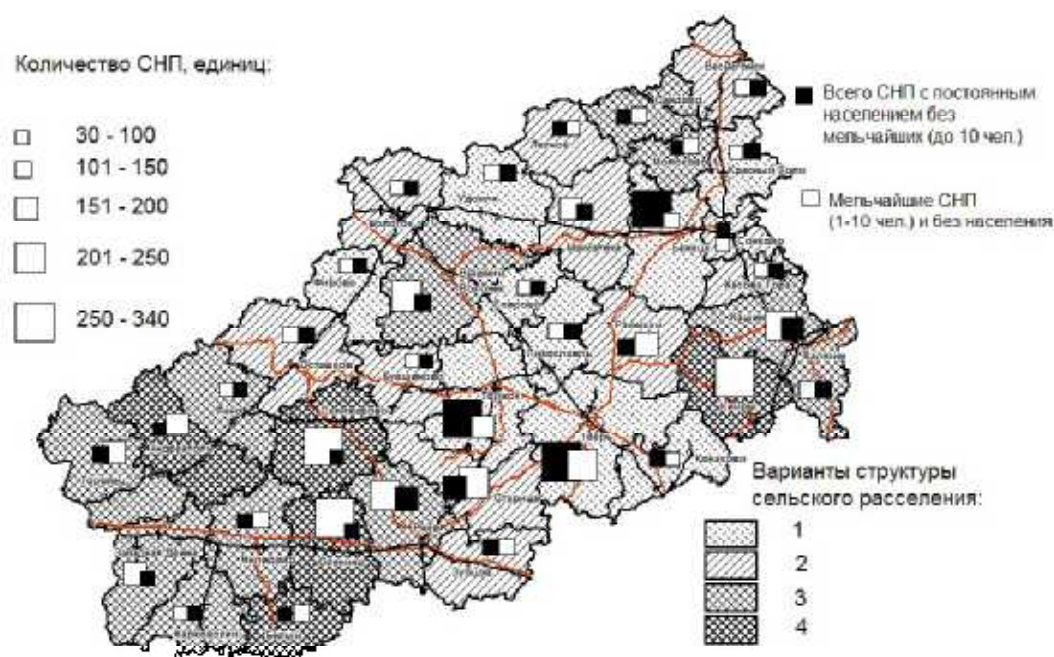

Рис. 8. Структура сельского расселения Тверской области в 2009 г.
(варианты – в тексте)

Общая доля мельчайших СНП и пунктов без населения, % (рис.5)	Общая доля всех СНП с постоянным населением без мельчайших, % (рис.7)					Всего районов
	20 - 30	31 - 40	41 - 50	51 - 60	61 - 70	
32	-	-	-	-	1	1
35 - 50	-	-	-	7	1	8
51 - 60	-	4	10	-	-	14
61 - 70	1	3	7	2	1	9
71 - 80	4	4	-	-	-	4
Всего районов	5	11	11	7	2	36

Примечание: ③ Варианты структуры сельского расселения

ского расселения убрать районы с полным несоответствием, станет очевидным усиление степени разрушенности сельской поселенческой сети от ухудшения транспортно-географических условий расселения в регионе.

В заключении подчеркнем главное: транспортно-географический аспект изучения условий сельского расселения включает совмещенный анализ структуры сельской

поселенческой сети и транспортных условий расселения. Он позволяет выявить и оценить лучшие и сложные транспортно-географические условия расселения.

Результаты подобного анализа транспортного каркаса (сети дорог) региональной системы расселения должны быть базой разрабатываемых моделей расселения в региональных исследованиях и современной практике территориального планирования.

Основные соотношения структуры и транспортно-географических условий расселения:

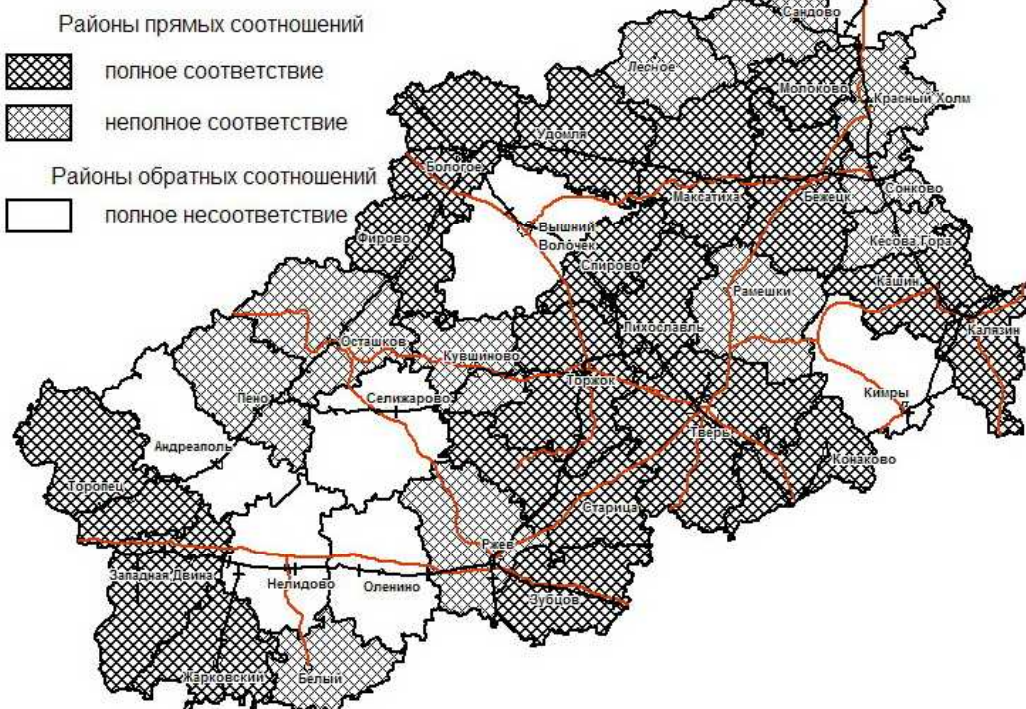

Рис. 9. Основные соотношения структуры и транспортно-географических условий сельского расселения Тверской области

Варианты структуры сельского расселения (рис.8)	Транспортно-географические условия сельского расселения, баллы				Всего районов
	8 – 9	6 – 7	4 – 5	2	
1	3	5	1	-	9
2	1	4	5	1	11
3	2	3	6	-	11
4	-	4	1	-	5
Всего районов	6	16	13	1	36

Варианты соотношений (цифры выделены разным шрифтом):

3	Полное соответствие
1	Неполное соответствие
2	Полное несоответствие

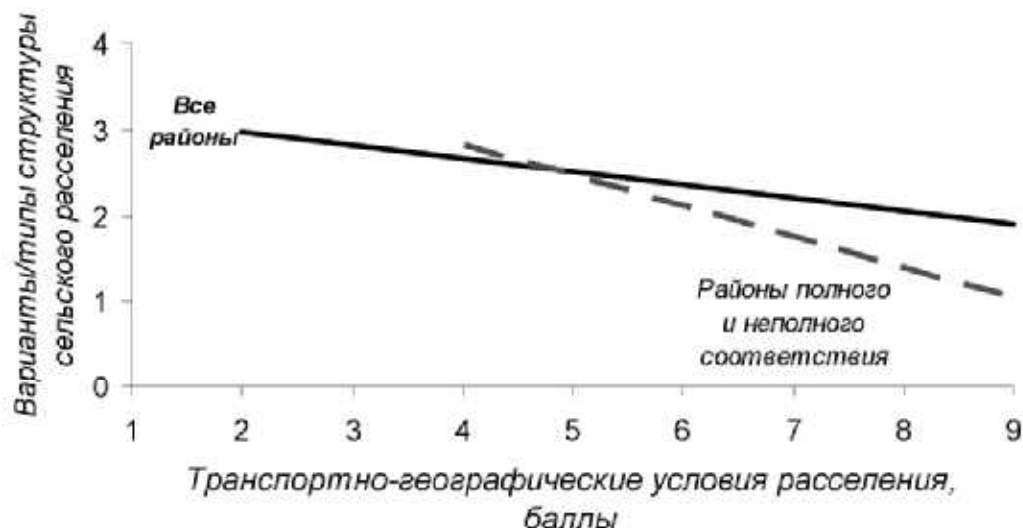

Рис. 10. Усиление степени разрушенности сельской поселенческой сети от ухудшения транспортно-географических условий расселения в Тверской области

Библиографический список

- Боринский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. 2-е изд. – М.: Географиз, 1956. – 367 с.
- Вайтекунс С., Станкунене Е. Влияние автодорожной сети на размещение сельского населения и поселений // География и геология, XIII: Научн. труды высших уч. завед. Литовской ССР. – Вильнюс: Мокслас, 1977. – С. 65–73.
- Владимиров В.В., Неймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России (Теоретические основы градостроительства). – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 376 с.
- Владимиров В.В., Фомин И.И. Основы районной планировки: Учеб. – М.: Высшая школа, 1995. – 170 с.
- География Тверской области: Книга для учителя / Сост. и отв. ред. И.И. Тихченко. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 289 с.
- Гольц Г.И. Транспорт и расселение. – М.: Наука, 1981. – 248 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.2: И – О / Под ред. Проф. И.И. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Терра – Книжный клуб, 1998. – 227 с.
- Ковалев С.И., Ковальская Н.Я. География населения СССР. – М.: Изд-во Московского Университета, 1980. – 219 с.
- Кузнецов С.Н. Ключевые понятия сельского расселения // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2010.
- Ляппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия ИН СССР. – Серия география. – 1983. – № 5. – С. 16–28.
- Полян П.М. Опорный каркас расселения в кругу территориально-урбанистических структур // Территориально-хозяйственные структуры Дальнего Востока. – Владивосток, 1982. – С. 83–92.
- Тихченко И.И. Примыслительные зоны и каркасный эффект в региональном развитии // Транспортная инфраструктура как фактор устойчивого развития регионов России: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Б.И. Козлов. – Пермь, 2007. – С. 37–41.
- Хорев Б.С. Территориальная организация общества: (Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). – М.: Мысль, 1981. – 320 с.
- Яковлев С.И. Примыслительная сельская поселенческая сеть // Территориальная организация общества и управление в регионах: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции 6-9 октября 2005 г. / Под ред. проф. Т.М. Худяковой. – Ч.1. – Воронеж, 2005. – С. 101–104.
- Яковлев С.И. Транспортный каркас сельского расселения Тверской области // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «География и геоэкология». – 2008. – № 22 [82]. – С. 51–70.

Н.И. Кузьменко
(г. Воронеж)

АДАПТАЦИЯ ИНОЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП К НОВЫМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ В ДОМИНИРУЮЩЕМ РУССКОМ ЭТНОСЕ

Kuzmenko N.I. (Voronezh)

THE ADAPTATION OF THE INAUETHNIC'S GROUPS TO NEW SOCIAL-ECONOMIC CONDITIONS AMONG THE PREVAILING RUSSIAN ETHNIC GROUP

Аннотация. Обоснована дефиниция социально-экономической адаптации иноэтнических групп. Приведены результаты социологического исследования представителей иноэтнических групп в Воронежской области. Выявлены основные факторы, влияющие на адаптацию иноэтнических групп. Описаны взаимоотношения этносов с местными органами власти. Охарактеризована занятость пришлого на территории области населения, дана ее оценка с точки зрения обоснованной Л.Н. Гумилева категории комплиментарности этносов. Сделан вывод о необходимости регулирования миграционных потоков и расселения мигрантов среди доминирующего этноса.

Abstract. The definition of inauethnic's groups of the social-economic adaptation is proved. The representatives of the inauethnic's groups of the Voronezh region showed the results of the social researches. The factors that influence the adaptation of the inauethnic's groups are given. The relations between the groups and local authorities are described. The employment of the population arrived on the territory of the region is characterized and the estimation of it is given from N.L. Gumilev's point of view on the category of the complementation of nations. In conclusion the author says about the necessity of controlling the migratory movements and migrants' settling of among the dominant ethnic group.

Ключевые слова: иноэтнические группы, вынужденная миграция, адаптация, социально-экономическая адаптация мигрантов, комплиментарность этносов.

Key words: inauethnic's groups, forced migration, condition, social-economic condition migrant, complementation of nation.

Масштабность миграционных процессов в современном обществе и значимость тех социально-экономических перемен, которые ими привносятся в экономическую, политическую, социокультурную жизнь стран и народов, обуславливает пристальное внимание к ней представителей многих отраслей научного знания. Ее изучают демографы, географы, этнологи, социальные антропологи, историки, политологи, правоведы, социальные психологи. В теоретическом плане речь идет о роли миграции в движении населения и трудовых ресурсов, развития общества в целом. Рост численности мигрантов, формирование из их числа этнических групп и связанных с этим затрат времени на переселение и трудоустройство требует усиление внимания к вопросам регулирования этого процесса в интересах подъема и совершенствования производства, стабилизации экономического положения. В практическом плане изучение миграции, обоснование условий адаптации, является актуальным с точки зрения создания системы двойственного кон-

троля за последствиями этого процесса, охватывающего различные стороны жизни.

В общей структуре массовых передвижений, вызванных экономическими, социальными, международными противоречиями переходного периода, проблемы социально-экономической адаптации этнических мигрантов относятся к ключевым вопросам стабилизации общества. Чем выше уровень адаптации иноэтнических групп к новым условиям жизни, тем значительнее экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов для развития регионов и, наоборот, усиление конфликтогенного потенциала миграционных потоков на территориях въезда снижает уровень адаптации, деструктурирует региональный рынок труда и усиливает межэтническую напряженность.

Из числа этнических мигрантов во многих странах, в том числе и на территории Российской Федерации формируются диаспоры и иноэтнические группы. В научной географической литературе представлено

множество определений и сущностных характеристик данных дефиниций. В данной статье автор предлагает обоснование отличительных особенностей адаптации некоторых иноэтнических групп в доминирующем русском этносе. Здесь требуется пояснение. Речь идет об иноэтнических группах, а не о диаспорах. Суждения относительно трактовки категорий таковы: диаспоральные этносы – этнические структуры, большая часть которых сосредоточена внеавтохтонного ареала расселения в иной суперэтнической среде; иноэтническая группа – совокупность людей, обладающих единым стереотипом поведения, проживающих на определенной территории среди доминирующего этноса.

Проблемы адаптации представителей различных этносов и этнических групп в новой социально-экономической среде наиболее остро ощущаются в тех странах и регионах, где происходит резкая смена социально-политической и экономической обстановки; ярким подтверждением этому служат сегодняшние события в России и на всем постсоветском пространстве. Адаптация населения к новым условиям нередко сопровождается сломом прежнего образа жизни, образцов привычного поведения и межэтнических контактов. Это затрагивает все слои общества и справедливо для всех этнических общностей.

Успех иноэтнических групп в процессе освоения социально-экономических ниш в регионах события, активная и продуктивная конкуренция с местным сообществом за ресурсы являются фактом социальной действительности. При этом в большинстве стран, принимающих мигрантов, политика ассимиляции, или так называемого «плавильного котла», истощила себя, и мигранты демонстрируют достаточно высокий уровень этнического самосознания. Налицо их стремление создавать национальные общественные организации, требовать обеспечения условий для воспроизводства собственной национальной культуры, поддерживать контакт с родиной. Изучение этого объективно существующего влияния поможет лучше понять специфику и тенденции развития современного российского общества.

Наибольший интерес для автора представляют факторы, которые либо ускоряют, либо замедляют адаптацию. Они являются одной из движущих сил, которые опреде-

ляют нынешнюю трансформацию российского общества. За последние десятилетия в Россию прибывает огромное количество этнических мигрантов, из их числа формируются на ее территории различные иноэтнические группы.

В современных условиях мгновенного перемещения информации, капитала, значительных людских масс у иноэтнических групп появляются неограниченные возможности влияния на социально-экономические процессы. Некоторые транснациональные структуры, создаваемые иноэтническими группами с целью решения актуальных задач, стали важнейшим фактором экономической и политической жизни регионов. Поэтому изучение особенностей адаптации иноэтнических групп в качестве ячеек этих структур позволяет оптимизировать менеджмент в сфере межэтнических отношений.

Однако роль и место иноэтнических групп в общественной жизни российских регионов, несомненно, имеет свою специфику. Воронежская область, обладая собственным опытом принятия и адаптации представителей различных этносов на своей территории, не является исключением.

Важнейшим результатом стала полученная в ходе этносоциологических исследований новая информация об этнорегиональных особенностях процесса адаптации иноэтнических групп к меняющейся среде. Было выявлено, что условия адаптации, адаптационный потенциал у представителей различных этнических общностей, живущих на территории Воронежской области наряду с общими моментами, имеют заметную специфику.

По данным управления Федеральной миграционной службы по Воронежской области за период с 1989 по 2008 годы в область прибыло 36 589 человек представителей русского суперэтноса, 19 600 человек мусульманского суперэтноса, 17 294 – византийского суперэтноса, 5 090 человек представителей степного суперэтноса, 3 982 человека – представителей западного суперэтноса. Необходимо отметить, что указанных этносов, значительный приток составляют: башкиры, евреи, немцы (рис. 1).

Для выявления особенностей адаптации автором был использован социологический опрос представителей иноэтнических групп региона. В ходе опроса, во-первых, выясняются причины, побудившие этнических ми-

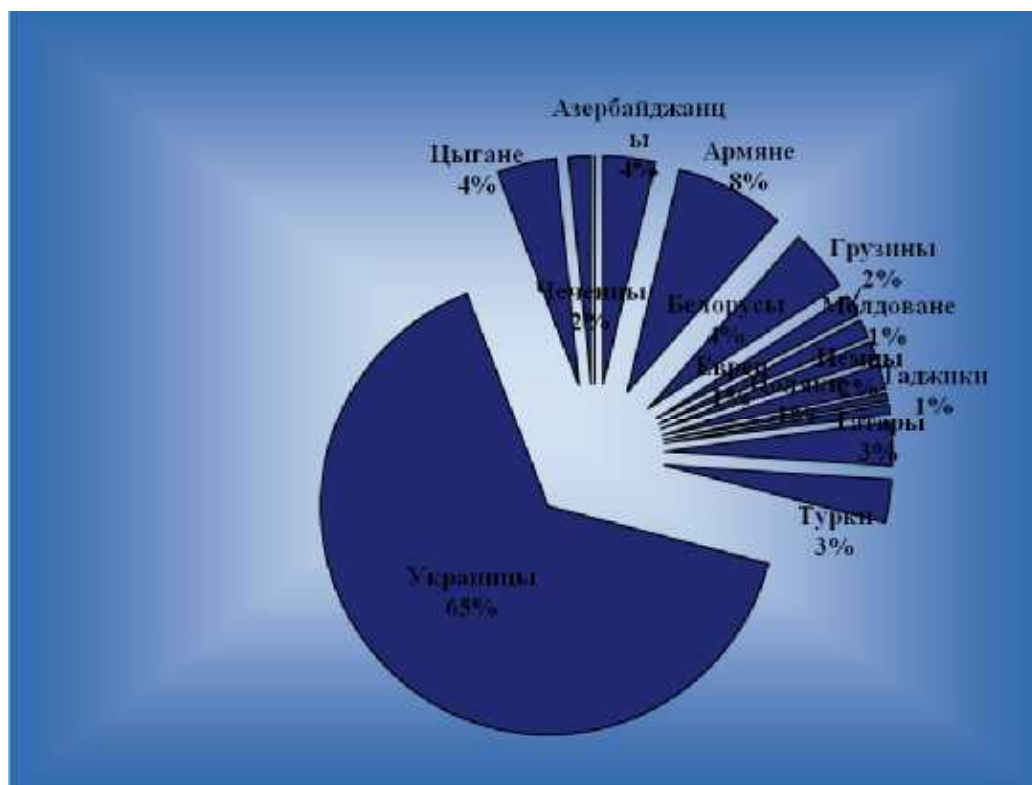

Рис. 1. Иноэтнические группы, проживающие на территории Воронежской области (по итогам переписи населения 2002 г.).

Составлено по материалам территориального органа государственной статистики по Воронежской области [3, 4].

грантов на приезд в РФ, в частности в Воронежскую область. Представители этносов покинули место своего постоянного проживания под давлением преимущественно вынужденных факторов (табл. 1).

Среди представленных иноэтнических групп в Воронежской области не наблюдается дифференциации причин выезда. Преимущественно все указали этнополитические факторы.

Основными факторами, влияющими на адаптацию иноэтнических групп в иных социально-экономических условиях, по мнению автора, являются: 1) особенности комплиментарности; 2) миграционная политика по отношению к новым этническим мигрантам и в целом отношение к ним со стороны органов власти; 3) возможности трудоустройства и самозанятости; 4) жилищное обустройство; 5) отношение с местным населением. Для выявления роли влияния данных факторов на адаптацию иноэтнических групп, требуется анализ трудоустройства, жилищного обустройства, взаимоотношения этнических групп с мест-

ным населением и с местными органами власти в пределах области.

Некоторые иноэтнические группы имеют более успешную социально-экономическую адаптацию, среди прочих. Об этом свидетельствуют конкретные информационные данные (табл. 2).

Данные табл. 2 говорят о том, что основная масса представителей этносов прибыла в Воронежскую область в трудоспособном возрасте, что значительно увеличило количество трудовых ресурсов области. Наиболее ранний возраст прибывших (до 30 лет) характерен для украинцев, грузин, таджиков, киргизов, узбеков. Наибольшее количество детей в семьях имеют представители мусульманского суперэтноса. Уровень ответственности за детей более многодетных семей может служить источником большей адаптивности этносов мусульманского суперэтноса в отличие от других иноэтнических групп в Воронежской области.

У представителей этносов возникают проблемы с организацией своего жилищного

Таблица 1

*Основные причины переселения, указанные этническими группами
в Воронежской области (процент опрошенных)*

Варианты ответов	Армяне	Грузины	Азербайджанцы	Чеченцы	Таджики	Узбеки	Киргизы	Казахи	Украинцы	Белорусы	Молдаване
I. Этнополитические факторы	84	73	72	93	91	74	73	89	84	87	74
1. Война	12	6	6	18	6	4	6	4	6	4	-
2. Проявление национализма	20	17	17	6	-	-	-	2	-	-	-
3. Страх за будущее детей	12	14	18	12	8	8	7	8	10	8	-
4. Межэтнические конфликты	5	4	5	3	1	6	-	1	2	2	2
5. Необходимость выбора гражданства	-	-	-	4	-	-	1	8	10	10	2
II. Экономические факторы	16	27	28	7	9	26	27	11	16	13	26
1. Плохая экономическая ситуация	8	12	6	4	-	-	8	3	6	3	-
2. Невозможность работать по специальности	4	4	6	-	-	1	1	1	-	-	-
3. Невозможность заниматься предпринимательством	1	4	4	-	1	1	-	-	-	-	-
4. Др. экономические факторы	1	-	-	-	-	1	-	1	1	-	-

Составлено автором на основе опроса респондентов

обустройства. Опрос респондентов показал, что многие арендуют жилье у частных лиц или живут у родственников, реже имеют собственное, государственное или служебное жилье (табл. 3). Жилищное обустройство в Воронежской области для всех иноэтнических групп является проблемным и может служить препятствием для их успешной адаптации. Тем не менее, лучшее положение занимают украинцы, азербайджанцы. Они имеют больший процент среди прочих, имеющих собственное жилье.

Объясняется это несколькими условиями. Украинцы благодаря богатым родственным связям получили собственное жилье по наследству или при помощи родственников. Азербайджанцы преимущественно занимаются предпринимательской деятельностью, обладают достаточно устойчивым финансовым положением, в связи с чем, они предпочитают приобретать собственное жилье.

Проблемы с данным адаптационным фактором испытывают представители мусульман-

ского суперэтноса, наихудшая ситуация у представителей западного суперэтноса – молдаван. Как правило, они не имеют тесных родственных связей в Воронежской области, не обладают достаточным капиталом для покупки жилья. Отличительным для узбеков, таджиков, киргизов, туркмен, молдаван является их трудоустройство в невысокооплачиваемых отраслях экономики области, что снижает возможность жилищного обустройства.

Еще одним адаптационным фактором выступает трудоустройство и занятость. Данные опроса (табл. 4) говорят о том, что иноэтнические группы имеют работу, безработных среди них меньше, чем занятых.

Отличительной чертой армян, азербайджанцев, грузин по сравнению с другими является потенциально более высокая предпринимательская активность. Данные Управления Федеральной миграционной службой и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области подтверж-

Таблица 2

*Социально-демографический состав иноэтнических групп Воронежской области
(процент опрошенных)*

Параметры	Армяне	Грузины	Азербайджанцы	Чеченцы	Таджики	Узбеки	Киргизы	Казахи	Украинцы	Белорусы	Молдаване
1. Возраст											
18-30 лет	10	9	8	2	10	8	10	5	17	18	2
30-60 лет	30	35	29	20	18	22	30	27	43	38	11
пенсионный	11	5	7	4	4	4	10	11	15	9	2
2. Имеют ли детей											
Да	84	56	87	85	90	78	68	75	75	89	81
Нет	11	12	15	6	2	5	10	8	8	10	5
3. Сколько детей											
0	5	9	8	10	12	8	8	5	7	15	2
1	12	17	11	10	22	12	12	12	13	22	10
2	24	24	28	26	38	30	30	24	28	35	28
3 и более	30	28	24	30	30	30	24	28	20	20	5
4. Образование											
Высшее	10	10	12	12	14	10	10	7	7	7	10
Незаконченное высшее	12	10	15	10	10	12	14	12	15	17	11
Средне профессиональное	38	40	29	38	42	40	35	20	66	52	38
Начальное	-	2	-	-	1	-	-	-	1	1	-

Составлено автором на основе опроса респондентов

дают, что большая часть членов иных этносов заняты в сельском хозяйстве, торговле и строительстве (табл. 5).

Следовательно, армяне, азербайджанцы и грузины в силу своих этнических предпринимательских способностей имеют возможность наилучшего трудоустройства, жилищного обустройства на территории области. Они отличаются более успешной адаптацией, в частности экономической. Более того, используя свой предпринимательский потенциал, представители византийского и мусульманского суперэтносов вытесняют в сфере торговли русских на рынках Воронежской области. Другие представители этносов готовы работать на любых условиях, чтобы

содержать себя и обеспечить свое обустройство в новых условиях, что отрицательно сказывается на успешности их адаптации.

Следующим фактором, влияющим на успешную адаптацию иноэтнических групп, является миграционная политика, которая проводится на территории расселения этносов, и отношением к ним местных органов власти. Отличительной особенностью иноэтнических групп на территории Воронежской области является то, что сформировались, главным образом, из числа вынужденных переселенцев и беженцев. Поэтому, государственные органы власти руководствуются только законами «О беженцах», «о вынужденных переселенцах», что явно не

Таблица 3

**Жилищное обустройство иноэтнических групп в Воронежской области
(процент опрошенных)**

Варианты ответов	Армяне	Грузины	Азербайджанцы	Чеченцы	Таджики	Узбеки	Киргизы	Казахи	Украинцы	Белорусы	Молдаване
Какое жилье занимают в Воронежской области											
1. Снимают жилье у частных лиц	35	38	46	38	32	29	32	31	29	38	29
2. Живут у родственников	20	16	9	27	19	27	19	21	20	19	15
3. Собственное жилье	15	25	34	8	7	6	6	14	21	10	9
4. Служебное	11	12	3	6	17	12	22	11	16	15	14
5. Живут у знакомых	17	9	8	21	24	22	20	19	13	22	18
6. Нет никакого жилья	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7. Не дали ответа	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Составлено автором на основе опроса респондентов

достаточно для оказания содействия в их адаптации [8, 9]. На сегодняшний день отсутствует региональная миграционная политика в области. Поскольку иноэтнические группы функционируют в доминирующем русском населении, необходима реализация продуманной миграционной политики, которая, с одной стороны, представит возможность быстрее адаптироваться новым этническим группам, но с другой стороны, обеспечить благоприятную межэтническую обстановку в области.

В современных условиях в регионе сложилось относительно благоприятное взаимодействие этносов с местными органами власти. Оно осуществляется посредством Воронежской региональной общественной организации «Ассамблея народов Воронежской области», а также Комитета и Комиссии по делам национальностей г. Воронеж и Воронежской области. Эти организации способствуют тесному взаимодействию этнических групп друг с другом, что улучшает их

адаптацию. Негативным моментом выступает недостаточное финансирование для жилищного обустройства мигрантов. Большую помощь в обустройстве прибывших в область этнических мигрантов оказывают переселенческие организации, например, «Хоко», а также этнические общины: «Хазар», «Рефах», «Вайнах», Среднеазиатская и др. Таким образом, отличительных особенностей среди иноэтнических групп в аспекте миграционной политики по отношению к ним, а также в целом отношения к представителям этносов со стороны органов власти не наблюдается.

Этнические контакты, как фактор адаптации, заявленный автором выше, во-первых, проявляется у разных этнических групп Воронежской области по-разному, во-вторых, значительно влияет на адаптацию. Так, белорусы, украинцы, молдаване имеют «положительную» комплиментарность по отношению к доминирующему населению области – русским. Л.Н. Гумилев определил комплиментарность «как

*Занятость иноэтнических групп в Воронежской области
(процент опрошенных)*

Варианты ответов	Армяне	Грузины	Азербайджанцы	Чеченцы	Таджики	Узбеки	Киргизы	Казахи	Украинцы	Белорусы	Молдаване
Безработные	6	5	3	10	2	3	6	4	7	6	8
Работа по найму постоянно	38	44	44	36	43	40	32	42	51	49	34
Работа по найму временно	28	26	15	20	21	28	24	21	24	21	42
Ведут собственное дело	17	14	26	4	5	3	8	5	1	-	1
Ведут домашнее хозяйство	5	4	3	28	19	22	19	21	5	8	7
На пенсии по возрасту	1	-	4	-	4	4	5	3	6	6	4
Учатся	4	3	5	21	6	3	6	4	6	5	4
Не дали ответа	1	4	-	1	-	-	-	-	-	4	-

Составлено автором на основе опроса респондентов

подсознательная взаимная симпатия особей» [2]. Русские имеют также «положительную» комплиментарность по отношению к данным народам. Большая часть украинцев, заселивших южные районы области еще с XVII в., практически полностью ассимилировались. Появился субэтнос «хохлы». Данные представители не вызывают межэтнической напряженности в регионе. Напротив, по отношению к русским, они, имея свои этнические особенности, культурно-хозяйственные навыки не только не мешают, а помогают титульному населению. Русские и другие представители российского суперэтноса в области имеют форму взаимопользовного существования. Современные мигранты из европейской части изначально достаточно адаптированы к новому месту переселения, поскольку выезжают из республик, ранее входивших в состав СССР [1, 5]. Помимо «положительной» комплиментарности эта адаптированность связана с достаточно хорошим знанием русского языка. Это условие при-

водит к отсутствию языкового барьера для интеграции в экономическую и культурную жизнь области. В регионе у значительного числа переселенцев проживают родственники, которые могут оказать бытовую помощь на начальном этапе переселения.

Адаптация представителей мусульманского, византийского, степенного суперэтносов проходит медленнее, преодолевая различные трудности. Во-первых, данные народы по отношению друг к другу и к русским имеют «отрицательную» комплиментарность. Данный факт в первую очередь приводит к затруднению интеграции в социально-экономических условиях Воронежской области. Во-вторых, контакты несовместимых этносов могут приводить на территории области к межэтническим конфликтам. Миграционные потоки армян, грузин, азербайджанцев, чеченцев 90-х годов отличаются от мотивов миграции этносов российского суперэтноса. Это проявилось в стрессовой миграции, вызванной межэтническими конфликтами: армяно-

*Состав иностранной рабочей силы по странам происхождения
и отраслям экономики в 2008 г. (человек)*

	Промыш- ленность	Сельское и лесное хозяйство	Строительство	Торговля и общественное питание	Прочие
Азербайджан	27	25	18	45	13
Армения	35	50	43	87	34
Грузия	4	15	5	10	14
Казахстан	8	45	12	9	14
Киргизия	6	59	4	8	10
Туркмения	1	20	5	4	10
Молдавия	35	614	86	8	19
Таджикистан	4	26	20	15	13
Узбекистан	94	85	46	50	2
Украина	110	630	252	43	14
Страны Балтии	-	-	-	2	14

Составлено по материалам территориального органа государственной статистики по Воронежской области, Федерального Управления миграционной службы по Воронежской области [4,7].

азербайджанским (1988), событиями в Сумгаити, Грузии, Узбекистане (1998). Мигранты данного потока относились к малообеспеченной категории населения. Прибывшие из «горячих точек» в экономическом плане слабо адаптировались к новым условиям жизни. В этом и заключается отличие адаптации первой волны прибывших. Вторая волна была связана с ухудшением экономического положения в странах-исхода. При этом в область переехала экономически сильная группа населения, обладающая финансовыми ресурсами для эффективной экономической деятельности на новом месте. Но это условие в некоторой степени негативно влияет на адаптацию. Мигранты, стремясь встроиться в систему торговли, малого и среднего предпринимательства в условиях трудоизбыточности, дефиците на рынке жилья, составляют конкуренцию русским, отчасти это условие провоцирует возникновение межнациональных конфликтов.

Некоторые представители степного и мусульманского суперэтносов имеют «нейтральную» комплиментарность по отношению к русским. Это проявляется в нейтральной форме проживания при сохранении своеобразия.

Выявленное отношение положительно влияет на адаптацию. Описанные виды комплиментарности определены автором на основе изучения особенностей этнического быта, традиций и обычаев народов.

Таким образом, адаптационные процессы среди иноэтнических групп на региональном уровне имеют как общие закономерности, так и специфические особенности, связанные с комплексом политических, экономических, социальных, юридических, культурных, межэтнических проблем. Новые этнические группы в Воронежской области образуются главным образом из числа вынужденных переселенцев и беженцев. Изучение процессов адаптации различных представителей этносов в области необходимо для оптимизации управления и контроля функционирования иноэтнических групп с учетом специфики региона и более полного удовлетворения интересов и потребностей как иноэтнических групп, так и доминирующего этноса. По средним показателям на территории обсуждаемого региона наиболее успешную адаптацию имеют грузины, азербайджанцы, армяне, украинцы. Прочие, из рассмотренных этнических групп, испыты-

вают трудности в адаптации. Эти положения очень важно знать и использовать местным органам власти для осуществления регулирования функционирования и адаптации иноэтнических групп на территории Воронежской области. На сегодняшний день в субъекте механизм регулирования не учитывает неравномерность в адаптации различ-

ных иноэтнических групп в условиях социально-экономической трансформации региона, что может вызвать конфликтные ситуации как между отдельными этническими группами, так и между русским населением и иноэтническими группами. В связи с этим возрастает возможность усиления межэтнической напряженности в регионе.

Библиографический список

1. Ртужов Э.В. Вынужденные переселенцы Воронежской области / Э.В. Ртужов, В.В. Подколзин [и др.] // Вестник Воронежского отделения Русского географического общества. – 1999. – Вып. 1. – Т. 1. – С. 31-34.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: ИРИС ПРЕСС, 2004. – 456 с.
3. Итоги Всероссийской переписи населения. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: НИЦ «Статистика России», 2004. – 874 с.
4. Итоги Всероссийской переписи населения. Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России». – Т. 1. – 2004. – 852 с.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М.: Госстатиздат, 1962. – 178 с.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. / Статсборник. – Т. 1. Численность населения. – М.: Госкомстатиздат. – 1980. – 146 с.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Статсборник. – Т. 1. Численность населения. – М.: Госкомстат. – 1991. – 157 с.
8. О беженцах: федер. закон от 28 июня 1997 г. №905-ФЗ // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. – 2001. – № 11. – С. 27.
9. О вынужденных переселенцах: федер. закон от 19 февраля 1993 г. № 4530-1-ФЗ // Ведомости Федер. Собр. Рос. Федерации. – 2001. – № 8. – С. 12.

О.А. Щербинина
(г. Москва)

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА РОССИИ: МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО¹

Shcherbinina O.A. (Moscow)

ARMENIAN DIASPORA OF RUSSIA:
MODELS OF INTEGRATION IN RECEIVING SOCIETY

Аннотация. В статье рассматриваются территориальные особенности положения армянской диаспоры России, с точки зрения процессов их расселения, адаптации в иноэтнической среде и степени интенсивности трансграничных связей. На основании социологического исследования, проведенного в Москве и Серпухове, автором отмечено, что вектор адаптационных процессов в этих городах один, хотя скорость их прохождения различна.

Abstract. The article deals with territorial peculiarities of the Armenian Diaspora in Russia, in terms of their resettlement, adaptation to alien ethnic environment and the degree of intensity of their cross-border links. The results of the sociological study conducted in Moscow and Serpukhov allows the author to point out, that vector of the adaptive processes is common in these two cities, although their speed is different.

Ключевые слова: армянская диаспора, адаптация, трансграничность, Москва, Серпухов.

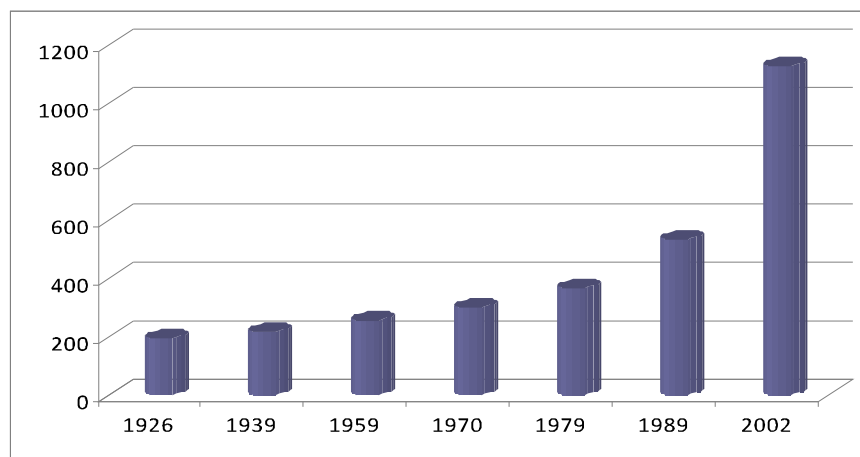
Key words: Armenian Diaspora, adaptation, cross-border activities, Moscow, Serpukhov.

Сегодня под армянской диаспорой мы понимаем общины армян, живущих вне Армении и Нагорного Карабаха. На сегодняшний

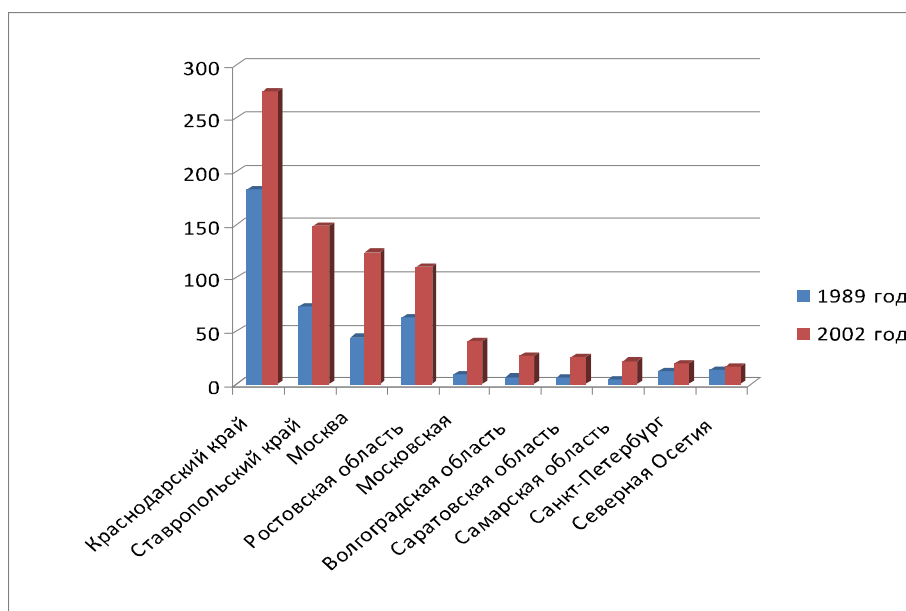
день самая большая армянская диаспора образовалась в России (1130 тыс. чел.)², что составляет около 12% общего числа армян

¹ Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ 09-06-00424-а «Стратегии адаптации внешних мигрантов в пограничных районах России»

² По данным Всероссийской переписи населения 2002 года с сайта <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

**Рис 1. Динамика численности армян в России, тыс. чел.
По данным переписей 1926–2002 гг.**

**Рис. 2. Динамика численности армян в 10 регионах - лидерах по количеству представителей данного народа за 1989–2002 гг., тыс. чел.
По данным переписей 1989, 2002 гг.**

мира, в то время как доля армян, проживающих на своей исторической родине, составляет всего 30% от их общей численности в мире. Широкое распространение армян по всему миру, а также особенности расселения их на территории России, связаны с долгой и сложной историей армянского народа, который испокон веков подвергался гонениям и насильственным переселениям.

Процесс интенсивного роста и организованного укрепления армянской диаспоры – новые явления для России. В 1989 году численность армян была более чем в два раза меньше, чем на сегодняшний день, и составляла 532,4 тысячи человек³. Причем большая часть армян обосновались в южных пределах страны. В последние годы, в связи с политическими событиями в Закавказье, а также с разрушительным

³ По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

землетрясением в Армении, численность армян в России значительно возросла, преимущественно за счет вынужденных мигрантов, в том числе беженцев.

В результате сейчас, все регионы РФ объединяет такой факт, как увеличение числа армян. Причем в некоторых регионах численность выросла в разы. Современный рисунок расселения армян по территории Российской Федерации крайне неравномерен. Подавляющее большинство армян проживает в европейской части государства. На 12 регионов с численностью армян более 10 тысяч в каждом приходится 74% всех армян России. Причем 24% проживает в Краснодарском крае, 13% в Ставропольском, 11% в Москве и 10% в Ростовской области. Всего на Северном Кавказе живет около 55% всех армян России⁴.

За годы, прошедшие после распада Советского Союза, в несколько раз вырос объем внешних миграций из бывших союзных республик, активно идут и процессы внутренних миграций, сопровождающиеся консолидацией различных этнических групп. Явное изменение национального состава, как всего государства, так и отдельных регионов вызывает массу недовольства у представителей коренного населения, в связи с чем наблюдается рост ксенофобии. Перспективы существования этнических групп в инонациональных средах еще далеко не осмыслены. Между тем эта проблема при интенсивности перемещения в Россию народов из других стран СНГ стала исключительно актуальной.

Роль мигрантов в принимающем обществе пока не имеет однозначной оценки. С одной стороны, массовый наплыв мигрантов, их активное взаимодействие и объединение может нести опасность в принимающее общество (угроза терроризма, геттоизация крупных городов). С другой стороны, в отсутствии приезжих остро встанет проблема нехватки рабочих рук.

На фоне неоднозначного отношения к мигрантам, интересно рассмотреть, как они чувствуют себя в иноэтническом обществе. В нашем исследовании мы обратили внимание на следующие вопросы:

Насколько сильны процессы ассимиляции? Какую роль в жизни национальных мень-

шинств играют процессы межэтнической идентификации? Какое влияние имеют трансграничные связи мигрантов со страной выхода на экономику принимающей страны, насколько они сильны?

Эти и некоторые другие вопросы было решено исследовать на примере армянской диаспоры России, как одной из крупнейших и сильнейших на сегодняшний день.

Целью исследования стало изучение территориальных особенностей и положения армянской диаспоры России, с точки зрения процессов их расселения и адаптации в иноэтнической среде, а также выявление степени интенсивности трансграничных связей армян с Арменией.

Эмпирическим материалом послужило социологическое исследование, проведенное автором в городах Москве и Серпухове в 2009 году. Предложенная респондентам анкета содержала 28 вопросов, касающихся социально-экономической адаптации мигрантов, их приспособленности к языковой среде принимающего общества, участия в общественной жизни. Ряд вопросов был направлен на выявление степени транснациональной активности мигрантов. Выборочная совокупность составила 75 человек.

В Москве было опрошено 55 армян. Из них 30 женщин в возрасте от 18 до 56 лет и 25 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет. В Серпухове респондентами стали 22 человека. Из них 14 женщин в возрасте от 20 до 48 лет и 8 мужчин в возрасте от 19 до 55 лет. Учитывая гомогенность группы, такая выборочная совокупность репрезентативна и позволяет судить о процессах, протекающих в армянских сообществах указанных городов.

Региональные и социально-экономические аспекты адаптации армян в принимающем обществе (на примере г. Москвы и г. Серпухова). Армяне, за всю историю своих насильственных переселений, а также миграций с целью создания и поддержания торговых и культурных отношений между Западом и Востоком, выработали способность к сравнительно быстрой и легкой адаптации в принимающем обществе. Безусловно, разные аспекты адаптации зависят, как и от характеристик самих мигрантов, так и от среды, в которую они попадают.

⁴ По данным Всероссийской переписи населения 2002 года с сайта <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Так, адаптация в Серпухове будет проходить в другом темпе, чем в Москве, что показывают результаты социологического опроса.

Социокультурная адаптация характеризуется целым рядом параметров. Можно выделить три основных базовых измерения ее: социально-психологическое, этнокультурное и социально-экономическое. Социально-психологическая адаптация характеризуется такими факторами, как степень выраженности этнической идентичности адаптантов, их психологическим состоянием и степенью удовлетворенности нынешними условиями жизни. Этнокультурная адаптация касается всех внешних следствий связи адаптантов с инокультурным окружением, включая их способность решать каждодневные проблемы. Социально-экономическая адаптация касается материального благосостояния в новой среде, а также профессиональной занятости.

Социально-психологическая адаптация. Прохождение социально-психологической адаптации в наибольшей мере зависит от самооощущения респондентов. В вопросе социально-психологической адаптации как армян-москвичей, так и серпуховчан, стоит отметить ряд противоречивых моментов. С одной стороны, этническая идентичность армян столицы в разы превосходит гражданскую. На вопрос «Кем Вы себя считаете в первую очередь: армянином, россиянином, москвичом и т.д.?» подавляющее большинство опрошенных ответило «армянином». Это значит, что большая часть адаптантов еще недостаточно приобщена к гражданской и этнокультурной общности россиян. Возможно, некоторые из них даже чувствуют некоторую этническую обособленность, хотя могут частично и сами культивировать ее, стремясь сохранить традиционные культурные черты и национальное самосознание. С другой стороны, более половины респондентов назвали своим домом Москву. Эта часть респондентов уже близка по духу к российской (в данном случае к московской) культуре. Такое положение вещей свидетельствует о том, что процессы межнациональной идентификации, а также интеграции армян столицы являются все-таки доминирующими.

Об успешном ходе адаптации говорит и то, что большинство респондентов довольны своей работой. Они удовлетворены своей

жизнью, о чем говорят их ответы на вопрос о волнующих проблемах. Большая часть респондентов называли обычные для современного общества проблемы, на первом месте среди которых стоял Мировой финансовый кризис, а также бытовые проблемы. Какие-либо проблемы, связанные с межнациональными конфликтами, дискомфортом окружающей иноэтнической среды и пр. не были упомянуты. «Замужество, здоровье мамы, племянник идет в школу» (женщина, 22 года, парикмахер, проживает в Москве 5-10 лет), «работа моя и мужа, здоровье детей» (женщина, 42 года, совладелица турагентства, в Москве проживает 5-10 лет), «благополучие родственников, здоровье брата» (женщина, 35 лет, домохозяйка, в Москве проживает более 10 лет), – некоторые варианты ответов женщин-респонденток на вопрос «Какие проблемы волнуют Вас в настоящее время больше всего?». В качестве примера типичного ответа мужчины-респондента на вышеуказанный вопрос можно привести следующий: «Меня волнует нестабильность экономики, непредсказуемость дальнейших обстоятельств, связанных с кризисом, его влияние на мою работу и будущее моей семьи» (мужчина, 35 лет, частный предприниматель, в Москве проживает более 10 лет).

Как и в Москве, у подавляющего большинства респондентов-серпуховчан этническая идентичность сильно превосходит гражданскую. Одновременно с этим, в отличие от московских респондентов, большая часть опрошенных не считает своим домом город, в котором проживает. Вышесказанное свидетельствует о том, что связь респондентов с Родиной сильнее, чем в Москве, а также о том, что процессы межнациональной идентификации, а также интеграции армян Серпухова идут более медленными темпами, чем в столице. В пользу этого говорят и те проблемы, которые назывались опрошенными. Более частое упоминание проблем националистических отношений, недостаток образования, а также проблемы поиска жилья – все это подтверждает незавершенность адаптационных процессов в данном обществе.

«Волнуют националистические отношения со стороны РФ, признание геноцида армян. Хочется, чтобы Союз армян России стал более влиятельной организацией» (женщина, 32 года, косметолог, проживает в Серпухове более 10 лет).

«Волнует не всегда хорошее отношение на почве нацизма» (мужчина, 27 лет, нотариус, проживает в Серпухове более 10 лет).

Тем не менее, есть и фактор, который говорит об успешном ходе адаптации респондентов: большая часть респондентов довольны своей работой.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что социально-психологическую адаптацию успешнее проходят армяне-москвичи, чем серпуховчане.

Этнокультурная адаптация. Говоря об этнокультурной адаптации, необходимо отметить, что московские армяне достаточно активно вовлечены в общественную жизнь. Основой для этого можно считать успешное овладение русским языком, использование его во всех сферах жизни (практически все респонденты считают, что владеют русским языком свободно). Абсолютно все респонденты регулярно общаются с представителями других национальностей и имеют среди них друзей (в том числе и русских). Никто из опрошенных не избегает возможностей таких контактов, что говорит о нацеленности на активное взаимодействие с принимающим столичным обществом, а также на полноценное и полноправное включение в него.

«Не хватит строчек перечислять национальности всех моих друзей...» (мужчина, 20 лет, студент, проживает в Москве с рождения).

Но также армяне Москвы не теряют полностью культурной связи с Арменией. Они неплохо владеют родным языком, хотя с увеличением времени пребывания в России знания языка несколько снижаются, что является неизбежным процессом (по собственной оценке менее половины респондентов полностью владеют армянским языком). Скорее обратный процесс говорил бы о намеренной обособленности национального меньшинства.

Деятельность общественных организаций наиболее интересна для молодежи. При этом наибольшей популярностью пользуются культурно-массовые мероприятия.

Общественные организации (САР и другие) широко известны, но участие в их деятельности принимает малая часть опрошенных.

Армяне Серпухова, как и московские армяне, активно участвуют в общественной жизни. Практически все респонденты хорошо овладели русским языком и используют его не только на работе, но и в домашней об-

становке. Большинство регулярно общается с представителями других национальностей. Русских друзей имеет более 80% респондентов. Можно говорить о нацеленности армян Серпухова на межнациональное общение, а также на взаимодействие и полноправное включение в принимающее общество.

С другой стороны, культурная связь с Арменией прослеживается через знание респондентами родного языка. Уровень владения армянским языком здесь выше, чем в Москве (свободно владеют им по собственным оценкам около 2/3 опрошенных). Также он чаще используется в домашнем общении. Около половины респондентов-серпуховчан говорят дома только на армянском, в то время как только треть москвичей использует в домашней обстановке исключительно родной язык.

Если говорить об участии в деятельности общественных организаций, то можно отметить более высокий интерес респондентов не к культурно-массовым мероприятиям, а к работе Союза армян России. Возможно, при наличии в городе большего числа армянских образовательных учреждений и культурно-просветительских центров, активность респондентов была бы еще выше.

Что касается данного аспекта адаптации, то можно отметить, что как московские армяне, так и армяне из Серпухова достаточно активно вовлечены в общественную жизнь. Основой для этого можно считать успешное овладение русским языком, использование его во всех сферах жизни, регулярное общение с представителями других национальностей, нацеленности на активное взаимодействие с принимающим обществом.

Одновременно с этим, респонденты не теряют полностью культурной связи с Арменией. Они неплохо владеют родным языком (лучше в Серпухове, чем в столице), хотя с увеличением времени пребывания в России знания языка несколько снижаются, что является неизбежным процессом (такая ситуация больше характерна для Москвы).

Социально-экономическая адаптация. Наибольшая зависимость от среды наблюдается при характеристике такого аспекта социокультурной адаптации как социально-экономическая адаптация. Наличие рабочих мест, возможности для создания собственного бизнеса, уровень доходов и уровень без-

работицы – те факторы, которые сильно различаются от субъекта к субъекту.

Социально-экономическое положение армян, по их оценкам, в Москве стабильно-хорошее, а уровень их социально-экономической адаптации высокий. Среди опрошенных практически не было безработных, а работающие преимущественно устроены на высококвалифицированных должностях в сфере здравоохранения, образования, управления. Велика доля индивидуального предпринимательства (половина респондентов-мужчин и часть женщин). Такая занятость обеспечивает армянам Москвы довольно высокие доходы и, соответственно, уровень жизни.

Отдельно стоит отметить, что высокая доля работающих женщин (сопоставима с долей работающих мужчин) свидетельствует о высокой степени адаптированности в принимающее общество, так как подобная ситуация не характерна для исторически-сложившегося типа семейных отношений в Армении.

Социально-экономическое положение армян в Серпухове можно назвать стабильным, а уровень их социально-экономической адаптации средним. Среди опрошенных не было безработных, но многие работающие заняты в сфере обслуживания, а не на высококвалифицированных областях, как это было зафиксировано в Москве. Опрос показал незначительную разницу между территориями в развитии бизнеса, что можно объяснить наличием клановых структур. В Москве армянский бизнес может развиваться более активными темпами из-за большего количества армян в столице, а, следовательно, более развитой сети этих структур.

Отметим, что доля работающих женщин среди опрошенных в Серпухове сопоставима с долей работающих мужчин, как и в Москве.

В ходе исследования автором был сделан вывод о том, что на данном этапе армяне Москвы и Серпухова нацелены, с одной стороны, на поддержание тесных связей с диаспорой, а с другой, на активное взаимодействие с принимающим обществом, на полноправное включение в него. В перспективе, скорее всего, будет наблюдаться дальнейший рост межэтнической идентификации армянского населения обоих российских городов с переходом к последую-

щей интеграции. Хотя эти процессы не могут проходить равномерно, так как в любом обществе существуют заметные внутренние различия. Так, в Москве все интеграционные процессы проходят быстрее, чем в Серпухове. Это связано в первую и с такими факторами, как более низкий уровень жизни респондентов-серпуховчан, более частые конфликты на националистической почве в Серпухове и другими. Современное полиэтническое российское общество переживает период глубинной всесторонней трансформации, находящейся под влиянием различных социальных факторов. Этот процесс не может проходить равномерно на всей территории.

Что касается ассимиляции, то, как и предполагалось, армяне не склонны к ней. Незначительные предпосылки к этому процессу отмечены в столице (недостаточное внимание к изучению армянского языка молодым поколением), но это компенсируется таким фактором, как национальное самосознание, а также стремление молодежи к участию в различных мероприятиях, устраиваемых армянами и для армян.

Отдельно стоит отметить, что дифференцировать людей по национальности в столице или любом другом городе крайне опасно, так как может породить угрозу внутри столичной этнической классификации, что потенциально таит угрозу межнациональных конфликтов.

Факторы развития транснациональных связей армян. Региональные закономерности.

Трансграничное поведение мигрантов зависит от таких факторов, как их адаптация, самоощущение, а также от возможностей для осуществления различных трансграничных контактов.

В последнее десятилетие наблюдается рост потока денежных средств мигрантов из принимающих стран. Армения в 2006 году стояла на 12 месте среди стран - реципиентов денежных переводов мигрантов. Доля в ВВП Армении переводов составила в 2006 году 18%⁵. Одновременно с этим растут и другие формы проявления транснациональной активности мигрантов.

Среди причин назовем следующие: рост заработков мигрантов, как впрочем, и всего

⁵ По данным Development Prospects Group <http://siteresources.worldbank.org/>

работающего населения России, различия в социально-экономическом положении Армении и России. Важным фактором, определяющим трансграничное поведение мигрантов, является характеристика их самих, которая включает ряд показателей (уровень образования и занятости, финансовая ситуация, самоопределение и т.д.).

В ходе исследования было выявлено, что, как и в случае с ответами респондентов в Москве, так и в случае с ответами серпуховчан, наблюдается ситуация, когда нельзя дать однозначную оценку дальнейшего развития трансграничных связей. Трансграничное поведение мигрантов, создание, закрепление и развитие трансграничных связей – сложные процессы, зависящие от множества взаимосвязанных и взаимодополняющих факторов.

Помимо значительных различий в уровне заработной платы двух стран, доступности формальных надежных каналов денежных переводов, а также высокой доли желающих вернуться в Армению в обоих городах, в пользу увеличения или поддержания трансграничных связей армян-москвичей со страной выхода говорит и достаточно высокий уровень их благосостояния. Если говорить о Серпухове, то «за» рост трансграничной деятельности говорит довольно высокий процент респондентов, считающих своим домом Армению.

Ряд положений говорит о возможном снижении активности респондентов в их трансграничной деятельности. Во-первых, подавляющее большинство опрошенных хочет, чтобы их дети жили в Москве, Серпухове или России в целом. Во-вторых, больше половины респондентов считают Россию наиболее перспективной с экономической точки зрения страной.

«Россия – страна больших возможностей» (женщина, 24 года, сотрудник гос. организации, проживает в Москве с рождения)

«В России больше перспектив и больше шансов найти достойную работу, открыть свой бизнес» (мужчина, 38 лет, ювелир, проживает в Москве 5–10 лет)

«Россия – могучая страна» (женщина, 48 лет, продавец, проживает в Серпухове более 10 лет)

В-третьих, достаточно высока степень интеграции респондентов в принимающее общество.

Против роста трансграничной деятельности армян Москвы говорит восприятие большей части респондентов столицы в качестве своего дома. Что касается серпуховских армян, то не слишком высокий уровень их благосостояния не позволит осуществлять денежные переводы в больших размерах, а также часто ездить в гости на историческую родину.

Респонденты из Москвы несколько более активны в своей трансграничной деятельности. Но, тем не менее, по результатам опроса в Серпухове выяснилось, что в таком проявлении трансграничной активности, как торговля и занятость в бизнесе, серпуховчане находятся на одном уровне с респондентами-москвичами.

Что касается трансфертов, а также туризма как проявления трансграничной деятельности, то превышение доли респондентов из Москвы, принимающих участие в данных видах деятельности, над респондентами из Серпухова, скорее всего, объясняется более высоким уровнем доходов в столице. Трансферты осуществляет около трети респондентов из Москвы и менее четверти серпуховчан. Туристическую деятельность осуществляет половина москвичей и менее трети респондентов из Серпухова.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно предположить, что трансграничные связи армян Москвы и Серпухова все еще очень сильны, но не будут усиливаться в ближайшие годы. Точно так же не будет наблюдаться и снижения трансграничной активности респондентов. Также не будет наблюдаться значительной разницы в степени активности трансграничной деятельности между армянами двух городов.

Армяне успешно адаптируются к жизни в российском полиэтническом обществе. Они активно участвуют в общественной жизни этого общества. За счет исторически обусловленного высокого уровня национального самосознания, армяне не ассимилировались за время их проживания в России.

Вектор адаптационных процессов один в двух изучаемых городах, хотя скорость их прохождения различна.

Трансграничная деятельность мигрантов в двух исследованных городах скорее всего не претерпит существенных изменений в ближайшие годы. На сегодняшний день трансграничные связи представителей ар-

мянской диаспоры в Москве и Серпухове очень сильны, но не будут усиливаться в ближайшие годы. Точно так же не будет наблюдаться и заметного снижения трансгранич-

ной активности респондентов. Кроме того было выявлено, что разница в степени активности трансграничной деятельности между армянами двух городов незначительна.

Библиографический список

1. Ёрутюнян Ю.В. О потенциале межнациональной интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. – 2005. – № 1.
2. Вллев Социально-профессиональная стратификация как фактор языкового поведения в полиэтническом регионе // Социологические исследования. – 2003. – № 12.
3. Ведяшкин М.И. Социология транснациональности: Учеб. пособие/Моск. гос. ун-т печати. – М.: МГУП, 2005.
4. Вендин О.И. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? – М., 2005.
5. Глуценко Г.И. Миграция и развитие: мировые тенденции // Вопросы статистики. – 2008. – № 2.
6. Зайончковская Ж.И. Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии // Социологические исследования. – 1998. – № 6.
7. Мильков В.К. Москва – многокультурный мегаполис. – М., 2004.
8. Материалы по этнической географии России / Под ред. Хорев Б.С. – М., 2001.
9. Силев Н., Громов И. Другие в большом городе // Эксперт. – 28 августа – 2006.
10. Тер-Саркисянц И.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала 19 века. – М., 2005.
11. Тишков В.И. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной этнополитологии. – М., «Наша», 2003.
12. Щедрин О.В. Возможен ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. – 2004. – № 11.

З.В. Лысенкова
(г. Смоленск)

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЯ)

Lysenkova Z.V. (Smolensk)

THE PECULIARITIES OF THE REGIONAL SYSTEM OF THE NATURE MANAGEMENT IN THE ALTAI REGION

Аннотация. В статье рассмотрены особенности становления и развития региональной системы природопользования (на примере Алтая). Выделены этапы развития данной системы, а также охарактеризованы ее центры.

Abstract. The article explores some peculiarities of the regional nature management system in Altai. It also reveals the stages of this system development and describes the types of the regional nature management.

Ключевые слова: Алтай, система природопользования, развитие, центры системы.

Key words: Altai, nature management system, development, centers of system.

Особенности взаимодействия природы, населения и хозяйства могут быть изучены с точки зрения формирования и развития регионального природопользования. Рассмотрение природопользования как системы становится, начиная с 1970-х гг., характерной чертой географических работ различной тематики. Одно из первых развернутых опре-

делений системы природопользования (ПП) принадлежит Б.В. Пояркову (11), который данную систему определяет как сочетание на конкретной территории нескольких типов природопользования. Системы природопользования рассматриваются через призму их структуры – отраслевой (14; 7), территориальной (в том числе, ресурсно-экологической) (2),

в контексте освоения территории и изучения культурных ландшафтов (5; 6), в качестве особого класса географических систем (9).

Развитие самих систем ПП, на изучении которых фактически выстраивается познание регионального природопользования, связано с такими факторами, как природные условия, сочетание ресурсов, географическое положение и история освоения территории (1). В качестве внутренних условий для формирования системы ПП могут быть названы совокупность ландшафтов и население территории, в пределах которой развивается природопользование. Свойственные региону ландшафты (как природные, так и антропогенно модифицированные) и их ресурсный потенциал влияют на формирование отраслевой структуры хозяйственной деятельности населения, а также формы и способы осуществления последней. Это обстоятельство позволяет рассматривать систему природопользования как результат преимущественно целенаправленной хозяйственной деятельности населения конкретной территории в условиях характерных для нее современных ландшафтов. Изучение истории освоения региона дает возможность понять логику становления и развития региональной системы природопользования. Некоторые особенности данной системы рассмотрены ниже на примере Алтая (Республики Алтай).

Освоение человеком территории Алтая имеет длительную историю, давние события которой восстанавливаются в ходе археологических исследований. В наших исследованиях основное внимание уделено освоению природно-ресурсного потенциала региона со времени обоснования на Алтае русских переселенцев, т.е. с конца XVII в. Нами выделены следующие этапы освоения ландшафтов и формирования системы природопользования: 1) конец XVII в. – начало XIX в., 2) начало XIX в. – 1860-е гг., 3) 1860-е гг. – 1917 г., 4) 1917 г. – начало 1990-х гг., 5) начало 1990-х гг. – продолжается в настоящее время.

Основные события первого этапа (конец XVII в. – начало XIX в.) связаны с образованием первых русских поселений и обособлением двух этнических систем природопользования – «алтайской» (промыслово-скотоводческой) и «русской» (промыслово-земледельческой). Для каждой из систем природопользования были характерны ландшафты преимущественного освоения: для «алтайской» – все типы продук-

тивных ландшафтов (от степных до высокогорно-луговых и тундровых), пригодных для выпаса скота и промыслов (охоты и собирательства), для «русской» – степные, лесостепные и лесные низко- и среднегорные ландшафты, локализованные в юго-западной и северной частях региона.

Ландшафтная специфика обусловила разную сезонную активность использования природных ресурсов в каждой системе, а традиции ведения хозяйства – и характер (тип) природопользования. «Алтайской» системе было присуще экстенсивное природопользование, «русской» – в целом интенсивное, что объясняется трудоемкостью земледельческого освоения горных ландшафтов. Для ландшафтной структуры региона характерно доминирование природных (условно-коренных) геосистем, которое отражало сложившийся на то время природно-антропогенный режим.

Второй этап (начало XIX в. – середина 1860-х гг.) обозначился продолжением миграционного притока населения и значительным расширением границ русского расселения, прежде всего, за счет освоения низкогорно-среднегорных ландшафтов центральной части региона. Этому способствовало создание православных миссий, которые становились новыми центрами «русской» системы природопользования, становящейся все более многоотраслевой (за счет активного развития животноводства и лесопользования). Ее пространственные границы также расширились, в том числе, в результате продвижения животноводства в высокогорные ландшафты с их кормовыми ресурсами. Экспансия «русской» СПП привела к ее пространственному пересечению с «алтайской» системой природопользования, что выразилось в активном использовании одних и тех же ландшафтов и наметившемся дефиците удобных земель для, главным образом, сельскохозяйственной деятельности. Следствием этого «пересечения» стал значительный рост различных видов антропогенных нагрузок на многие продуктивные (степные, лесостепные, лесные) низкогорно-среднегорные геокомплексы крупных речных долин, котловин, склонов в левобережной части бассейна Катуня, а также междуречья Катуня и Бии. Общая тенденция этапа – увеличение доли антропо-

погенно модифицированных ландшафтов в указанных частях региона при некоторой ее стабилизации в Восточном и Юго-Восточном Алтае.

Выделение третьего этапа (середина 1860-х гг. – 1917 г.) обусловлено тем, что именно в это время были заложены законодательные и организационные основы формирования и развития системы природопользования в масштабах всего региона. Эти основы отразили возрастание интереса к Алтаю со стороны других регионов страны и повлияли на консолидацию функционально мало связанных друг с другом «русской промыслово-лесо-сельскохозяйственной» и «алтайской промыслово-скотоводческой» системами природопользования.

Начало этапа связано с официальным открытием Алтая (с 1865 г.) для массового переселения крестьян из центральных и других губерний страны. Миграция приобретает организованный характер, быстрыми темпами растет численность населения (за 30 лет – почти в два раза, т.е. до 44,9 тыс. человек в 1897 г.), в том числе за счет притока мигрантов, начинается переход к расселению населения в постоянных населенных пунктах (к концу XIX в. примерно 50% жителей региона сосредоточено в таких поселениях) (4). В природопользовании вовлекаются новые ландшафты, наиболее активно – в бассейне Бии, северной и западной частях региона, а также высокогорные геоконплексы в связи с развитием животноводства. Наряду с сохранением экстенсивного характера природопользования происходит дальнейшее «уплотнение» сельскохозяйственной деятельности в долинных и котловинных ландшафтах и нарастание ее интенсивности. Продолжается усиление антропогенных нагрузок, в том числе в высокогорье. Основными экологическими проблемами становятся антропогенно обусловленные активизация почвенной эрозии в сельскохозяйственных угодьях и снижение продуктивности пастбищ, что приводит к учащению конфликтов в природопользовании и развитию поддерживаемой на законодательном уровне природоохранной деятельности как способу сохранения ресурсов (прежде всего, лесных) от истощения.

На этом этапе в региональной системе природопользования, сохраняющей свою этническую специфику, происходят следующие важные события: 1) начинается перевод

кочевого населения к оседлому образу жизни; 2) появляются такие новые виды деятельности, как охрана природы и рекреационное природопользование, в дальнейшем во многом определившие специфику освоения ландшафтов Алтая.

Четвертый этап (советский) в развитии регионального природопользования и связанных с ним современных ландшафтов выделяется с 1917 г. по начало 1990-х гг. Первая треть этапа характеризуется завершением перехода от кочевого экстенсивного животноводства к его более интенсивным формам, что сопровождается соответствующими изменениями в расселении населения, прежде всего, в Восточном и Юго-Восточном Алтае, и перераспределением пастбищных нагрузок между разными видами ландшафтов. В результате преобразований в животноводстве были инициированы процессы опустынивания в ландшафтах высокогорных котловин Восточного и Юго-Восточного Алтая – частей региона, по комплексу природных условий приравненных к районам Крайнего Севера.

Темпы преобразования ландшафтной структуры региона особенно возросли в 1950–1970-е гг. за счет активного развития сельского и лесного хозяйства, проходившего под влиянием внешних социально-экономических факторов.

Можно было бы констатировать повторение ситуации предыдущего этапа, но на другом качественном уровне. В это время происходит становление рекреационного природопользования, дальнейшее развитие которого обращает внимание на прежде практически исключенные из поля зрения хозяйственной деятельности природные комплексы – высокогорные гляциально-нивальные и непосредственно примыкающие к ним. Массовый интерес туристов к отдыху в аттрактивных природных условиях расширил пространственные границы региональной системы природопользования, одновременно усилив антропогенную модификацию названных выше ландшафтов, особенно в пределах таких хребтов, как Катунский, Северо-Чуйский и Южно-Чуйский, Шапшальский, Теректинский и др.

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в России в 1990-х гг., создают предпосылки для дальнейших изменений

современных ландшафтов Алтая. Новые для страны в целом и Алтая в частности не только социально-экономические, но и геополитические условия позволяют 1990-е гг. рассматривать в качестве начала следующего, пятого (постсоветского) этапа развития региональной системы природопользования. Сложное положение в сельском хозяйстве привело к устойчивому сокращению поголовья всех видов сельскохозяйственных животных, а также площадей пахотных угодий (13); последнее особенно характерно для среднегорных ландшафтов. Активные лесопользование и рекреационное природопользование начинают серьезно конкурировать друг с другом за использование одних и тех же ландшафтов, что отчетливо проявляется в низкогорном и среднегорном ярусах Северного, Северо-Восточного, Центрального Алтая. Уже неоднократно отмечавшаяся в регионе ситуация дефицита определенных ландшафтов как интегрального ресурса природопользования повторяется снова. В этих условиях вопросы охраны природы становятся особо актуальными для всех типов ландшафтов. Включение в 1998 г. Алтайского и Катунского заповедников, природного парка «Белуха» и зоны покоя «Укок» в Список объектов всемирного природного наследия явилось новым шагом развития на Алтае системы природопользования, в том числе охраны природы.

Таким образом, можно констатировать:

- 1) каждый этап характеризуется усилением действия внешних факторов в освоении ландшафтов, в том числе развитии природопользования в регионе, что отражает устойчивый интерес к Алтаю;
- 2) в результате преломления действия внешних факторов местными условиями происходит усиление неравномерности в распределении антропогенных нагрузок;
- 3) современная региональная система природопользования Алтая – закономерный результат событий предыдущих этапов в целом экстенсивного характера освоения региона;
- 4) история освоения ландшафтов региона показывает, что с течением времени происходит усиление зависимости удовлетворения внешнего спроса на ресурсы региона от состояния его современных ландшафтов и особенностей развития природопользования;
- 5) возможности экстенсивного развития регионального природопользования практи-

чески исчерпаны, что можно рассматривать как положительный внутренний фактор, стимулирующий поиск новых подходов к использованию ресурсов региона (экстенсивный характер развития региональной природопользования не соответствует интересам региона). В целом, развитие системы природопользования Алтая происходит по схеме «вызов – ответ», соответствуя, по выражению А.И. Трейвиша (12), внутренним импульсам и отвечая на внешние вызовы.

Формирование и развитие региональной системы природопользования сопровождается обособлением ее центров, выполняющих различные функции в осуществлении использования природных ресурсов. Выделение центров системы природопользования происходит под влиянием таких факторов, как природно-ресурсный, расселенческий и географического положения.

Данные факторы, как показывает в целом история освоения Алтая, в том числе и те этапы формирования системы регионального природопользования, которые были охарактеризованы выше, сохраняют свое «центрообразующее» значение в ходе всего процесса освоения территории.

Центры системы природопользования можно отнести к следующим трем типам:

- 1) ландшафтно-ресурсные – места (ландшафты) локализации (сосредоточения) ресурсов, на основе которых происходит развитие природопользования;
- 2) ресурсно-поселенческие – места совмещения и концентрации ресурсов, и населения, использующего эти ресурсы;
- 3) поселенческие – населенные пункты, из которых осуществляется управление природопользованием.

Центры системы ПП часто представлены ареалами разной размерности, что обусловлено ландшафтно-ресурсной основой данной системы.

Особое значение в обособлении центров системы ПП имеет понятие природных ресурсов, к которым все чаще относят средо- и ресурсоформирующие функции ландшафтов (3).

Ландшафтно-ресурсные центры региональной системы природопользования в значительной степени определяют его отраслевую структуру и характеризуются наибольшей инертностью (устойчивостью) своего пространственного размещения. Для Алтая такие центры связаны с разны-

ми типами продуктивных ландшафтов (степных, таежных, тундровых и высокогорно-луговых), обеспечивающих развитие традиционных для региона животноводства, лесопользования и промыслового природопользования.

Развитие природоохранного и рекреационных направлений в современном природопользовании, особенно горных регионов, позволяет рассматривать особо охраняемые природные территории (ООПТ) как своеобразные центры систем природопользования.

В данном случае речь, прежде всего, идет о национальных парках и биосферных заповедниках, в пределах которых и в контакте с которыми развивается сопутствующая охране природы рекреационная, научно-исследовательская, образовательно-просветительская деятельность, создается соответствующая инфраструктура.

На Алтае в качестве ландшафтно-ресурсных центров с особой ролью средоформирующих (экологических) ресурсов выделяются, прежде всего, Алтайский и Катунский биосферные заповедники. Экологические ресурсы данных ООПТ «работают» на увеличение природно-ресурсного потенциала не только этого горного региона, но и связанных с ним других территорий, а также на сохранение критического природного капитала, т.е. необходимых для жизни природных благ, которые невозможно заменить искусственным путем и потому необходимо сохранять при любых условиях (10). В зависимости от специфики (природной, историко-культурной и т.д.) региона ООПТ могут быть отнесены как ландшафтно-ресурсному, так и ресурсно-поселенческому типам центров системы регионального природопользования.

В качестве центров ресурсно-поселенческого типа нами выделяются ландшафты наиболее плотно заселенных котловин и речных долин. «Центральная» функция таких ландшафтов обусловлена их обеспеченностью ресурсами и / или выгодным геоположением, включающим в себя и такой аспект, как близость центров к местам концентрации значимых ресурсов. На Алтае центрами данного типа являются Чуйская, Уймонская, Улаганская и Канская котловины с размещенными в их пределах населенными пунктами различной людности. Концентрация населения в котловинах связана с их обеспе-

ченностью таким дефицитным ресурсом в горах, как горизонтальные поверхности, которые, в случае дополнения соответствующими агроклиматическими ресурсами, способствуют становлению котловин региональными фокусами сельскохозяйственного природопользования. Кроме того, котловины представляют собой естественные плацдармы для продвижения хозяйственной деятельности вглубь горных территорий. Современный этап развития природопользования на Алтае демонстрирует усиление перераспределительной функции котловин, которые, утрачивая свое сельскохозяйственное значение, превращаются в своеобразные перевалочные базы для потоков туристов, следующих по различным горным маршрутам. Выполнение данной функции котловинами Алтая, как и других горных регионов юга Сибири, в значительной степени обусловлено «нанизанностью» многих котловин на долины крупных рек, исторически являющиеся главными транспортными, в том числе транзитными, коридорами. В настоящее время названные котловины, несмотря на длительную историю их освоения, продолжают оставаться центрами ресурсно-поселенческого типа в регионе, фактически не имея себе альтернативы.

Населенные пункты в горных регионах всегда возникают в связи с конкретным природным ресурсом или их сочетаниями. Превращение же поселений в центры локального и более высоких уровней расселения населения и природопользования свидетельствуют об обладании этими поселениями ведущим в данных месте и времени ресурсом. Как показывают результаты нашего изучения топонимической системы Алтая (8), уже со второй половины XIX в. в регионе все чаще таким ресурсом (фактором) становится выгодное геоположение, особенно транспортное. Наиболее яркими примерами центров поселенческого типа в региональной системе природопользования являются столица (г. Горно-Алтайск) и центры административных районов республики. Подавляющее большинство из этих наиболее крупных сельских поселений Алтая, за исключением Улагана, Чои и Турочака, тяготеет к главным дорогам региона. Центры поселенческого типа, в отличие от двух предыдущих случаев, характеризуются отчетливо выраженной иерархией и большей подверженностью к

трансформации их статуса центра того или иного ранга. Последнее обстоятельство связано не только с изменениями уровня освоённости территории, но и людности населённых пунктов.

Таким образом, по мере развития региональной системы природопользования происходит обособление разных типов ее центров с присущими им (типам) особенностями пространственно-временной локализации. Первичными по времени своего выделения являются ландшафтно-ресурсные центры, специфика которых в немалой степени определяет характер освоения и заселения терри-

тории. Наличие центров разных типов свидетельствует о неоднородности системы ПП, что, в числе прочего, связано с неравномерностью размещения ресурсов, различными условиями и результатами их освоения. Центры разных типов дополняют друг друга, «работая» на рациональное использование природно-ресурсного потенциала региона. Наличие центров разных рангов (регионального, субрегионального, локального) свидетельствует о сложности и жизнеспособности региональной системы природопользования, ее устойчивости к меняющимся факторам и условиям развития.

Библиографический список

1. Бяклёнов П.Я. Природно-хозяйственное районирование территории: общая концепция и исходные принципы / Бяклёнов П.Я., Поярков Б.В., Коржин В.П. // География и природные ресурсы. – 1984. – № 1. – С. 7 – 14.
2. Бяклёнов П.Я. Динамика и устойчивость регионального природопользования // Современные проблемы географии и природопользования. Вып. 5–6. – Барнаул: Изд-во БГУ, 2001. – С. 16–22.
3. Бобылев С.Н. Экономика природопользования / Бобылев С.Н., Ходжаев Ш.Ш. – М.: ИНФРА-М, 2004.
4. Екеев Н.В. История и культура Алтая (XIX – начало XX вв.) / Екеев Н.В., Симеев Г.П. – Горно-Алтайск, 1994.
5. Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы. – Л.: Наука, 1982.
6. Исаченко Г.И. Культурный ландшафт и процессы зауступения // Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования / Отв. ред. В.Н. Клуцков, Т.М. Кривосвская. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 99–106.
7. Ишмуратов Б.М. Современные аспекты территориальной организации природопользования // Традиционное природопользование эвенков: обоснование территорий в Читинской области / В.Ф. Задорожный, В.С. Михеев, И.Т. Непрехников и др. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 5–8.
8. Лысенков З.В. Топонимические аспекты географических исследований освоения территории // Туризм и региональное развитие. Материалы III Международной научно-практической конференции. – Смоленск: Издательство «Универсум», 2004. – С. 338–344.
9. Михеев В.С. Ландшафтный синтез географических знаний. – Новосибирск: Наука, 2001.
10. Особенности воспроизводства национального богатства в начале XXI века / Отв. ред. Л.И. Нестеров; Ин-т экономики. – М.: Наука, 2006.
11. Поярков Б.В. Теоретические основы программно-целевого подхода к проблеме регионального природопользования // География и природные ресурсы. – 1982. – № 2. – С. 16–24.
12. Трейвиш И.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведов / И.И. Трейвиш. – М.: Новый хронограф, 2009.
13. Черемисин И.И. Территориальная организация сельского хозяйства в Республике Алтай / Черемисин И.И., Лысенков З.В., Рудский В.В. – Бийск: ГОУ ВПО БГПУ, 2007.
14. Юлинов В.Л. ГЭС в системе природопользования западной части зоны БММ // Изучение и освоение новых районов Сибири. Отв. ред. В.И. Снытко. Иркутск: ИГ Сибири и Дальнего Востока, 1979. – С. 115–121.

Е.А. Баудер
(г. Смоленск)

РАЗВИТИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО МАРКЕТИНГА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Bauder E.A. (Smolensk)

DEVELOPMENT OF INVESTMENT MARKETING IN THE REGIONS OF RUSSIA

Аннотация. В статье анализируются тенденции развития инвестиционного процесса в регионах России. В результате анализа закономерностей инвестиционного развития регионов Российской Федерации, выявлены перспективы развития инвестиционного процесса, а также факторы, сдерживающие инвестиционную активность в области маркетинговых проектов на региональном уровне.

Abstract. The article reveals the tendencies of the regional investment processes in Russia. The analysis of laws of the regional investment development in the Russian Federation outlines the perspectives of its development and also the factors constraining the investment activity of marketing projects on the regional level.

Ключевые слова: инвестиционная активность в маркетинге, инвестиционная привлекательность региона, инвестиционный климат, инвестиционный процесс, инвестиционный маркетинг.

Key words: Investment activity in marketing, investment appeal of regions, investment climate, investment process, investment marketing.

Практика последних лет убедительно показывает, что современные тенденции развития инвестиционного процесса способствуют стабилизации текущей экономической ситуации в России, закладывают фундамент для последующего устойчивого роста экономики на новой материально-технической базе. Отсутствие устойчивости показателей в инвестиционной сфере говорит о том, что инвестиционный климат пока еще не способствует в полной мере эффективному аккумулированию внутренних ресурсов и их трансформации в инвестиции.

На общем фоне развития маркетингового инвестиционного процесса выделяются зоны его условного “перегрева” и “переохлаждения”, которые отличаются потенциалом инвестиционной активности и характеристиками инвестиционной привлекательности стратегических хозяйственных подразделений. Зона “инвестиционного перегрева” возникает в том случае, когда прилив инвестиций в стратегическую зону существенно превышает существующие возможности их производственного освоения. В данной зоне находятся следующие регионы: Тюменская область, где прилив инвестиций в последние годы превышал возможности их производственного освоения в 4,9 раза, Московская область – в 3,5 раза, Челябинская область – в 2,9 раза, Красноярский край – в 2,1 раза, г. Москва – в 2 раза; Свердловская и Кеме-

ровская области, республика Башкортостан (от 1,9 до 1,6 раза). Текущая ситуация в существенной мере объясняется монопольным положением вышеуказанных регионов в разных сферах экономической деятельности. Таким образом, “перегрев” инвестиций в Тюменской области объясняется ее монопольным положением в добыче газа (91,5% от общей добычи), в Челябинской области – монопольными объемами производства проката черных металлов (22,4%), Красноярского края – монопольным производством алюминия (более 25%) и качественного дешевого угля (12,2%), в республике Башкортостан – монопольным производством автомобильного бензина (13%) и дизельного топлива (15,1%) и т.д.

Особое положение занимает Московский регион, обладающий высоким уровнем инвестиционной активности и благоприятным инвестиционным климатом.

Следовательно, главной особенностью развития российской экономики за последние годы является резкая дифференциация инвестиционной активности регионов, связанная с наличием у узкой группы регионов исключительных (монопольных) преимуществ. Феноменом этого процесса является концентрация инвестиционной деятельности в двух регионах: Московском и Тюменском. Изменение текущего положения предполагает направленность механизмов государствен-

ной инвестиционной и антимонопольной политики на приостановление оттока инвестиционных ресурсов из стагнирующих регионов в регионы с экспортоориентированным и монопольным производством.

На сегодняшний день в депрессионном состоянии находится около 36% от общей численности субъектов Российской Федерации. Среди этих регионов отмечаются субъекты Российской Федерации с устойчивой тенденцией спада деловой и инвестиционной активности: Калужская область, Тамбовская область, Республика Карелия и т.д.

Относительно стабилизировалось в последние годы экономическое положение таких регионов, как: Смоленская область, Чувашская республика, Республика Бурятия, Костромская область и т.д. [1].

Довольно устойчивые позиции в отношении инвестиционной и деловой активности занимают г. Москва и Московская область, Тюменская область, Свердловская область, г. Санкт-Петербург, республики Татарстан и Башкортостан, Самарская, Пермская и Челябинская области. На долю вышеперечисленных регионов приходится 46,0% общероссийской ВДС, 55,7% стоимости основных фондов и 52,9% от общих объемов инвестиций в основной капитал в России [3].

Достаточно большая часть регионов России находится в неустойчивом положении инвестиционного развития, однако многие из них имеют тенденции к повышению инвестиционной активности (Тверская область, Белгородская область, Курская область и т.д.).

У субъектов Российской Федерации, расположенных в Северном экономическом районе, значительной части регионов Центрального района (Владимирская область, Рязанская область, Тульская область, Ярославская область); Волго-Вятского района (республика Марий-Эл, Кировская область); Центрально-Черноземного района (Воронежская область, Липецкая область); Поволжского района (Волгоградская область, Пензенская область); Уральского района (республика Удмуртия, Курганская область, Оренбургская область) позитивные сдвиги в экономическом положении и в формировании благоприятного инвестиционного климата не отмечаются.

Перспективы развития инвестиционного процесса в вышеуказанных регионах напря-

мую связаны с преодолением главных отрицательных тенденций маркетинговой сферы:

- низкой доли конкурентоспособной продукции на товарных рынках;
- низкой эффективности инвестиционных ресурсов и отсутствием схем рационального их использования в целях реализации комплекса инвестиционных программ маркетинга;
- слабой активности региональных органов власти в области формирования и реализации эффективных механизмов привлечения иностранных инвестиций;
- высокой рискованности инвестиционных вложений, препятствующих поступлению структурированных инвестиционных потоков в регион.

Рассмотрим тенденции развития инвестиционных процессов в Смоленском регионе.

В настоящее время в Смоленском регионе наблюдается процесс постепенной активизации инвестиционной деятельности: наблюдается рост значений показателей, характеризующих такие сферы как образование, социальную инфраструктуру, здравоохранение, жилищно-коммунальные услуги.

Одним из направлений, способствующим росту инвестиционной активности региона, является реализация эффективной инвестиционной политики органов государственной власти, определяющей приоритеты и источники инвестирования, в том числе в сфере малого бизнеса. В ближайшее время предполагается внедрение инвестиционных проектов и программ с участием отечественных и иностранных бизнес-компаний.

Для сохранения положительной динамики инвестиционных показателей в Смоленском регионе и активизации маркетинговой деятельности в зонах инвестиционного переохлаждения, необходимо регулярное проведение следующего комплекса мероприятий:

- разработка и реализация концепции региональной инвестиционной политики, включающая в себя мобилизацию инвестиционных ресурсов и обеспечивающая их эффективное использования путем формирования инвестиционной программы для реализации приоритетных направлений регионального развития;
- формирование и актуализация баз данных об инвестиционных предложениях, потенциальных инвесторах, учреждениях, занятых обслуживанием товарного рынка;

- совершенствование нормативно-правовой базы в области привлечения инвестиционных ресурсов и создание механизмов страхования иностранных инвестиций;
- размещение инвестиционных предложений на сайтах городской и областной администраций;
- электронная и почтовая рассылка предложений потенциальным отечественным и иностранным инвесторам, представительств иностранных государств, а также публикация в средствах массовой информации;
- развитие механизмов финансовой поддержки региональных инвестиционных проектов и программ маркетинга;
- оптимальное использование возможностей федеральных структур по содействию и продвижению инвестиций в маркетинг;
- оказание финансовой, имущественной и инвестиционной поддержки предприятиям, соискателям инвестиций, находящимся в критической ситуации;
- организация и проведение научно-практических региональных конференций, бизнес-брифингов на территории региона;
- проведение региональных конкурсов маркетинговых проектов, форумов и программ для сферы малого бизнеса;
- ранжирование инвестиционных проектов и бизнес-планов на региональном уровне по значимости и последовательности.

Этому будет способствовать развитие инвестиционного маркетинга, представляющего собой комплексную систему управления инвестиционными ресурсами, базирующуюся на изучении и прогнозировании региональных рынков, направленная на активизацию и динамичное развитие инвестиционных процессов с учетом максимального удовлетворения потребностей общества и повышения качества жизни населения.

Вышеперечисленные меры формирования и активизации инвестиционного процесса могут в существенной мере улучшить инвестиционный климат, повысить и поддерживать на должном уровне маркетинговую привлекательность регионов Российской Федерации и будут характеризоваться следующими приоритетными направлениями:

- созданием единого информационного и инвестиционного пространства;
- созданием новых маркетинговых технологий, опирающихся на достоверное информационное обеспечение, жесткую нормативно-правовую регламентацию инвестиционных решений на международном, межгосударственном уровнях;
- унификацией, канонизацией инвестиционного законодательства, созданием межгосударственных соглашений в области инвестиций и управления капиталом, усилением его влияния на маркетинговые процессы;
- использованием инвестиционных ресурсов инвестора в режиме On-line, удаленного на любое расстояние от места вложения ресурсов;
- разработкой и реализацией интегральных механизмов и технологий управления инвестиционными процессами (в региональном и отраслевом аспектах)[2].

Своевременная и рациональная реализация вышеуказанных мероприятий позволит структурировать инвестиционное управление маркетинговой сферы, позволяющее ранжировать стратегические решения, локализованные во времени и ресурсах, на основе сотрудничества и четкого разграничения инвестиционных обязательств между органами государственной власти различных уровней, некоммерческих и бизнес-организаций, направленных на развитие инфраструктурного обеспечения сферы малого бизнеса и улучшение благосостояния общества в целом.

Библиографический список

1. Прохожев В. В., Кормилов И. В. Регионы России: социальное развитие и безопасность. – М.: Новости, 2004.
2. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. 2006 г.
3. Российский статистический ежегодник 2008. Статистический сборник/ Росстат – М., 2008 и предыдущие издания.
4. Липсиц И. В., Коссов В. В. Экономический анализ реальных инвестиций. – М.: Изд-во «Мастер», 2009.
5. www.gks.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

С.А. Тархов
(г. Москва)

РАСШИРЕНИЕ СЕТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КИТАЯ В 2000-Е ГОДЫ

Tarkhov S.A. (Moscow)

EXPANSION OF THE CHINESE RAILWAY NETWORK IN 2000-TIES

Аннотация. Глобальный экономический кризис стимулировал активное ж.-д. строительство в Китае, привел к дальнейшему росту объема пассажирских перевозок и замедлению темпов роста объема грузовых перевозок. Протяженность сети железных дорог Китая к 2020г. должна достичь 120 тыс.км, что в 1,5 раза выше уровня 2008г. Качество ж.-д. сети будет повышено за счет строительства вторых путей, электрификации магистралей, сооружения большого числа новых линий, а также пассажирских высокоскоростных линий. Большинство перегруженных железных дорог и узлов будет разгружено.

Abstract. The global economic crisis stimulated the intensive large-scale railway construction in China, growth of passenger railway transportation and stagnation of freight railway traffic. Railway network of China will achieve 120,000 km by 2020, which will mark the increase in 1.5 times in comparison to 2008. The country would improve the quality of its railway network by doubling tracks and electrification of universal magistral, by the construction of many new usual single-track lines and absolutely new network of high-speed passenger railways. The most freight overloaded lines and sections will be loaded-off.

Ключевые слова: Китай, сеть железных дорог, высокоскоростные железные дороги.

Key words: China, railway network, high-speed railways

Глобальный экономический кризис привел к сокращению объема экспорта Китая, в результате чего стали разоряться предприятия экспортно-ориентированных отраслей, расположенные в приморских районах Юго-Восточного и Восточного Китая. Следствием этого стало некоторое снижение объемов производства в смежных отраслях экономики. Особенно пострадали от кризиса ведущие экономические кластеры хайтека – Бохайское побережье (Тяньцзинь и города Хэбэя), дельта Янцзы (Цзянсу, окрестности Шанхая, Чжэцзян), дельта Чжуцзян (Гуандун), приморские центры Фуцзяни.

Заккрытие ряда предприятий и сокращение производства на других привело к увеличению числа безработных. В праздник весны в феврале 2009 г. из-за потери работы в сельскую местность внутренних районов (Цзянси, Аньхой, Хубэй, Хунань, Гуйчжоу, Гуанси, ГЦП Чунцин) вернулось более 20 млн. сельских жителей, работавших до этого в при-

морских районах (в 2008г. число работавших в городах мигрантов, покинувших сельскую местность, составляло 210 млн. чел.). Заккрытие многих предприятий, и, как следствие, обострение социальной обстановки заставили правительство принять в ноябре 2008г. программу по преодолению социальных и экономических последствий кризиса (пакет мер в размере 4 трлн. юаней, стимулирующий развитие национальной экономики, сокращение числа безработных, расширение внутреннего спроса). В соответствии с ней проблема безработицы должна решаться за счет организации массовых публичных работ. Основными объектами таких работ стали развитие сельского хозяйства, расширение инфраструктуры (в т.ч. транспортной системы общего пользования), строительство дешевого жилья, экономия топлива и энергии, увеличение социальных расходов.

Основным средством по выводу страны из кризиса стало крупномасштабное транс-

Таблица 1

Рост протяженности сетей железных дорог, объема перевозок, грузооборота и пассажирооборота железнодорожного транспорта КНР в 1995–2009 гг. (на конец года)

	1995г.	2000г.	2001г.	2002г.	2003г.	2004г.	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.
Длина сети железных дорог, тыс. км	59,7	68,7	70,1	71,9	73,0	74,4	75,4	77,1	78,0	79,1	86,0
Длина электрифицированных железных дорог, тыс. км	9,703	14,864	16,877	17,409	18,060	18,562	19,408	23,435	24,047	26,0	...
Длина двухпутных ж.д., тыс. км	16,909	21,408	22,640	23,058	23,702	23,841	24,497	25,244	25,794	...	...
Перевезено грузов по ж.д., млн. т	1658,6	1780,2	1925,8	2049,6	2211,8	2490,2	2693,0	2882,2	3142,4	3300	3320
Перевезено пассажиров по ж.д., млн. чел.	1027,45	1050,73	1051,55	1056,06	9726,0	1117,64	1155,83	1256,6	1356,7	1460	1525
Грузооборот ж.д., млрд. т-км	1304,95	1390,2	1457,5	1565,8	1724,7	1928,9	2072,6	2195,4	2379,7	...	...
Пассажирооборот ж.д., млрд. пасс.-км	354,7	453,3	476,7	496,9	478,9	571,2	606,2	662,2	721,6	...	...

Источники: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2008/indexeh.htm>
<http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2005/indexeh.htm>

портное строительство, прежде всего – железнодорожное. Значительная часть средств этой программы адресована на сооружение новых железных дорог и модернизацию ряда старых.

Почему был выбран транспорт, и в частности железные дороги, в качестве одного из «локомотивов» по выходу из кризиса? Дело в том, что транспортная сеть (особенно железнодорожная) за быстро росшей в 2000-е гг. экономикой КНР не поспевала (сеть скоростных автострэд, наоборот, значительно расширилась и достигла 65 тыс. км к концу 2009 г.). Хотя в эти годы строились новые железные дороги и реконструировались старые, их всё равно не хватало для удовлетворения быстро росших потребностей в перевозках, особенно грузовых. Несмотря на принятие и реализацию обширных транспортных проектов, темпы роста ж.-д. сети (табл. 1) всё равно отставали от темпов роста всей экономики.

На фоне падения темпов роста экономики, сокращения объема экспорта и растущей безработицы крупномасштабное железнодорожное строительство становится важным стимулом для расширения внутреннего спроса. Оно нуждается в больших финансовых затратах, увеличении числа занятых, развитии тех отраслей, которые производят строительные материалы, рельсы, подвижной состав и оборудование, необходимые для строительства и эксплуатации железных дорог. Говоря иначе, массовое строительство железных дорог ведет к увеличению ВВП, стимулирует экономический рост за счет вовлечения новых ресурсов (природных, человеческих) и расширения сети экономических центров; ускоряет процессы индустриализации, урбанизации территории; социализирует население более отсталых районов и привлекает его в экономический прогресс, повышая уровень благосостояния и нивели-

руя бедность их жителей. Новые железные дороги увеличивают пропускную способность сети (путем электрификации, постройки вторых путей, повышения скорости движения), надежность сообщения (за счет создания параллельных и обходных линий и магистралей, новых замкнутых циклов в сети), улучшают условия транспортировки людей и грузов, приводят к снижению транспортных издержек за счет сокращения маршрутов передвижения и времени доставки (поездов). В конце концов, сокращаются суммарные временные и денежные затраты на перевозки, за счет расширения транспортных возможностей в активную экономическую и социальную жизнь вовлекается все большее число людей и предприятий, улучшается инвестиционный климат.

Если в 2007 г. инвестиции в ж.-д. строительство КНР составляли 180 млрд. юаней, а в 2008г. – 330 млрд., то на сооружение новых железных дорог (протяженностью 5.148 км) в 2009г. было потрачено уже 600 млрд. юаней (87,9 млрд. долл.), а на 2010 г. выделено 823,5 млрд. Увеличение объема финансирования способствовало созданию в 2009 г. 6 млн. новых рабочих мест, формированию спроса на 20 млн. т стали и 120 млн. т цемента, производства значительного объема технического оборудования, подвижного состава, оборудования связи, тяговых подстанций, депо, ремонтных предприятий. Так, например, на сооружение скоростной пассажирской железной дороги Пекин – Шанхай в 2009 г. выделено 60 млрд. юаней (8,8 млрд. долл.); для этого закуплено 2 млн. т стали, 12 млн. т цемента; в начале 2009г. на ней работало 600 тыс. строителей.

Кризис заставил правительство пересмотреть планы расширения и модернизации транспортной сети, темпы ж.-д. строительства. Решение правительства было принято 31 октября 2008 г. Министерство железных дорог КНР 27 ноября 2008 г. сообщило о принятии пересмотренного среднесрочного и долгосрочного плана строительства железных дорог. Если ранее (по плану, принятому Госсоветом 7 января 2004 г.) предполагалось довести протяженность сети железных дорог к 2020г. до 100 тыс. км, то уже в начале 2009г. эту цифру увеличили до 120 тыс. км, т.е. в течение 2009–2020 гг. будет построено еще 41 тыс. км новых железных дорог (вместо прежде предполагавшихся 16 тыс. км). Толь-

ко в 2009г. началось сооружение 10 тыс. км новых линий (70 проектов), в 2010 г. дополнительно начнется строительство еще 10 тыс. км. К концу 2010г. общая протяженность железных дорог КНР составит 91 тыс. км, 2012г. – 110 тыс. км.

На поставку нового подвижного состава в 2009-12гг. выделяется 500 млрд. юаней (в среднем ежегодно по 100 млрд. юаней, т.е. 14,7 млрд. долл.). Китайские заводы уже получили заказы на изготовление 800 высокоскоростных пассажирских поездов, 7900 локомотивов с большой тяговой мощностью, 25 тыс. новых пассажирских вагонов.

На реализацию всех планов по расширению и модернизации железных дорог Китая в течение 2009-2020гг. министерство железных дорог КНР получит из государственного бюджета 5 трлн. юаней (732 млрд. долл.).

Расширение и модернизация ж.-д. сети Китая идет по трем направлениям: 1)строительство новых железных дорог; 2)реконструкция и техническое усовершенствование старых железных дорог путем электрификации, сооружения вторых путей, технической реконструкции узлов, сигнализации и т.д.; 3)сооружение пассажирских высокоскоростных железных дорог.

Новые железные дороги. Сеть железных дорог за последние 30 лет выросла с 51,7 тыс. км (1978 г.) до 86 тыс. км (2009 г.). В 2000-е гг. осуществлено значительное ее расширение. Только в 2003–2007 гг. построено 6140 км новых железных дорог (затраты – 522 млрд. юаней или 72,5 млрд. долл.), в 2008г. – еще 1719 км, в 2009 г. – 5.600 км (табл. 2).

Существующие ж.-д. магистрали не справляются с постоянно растущими грузопотоками. Главные магистрали (Пекин – Гуанчжоу, Пекин – Шанхай, Пекин – Харбин, Ляньюньган – Ланьчжоу) перегружены.

Существующие углевозные железные дороги также с трудом справляются с перевозкой всё возрастающих объемов добытого каменного угля (Датун – Циньхуандао (здесь ежедневно в начале 2009г. перевозилось более 1 млн. т угля; курсируют составы из 208 вагонов, каждый состав одновременно перевозит 20 тыс. т угля), Тайюань – Датун, Хоума – Юешань). Его не хватает в топливodeфицитных районах страны, поэтому эти потоки постоянно растут. По этой причине начато сооружение новых линий в угольных

Таблица 2

Новые железные дороги, построенные в КНР 2002–2010 гг.

Упорядочены по датам открытия движения; без учета скоростных пассажирских дорог (см. табл. 5); сокращения: АРВМ – автономный район Внутренняя Монголия, СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район

Линии	Какие регионы связывает, функции дороги, примечания	Длина, км	Даты открытия движения
Шэньму – Яньцзинь	Север и центр Шэньси	328	8.02.2002
Синьпу (Ляньюнь) – Хэцзинь – Чжэнсин (к западу от Шэньси)	Север Цзянсу и западом Чжэцзяна, западный обход Шэньси; полностью сдан в 2005 г.	571	5.12.2002
Нэйцзян – Ибинь – Чжэцзун – Люйшунь – Куньмин	Юго-восток Сычуани, крайний запад Гуйчжоу и северо-восток Юньнани; стройка завершена 19.09.2001, временное движение с 2002 г.	872	15.10.2003
Чжэньцзян – Цюньчжоуский пролив – порт Наньшан	Ж.-д. грузовое портовое сообщение между портами Гуандун и Хайнань; пассажирские поезда между портами Хайнань и Хайкоу переправляются на пароме с 5.12.2004.	345	7.01.2003
Дэчжоу – Вэньчжоу	К северо-востоку от Чунцин; часть строящейся линии Вэньчжоу – Ичэн (см. табл.3)	157	2004
Нанкин – Янчжоу – Наньтун – Цидун	К востоку от Нанкина по северному берегу р.Янцзы до ее устья, для освоения прибрежных районов Цзянсу; участок Нанкин – Янчжоу сдан в 2004 г.	357	2004-2006
Синь (Синьцзян) – Линь – Цзяосянь (близ Циндэ)	Север Цзянсу и юго-восток Шэньдун; спрямляет путь из Шэньси на полуостров Шэньдун	302	2004-2006
Суйнин – Чунцин – Хуэйху	Сычуань – ГЦП Чунцин – запад Хунани; сдан участок Чунцин – Хуэйху	625	конец 2005г.
Вэньчжоу – Луньянь	Цзянси и Фуцзянь; стройка началась 8.12.2001; инвестиции 6,33 млрд. юаней	280	2005
Шилинхото – Сэнгендэпэй – Чжэнглэн Ци	На востоке АРВМ, для подвоза топлива к крупной электростанции	152	2006
Люгоу – Дуньхуан	На крайнем северо-западе Ганьсу, ветвь на юг от ж.д. Ланьсинь	169	2.03.2006
Дэлютэ (уезд Шэньму) – Шочжоу	От границы с АРВМ на севере Шэньси на запад в Шэньси; 2-й путь; углевозная линия	266	25.03.2006
Синь – Наньян – Синьян – Хуанчунь – Хэфэй – Нанкин	Юг Шэньси, юг Хэнаня и Наньхой, Нанкином, разгрузил Лунхэйскую ж.д.; участок Хэфэй – Нанкин открыт в апреле 2008 г.	1129	18.04.2006
Голмуд – Тэнгул – Ямдо – Нангчу – Лхаса	Цинхай-Тибетская ж.д. связала запад Цинхая со столицей Тибета; часть линии Ланьчжоу – Лхаса (1956км); инвестиции 26,21 млрд. юаней (3,16 млрд. долл.)	1142	1.07.2006
Люйшунь (Ляонин) – Яньцзинь (Шэньдун)	Ж.-д. портовая линия через Бохайский залив	160	5.11.2006
Дуншэн – Ухэй	Юго-запад АРВМ	360	2007
Хайкоу – Сянь	Западная часть кольца на о.Хайнань; реконструированная линия, работы велись с октября 2005 г.	364	18.04.2007

Таблица 2. Окончание

Линии	Какие регионы связывает, функции дороги, примечания	Длина, км	Даты открытия движения
Тяньцзинь – о.Цюфэйдянь	Хэбэй; к площадке металлургического комбината Шоуду, перенесенного на этот остров из Пекина	70	.06.2007
Цзинь – Цзиньцзинь	Центр – юг Цзянси	81	28.06.2007
Цюйчжоу – Чжэньцзинь	Экспресс Чжэцзян; построен Чжэньцзиньской акционерной компанией с участием частного капитала на территории города Цюйчжоу	41	28.09.2007
Вэйхэ – Ябули	Юг Хэйлунцзян, ветка на юг от линии Харбин – Муданьцзян к горнолыжным центрам	24	6.12.2007
Хэфэй – Нанкин	Нанхой и Цзянсу	166	19.04.2008
Тунлин – Цзюцзян	Юг Нанхой и север Цзянси, с мостом над оз.Поянху (5,5 км); строился с мая 2005 г.; доступ к горам Цзюхушань	251	1.07.2008
Бэйхэ – Хэлун	Юго-восток Цилинь, в горных Чанбайшань близ границы с КНДР; связывает в единую магистраль Тунху – Тумэн – Муданьцзян	104	20.12.2008
Литан (ГЧП) – Чжэньцзян	Выход из Гуанси к морскому порту на берегу Южно-Китайского моря	...	.05.2009
Дэичжоу (Суйнин) – Чэнду	Сычуань	148	30.06.2009
Фучжоу – Путянь – Цюйчжоу – Цзиньцзян – Сямэнь	Фуцзянь; строился с октября 2005 г.	275	20.07.2009
Вэньчжоу – Фучжоу	Юг Чжэцзян – север Фуцзяни; освоение приморских районов; строился с августа 2005г. по 30 июня 2009г.; скорость 250 км/ч; инвестиции 17,48 млрд. юаней (2,5 млрд. долл.)	298	28.09.2009
Дэли – Лицзян	Юньнань; инвестиции 4,55 млрд. юаней (0,669 млрд. долл.). Строился с 20.12.2004 г.	162	28.09.2009
Нинбо – Тайчжоу – Вэньчжоу	Чжэцзян	282	28.09.2009
Урумчи – Джунгар	СУР, к месторождениям угля на востоке Джунгарской впадины; строился с ноября 2007г.; инвестиции 2,5 млрд. юаней	264	18.11.2009
Цзинхэ (экспресс СУР) – Инин (Кульджа) – Хоргос (граница Казхстан)	Северо-Синьцзянская ж. д. связывает СУР и Казхстан	286	18.12.2009
Линьхэ (город Баяннур, Баяннурский район) – КПП Цэкэ (Цэкоу; Эцзинский хошун на экспрессе РВМ, граница с Монголией)	Внутри РВМ из центра на экспресс через пустыни Улунбухэ (Улунпухо) и Бадэн-джерэнг (Бадэн-Джэрэн)	768	20.12.2009
Куйтунь – Карамай – Бэйтунь	Север СУР	469	29.12.2009
Циндэр – Мули	Цинхай, ветка от Цинхай-Тибетской ж.д. к угольному месторождению Мули	142	.01.2010
Ичэн (Хубэй) – Вэньчжоу (ГЦП Чунцин)	160 км/ч; в районе Трех ущелий	377	30.04.2010

Источники: <http://english.peopledaily.com.cn/> и <http://russian.people.com.cn/> за 2001–2010гг.

бассейнах Шаньси, Шэньси, Внутренней Монголии, Хэнани. После их завершения должна повыситься пропускная способность широтных углевозных коридоров из провинций Шэньси и Шаньси к морским портам, из Синьцзяна и западных районов Внутренней Монголии в Центральный Китай. Благодаря технической реконструкции старых и строительству новых углевозных железных дорог к 2020г. они смогут пропускать до 2,5 млрд. т угля ежегодно.

Также в середине 2000-х гг. развернулось сооружение ряда межпровинциальных линий, а в 2008–2010 гг. многих новых линий, которые должны связать между собой не только соседние провинции, но и многие приграничные провинции с территориями соседних стран. Перечень строившихся в 2010г. железных дорог приведен в табл. 3.

Строившиеся и проектирующиеся к постройке новые железные дороги по их функциям можно разделить на следующие типы:

- меридиональные магистральные линии, например, Ланьчжоу – Чунцин, Ланьчжоу – Чэнду, Лоян – Чжэньцзян, Пекин – Хэфэй – Фучжоу;

- широтные магистральные линии: Нанкин – Аньцин – Ухань – Ичан – Ваньчжоу – Чунцин (вдоль долины р.Янцзы), Нанкин – Хэфэй – Синьян – Сиань, Шанхай – Ухань – Личуань – Чунцин – Чэнду;

- тангенциальные линии вдоль сухопутных и морских границ: на северо-востоке Суйфыньхэ – Дуннин – Хунчунь – Тумэн – Хэлун – Байхэ – Тунхуа – Дандун – Чжуанхэ – Далянь вдоль российской и корейской границ; Вэньчжоу – Фучжоу – Сямэн и Сямэн – Шаньтоу – Шэньчжэнь (обе вдоль морского побережья);

- межпровинциальные линии: Тунхуа – Гуаньшуй (Цилинь – Хэйлунцзян), Тайюань – Чжунвэй – Иньчуань (Шаньси – Нинся), Баотоу – Сиань (АРВМ – Шэньси), Нанкин – Аньцин (Цзянсу – Аньхой), Ханчжоу – Хуаншань (Чжэцзян – Аньхой), Хэньян – Чалин – Цзиань (Хунань – Цзянси), Сянтан – Путянь (Цзянси – Фуцзянь), Гуанчжоу – Гуйян (Гуандун – Гуйчжоу), Гуанчжоу – Наньнин (Гуандун – Гуанси), Лодин – Цэньси (Гуандун – Гуанси), Ваньчжоу – Ичан (Чунцин – Хубэй); Голмуд – Чэнду (Цинхай – Сычуань), Линьхэ (АРВМ) – Цэкэ (Цэкоу; на границе Монголии) – Хами (СУАР), Голмуд – Курля (Цинхай – Синьцзян), Голмуд – Дуньхуан

(Цинхай – Ганьсу), Синин – Чжанье (Цинхай – Ганьсу);

- внутрипровинциальные: новые линии строятся почти в каждой провинции и автономном районе (табл. 3);

- из внутренних районов к морским портам (для экспорта сырья): из центральной и южной частей пров. Шаньси в порт Жичжао (для вывоза угля), из пров. Цзянси в порты пров. Фуцзянь (линия Сянтан – Путянь);

- для освоения месторождений минерального сырья: Урумчи – Джунгар (угля), Баотоу – Ваньшуйцюань – Баяннур – Ганьцимаодао (угля и медной руды; запад АРВМ), Куйтун – Карамай – Бэйтунь (железных и медных руд, нефти на севере СУАР);

- углевозные дороги: Баотоу – Сиань, Тайюань – Чжунвэй, Джунгар – Шуочжоу, Эрдос (АРВМ) – Каофейдянь (Хэбэй).

Для хозяйственного освоения отдаленных территорий и соединения их с экономически развитыми районами в 2009–2015 гг. планируется построить линии между провинциями Сычуань и Цинхай (Чэнду – Голмуд), Сычуань и Тибет (Чэнду – Янь – Кандин – Литан – Боми – Ньинчи – Лхаса, 1629 км; ее первый участок начал строиться в сентябре 2009 г.), Синьцзян и Цинхай (Корла – Голмуд), Ганьсу и Цинхай (Голмуд – Дуньхуан; 530 км; Чжанье – Синин); внутри Тибетского автономного района (Лхаса – Шигацзе; с дальнейшим продлением до Ядун в Сиккиме на границе с Индией; Лхаса – Линьчжи; Лхаса – Ньинчи).

Для создания постоянно действующей сухопутной связи о.Хайнань с материком в 2012 г. намечается начать сооружение моста с ж.-д. линией через пролив Цюньчжоу (его открытие намечено на 2020 г.).

Трансграничные линии. Ряд вновь строящихся дорог свяжут окраины Китая с территорией соседних государств: так Северо-Синьцзянская ж.д. (Цзинхэ – Инин – Хоргос; сдана в строй в декабре 2009 г.) в дальнейшем будет продлена через Сарыозек до Алма-Аты (сооружение казахстанского участка линии начато в августе 2009г.); линия Фусинь (Ляонин) – Баянгула (АРВМ) будет сначала продлена на север еще на 230км до Дзунгадабуци (граница с Монголией), а позже – до Чойбалсана (Монголия) и Борзя (Россия); линия Баотоу – Ваньшуйцюань – Баяннур – Ганьцимаодао (граница Монголии) длиной 354 км для вывоза из

Монголии в КНР угля и медной руды (во Внутреннюю Монголию).

В 2009–2015 гг. планируется начать сооружение новых трансграничных ж.-д. выходов в Мьянму (линия Дали – Жуили через ее территорию будет доведена до порта Читтагонг в Бангладеше; будущая 3-я евразийская ж.-д. магистраль соединит морские порты провинции Гуандун с западом Азии и Европой), Киргизию и Узбекистан (Каши (Кашгар) – Торугарт (киргизская граница) – Нарын – Андижан), Непал (Шигацзе – Хаша; 2013 г.; 400 км), Лаос (восточный участок Батденг – Локнинь Трансасиатской ж.д.). В 2006 г. рассматривался вопрос о создании ж.-д. паромной контейнерной переправы (Вэйхай – Пхэнтэк) через Желтое море в Южную Корею.

Реконструкция существующих перегруженных магистралей. В 1990–2000-е гг. многие перегруженные ж.-д. магистрали были электрифицированы и получили второй путь. Тем не менее, в стране еще много однопутных и неэлектрифицированных ж.-д. линий, в т.ч. магистральных. Поэтому на них начаты работы по технической модернизации, т.е. по удвоению путей и электрификации.

В 2005–2009 гг. реконструированы линии Сянфань (Хубэй) – Чунцин, Дачжоу – Чэнду (Сычуань), Гуйян (Гуйчжоу) – Лючжоу (Гуанси; путь сокращен с 608 км до 489 км). В 2008г. полностью модернизирована линия Циндао – Цзыбо – Цзинань (360 км) в пров. Шаньдун, по которой теперь курсируют только пассажирские поезда, а грузовые следуют по вновь проложенной линии в северной части провинции. В 2009 г. реконструирована пострадавшая от землетрясения в мае 2008г. дорога Баоцзи (пров. Шэньси) – Чэнду (пров. Сычуань). К 2015 г. будет полностью реконструирована линия Куньмин – Хэкоу – Лаокай – Ханой (объем инвестиций 12,8 млрд. юаней).

Сооружение вторых путей. В 2003–2007 гг. проложено 2808 км, в 2008 г. – 1935 км вторых путей. 1 ноября 2007 г. введена в строй вторая колея на участке Забайкальск – Манчжурия на границе с Россией. В 2007 г. началась укладка второго пути на участке Урумчи – Цзинхэ линии Урумчи – Алашанькоу и участке Турфан – Корла линии Турфан – Кашгар (обе на западе Синьцзяна). 31 октября 2009г. введен в строй последний участок вторых путей на линии Сянфань – Чунцин.

Второй путь ныне прокладывается на восточном отрезке Цинхай-Тибетской железной дороги. В 2005–2009 гг. он уложен и в апреле 2009 г. сдан в эксплуатацию на участке Ланьчжоу – Синин (170 км; инвестиции – 390 млн. долл.); в 2007–2012 гг. второй путь строится на 290 км участке линии Синин – Голмуд (550 км). В 2009 г. началась укладка второй колеи на линии Сиань – Хэфэй (957 км; объем инвестиций 37,2 млрд. юаней; завершение в 2012 г.).

На линии Гуанчжоу – Шэньчжэнь с тремя путями (1-й путь уложен в 1911 г., 2-й – в 1989 г., 3-й – в 1994 г.) в 2005–2008гг. проводилась укладка 4-го пути.

Электрификация железных дорог. Всего к началу 2007 г. электрифицировано 23.435 км, к концу 2008 г. – 26 тыс. км (32,7% всей сети), к маю 2009 г. – 27 тыс.км. В 2003–2007 гг. переведено на электротягу 6529 км, в 2008 г. – 1955 км железных дорог. Перечень электрифицируемых линий КНР представлен в *табл. 4*. В настоящее время по электрифицированным линиям перевозится 50% грузов и 50% пассажиров.

В 2010 г. начнется электрификация линии Синин – Голмуд. В декабре 2008 г. обнародован план расширения ж.-д. сети Китая, в котором поставлена задача – довести долю электрифицированных линий к 2020 г. до 60%.

Высокоскоростные пассажирские ж.-д. магистрали. Из-за того, что железные дороги перегружены товарными составами и поэтому не справляются с растущими пассажиропотоками, власти КНР приступили к сооружению сети скоростных пассажирских железных дорог между крупными центрами освоенной части страны. В 2008–2009 гг. началось сооружение ряда новых ж.-д. магистралей, предназначенных исключительно для перевозки пассажиров (*табл. 5*). Они строятся для разгрузки основных перегруженных традиционных ж.-д. направлений. Основной их задачей является значительное сокращение времени на поездки между главными городами страны.

Впервые проект создания сети высокоскоростных железных дорог (ВСЖД) был предложен в середине 1990-х гг. Он предусматривал постройку трех меридиональных (Пекин – Шэньян – Харбин, Пекин – Шанхай, Пекин – Чжэнчжоу – Ухань – Чанша –

Таблица 3

Строящиеся новые железные дороги КНР

Упорядочены географически: северо-восток, центр, восток, юг, северо-запад. Сокращения: АРВМ – автономный район Внутренняя Монголия, ГЧАР – Гуанси-Чжуанский автономный район, СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район. ... – данные отсутствуют

Линии (провинции), примечания	Длина, км	Объем инвестиций, млрд. юаней (млрд. долл.)	Даты начала и окончания стройки
Цяньцзинь – Фуюнь (Хэйлунцзян)	169	2,2 (0,323)	2008-10
Харбин – Чжэодун – Ниньдэ – Дунцин – Цицикар (Хэйлунцзян); пассажирская, 200 км/ч	300	...	2009-
Суйфэньхэ – Дуннин – Тумэнь (Хэйлунцзян) – Хэлун (Цзилинь) – Тунхуа – Дуньдун (Ляонин) – Чжунхэ – Дунлянь; длина новых участков 410 км	1389	12,7 (1,58) + 1,88 (0,238)	2006-10
Чунчунь – Чунбэйшань (Цзилинь)	94	...	2007-
Чунчунь – Цзилинь (Цзилинь)	96	...	2007-11
Тунхуа (Цзилинь) – Гуньшуй (Хэйлунцзян)	180	4,5 (0,662)	2009-11
Цяньян – Чжунхэ (Ляонин)	165	3,75 (0,551)	2009-11
Циньхуандэ – Цюфейдянь (Хэбэй) углевозная для разгрузки линии Датун – Циньхуандэ (130 млн.т в год)	213	4,8 (0,593)	2005-08?
Эрдос (АРВМ) – Цюфейдянь (Тяньшань, Хэбэй) для перевозки угля	1000	...	2009-
Фусинь (юг Ляонин) – Бяньгулун (север АРВМ, Силиньголянский уезд)	488	5,86 (0,79)	2007-10
Цзинин (АРВМ) – Чжунцзяоу (Хэбэй), электрифицированная	177	...	Проект
Ваньшуйцзюнь (Бэйтоу) – Улэцзский центральный хошун город Бяньнур – Гуньцимоду (границы АРВМ и Монголии) – Тэцун-Толгой (Монголия) для ежегодного вывоза 60 млн.т угля и медной руды из Монголии в КНР	354	4,7 (0,69)	2009-11
Бэйтоу (АРВМ) – Сиань для перевозки угля, 160 км/ч	801	16,73 (2,26)	2007-10
Тяньцзинь (Шаньси) – Динбиань (двухпутная) – Чжунвэй – Иньчунь (Нинся; однопутная) 160 км/ч	944	30,32 (3,79)	2006-
Цзяфань – Наньчэньпу (Шаньси), на частном капитале	64	2,3 (0,34)	2009-
Биньчжоу – Дуньин – Вэйфань – Яньтай – Вэйхай (Шаньдун)	588	...	2006-10
Циндэ – Яньтай – Вэйхай – Рончэн (Rongcheng) в Шаньдуне	...	...	2006-10
Хуанхуа – Дажэянь (Dajawa), Дэчжоу – Лункоу (Шаньдун)	...	...	2009-
Циндэ – Жичжоу (Шаньдун) – Ляньюньган (Цзянсу)	197	21,04	2009-12
Лоян (Хэнань) – Ичэн (Хубэй) – Юнчжоу (Хунань) – Юйлинь (ГЧАР) – Чжунцзян (Гуандун)	1180	...	2005-
Нанкин – Нанцин (Нанхой) пассажирская 200-250 км/ч	258	25,7 (3,76)	2008-13
Хэфэй – Бэнбу (Нанхой)	131	10,2 (1,49)	2009-
Шанхай – Наньтун (Цзянсу)	114	21,93 (3,09)	2009-
Хунчжоу (Чжэцзян) – Хуаншань (Нанхой)	264	...	Проект 2009г.

Таблица 3. Продолжение

Линии (провинции), примечания	Длина, км	Объем инвестиций, млрд. юаней (млрд. долл.)	Даты начала и окончания стройки
Наньчун – Цзюцзян (Лушань; Цзянси) пассажирская, на северном участке параллельно линии Пекин – Коулун	131	6 (0,76)	2006-10
Луньянь – Сямэнь (Фуцзянь)	171	6,48 (0,831)	12.2006-
Сямэнь (Фуцзянь) – Шаньтоу (Гуандун) – Шэньчжэнь	502	41,7 (5,7)	2007-11
Сянтин (Цзянси) – Пуцзянь с ветвями к Фучжоу (Фуцзянь) и Юнцзи – Пуцзянь (Гуандун)	604	51,8 (7,62)	2008-12
Хэньян (юг Хунани) – Чилин – Цзингшань – Цзиань (Цзянси)	211	...	2008-12
Шаньчжоу (Гуандун) – Ганьчжоу (Цзянси)	194	6,18 (0,90)	2009-12
Аэропорт Шэньчжэнь – Аэропорт Сянтин	...	...	2009-11
Линии в дельте р. Жемчужная (Гуандун), в т.ч.	400,3	37,65	18.12.2005-10
-Гуанчжоу – Шэньчжэнь – Гонконг, пассажирская	87	...	18.12.2005-10
-Гуанчжоу – Чжунхай	186	...	18.12.2005-10
-Цэньси (ГЧР) – Момин	...	...	18.12.2005-10
Хэйкоу – Сянь (Хэйнань) восточная ветвь, пассажирская, 200 км/ч	308	19,2 (2,5)	2007-11
Гуйян (Гуйчжоу) – Гуйлинь (ГЧР) – Гуанчжоу 200 км/ч	857	85,8 (12,53)	2008-12
Лодин (Гуандун) – Цэньси (ГЧР), строит частная компания	76	1,47 (0,184)	2006-09
Юнчжоу (юг Хунани) – Юйдинь (юго-восток ГЧР), часть магистрали Лоян – Чжэньцзян	180	...	10.2005-
Дэли – Баошань – Жуйли (Юньнань)	328	14,7 (1,90)	2008-10
Лицзян (Юньнань) – Шангри-Ла (Дидин)	144	9,2	2009-14
Юйси – Мынцзы на юге Юньнани в сторону вьетнамской границы	142	...	2006-
Юйси (Юньнань) – Мошань (граница Лаоса)	599	...	Проект 2006г.
Чунцин (округ Фулин) – ЦП Чунцин – Личуань (Хубэй) 200 км/ч, часть будущей ВСЖД Шанхай – Ухань – Чэнду	264	27,07 (3,98)	2008-13
Ичан (Хубэй) – Ваньчжоу (ЦП Чунцин) 160 км/ч	380	...	1.12.2003-2009
Чэнду – Дуцзяньян (Сычуань) 200 км/ч	66	13,3 (1,95)	2008-10
Чэнду – Чжоянху – Кундин – Литань – Цзоанг – Боми – Ньингчи – Лхаса (из Сычуани в Тибет)	1629	...	2009-15
Ланьчжоу – Чунцин 160 км/ч	820	77,4 (11,3)	2008-14
Чэнду – Цзючжунгоу – горы Миньшань – Хэцзо – Ланьчжоу, в т.ч.	731	62 (9,1)	2009-14
-Ланьчжоу – Хэцзо (Ганьнань-Тибетский округ пров. Ганьсу)	174	8,75 (1,3)	2009-
Ланьчжоу – Урумчи (пассажирская параллельно ж.д. Ланьсинь)	1892	120 (17,57)	2009-
Хами – Лобнор (СУР)	370	3,28 (0,47)	3.03.2010-12

Таблица 3. Окончание

Линии (провинции), примечания	Длина, км	Объем инвестиций, млрд. юаней (млрд. долл.)	Даты начала и окончания стройки
Голмуд – Корлэ (СУР)	...	...	проект
Кэшгэр – Хотэн (СУР)	487	4,64 (0,676)	9.08.2009-11
Голмуд (Цинхай) – Дуньхуэнь (Ганьсу)	530	...	2010-
Лхасэ – Шигэцзе; к западу от Лхасы	254	11,0	2010-
Лхасэ – Линьчжи – Ньингчи; к востоку от Лхасы	...	25	2010-

Источники: <http://english.peopledaily.com.cn/> и <http://russian.people.com.cn/> за 2001–2010 гг.

Таблица 4

Электрифицируемые железные дороги КНР

Упорядочены географически: северо-восток, центр, восток, юг, северо-запад

Направление (провинции)	Длина, км	Даты начала (окончания) работ
Дунтун (Шаньси) – Хулу (Улуньчэбу) – Гучэнвэнь (Бэйтоу; ВР Внутренняя Монголия)	452	Сентябрь 2007 г. (май 2009 г.)
Пекин – Сянтэн (Ниньчжэн; Цзянси) по линии Пекин – Цзюлун	1480	2008-
Тяньцзинь – Бэйчжоу	75	2008-
Тяньцзинь – Шэньси – Чжунвэй – Иньчжунь (Нинся)	944	2006-
Мэчэн – Ухань (Хубэй)	81	2008-
Хэнфэн (восток пров. Цзянси) – Ниньпин (Фуцзянь)	299	Ноябрь 2008 г. (2009 г.)
Вэньчжоу (Чжэцзян) – Фучжоу	298	Дектябрь 2004 г. (июль 2009 г.)
Гуйян (Гуйчжоу) – Гуйлинь (ГЧР) – Гуйнчжоу	857	Октябрь 2008 г. (2012 г.)
Чэнду – Дуцзяньянь (Сычуань)	66	Ноябрь 2008 г. (2010 г.)
Линьчжоу – Чунцин	820	2008-2014
Линьчжоу – Синин (Цинхай)	170	2006 г. (апрель 2009 г.)
Цзяйюгуань – Ляшанькоу (СУР)		2008 г.
Цзинхэ – Инин – Хоргос (граница с Казхстаном)	286	Ноябрь 2004 г. (18.12.2009 г.)

Источники: <http://english.peopledaily.com.cn/> и <http://russian.people.com.cn/> за 2001–2010 гг.

Гуанчжоу) и одной широтной линии (Хайчжоу – Чжэнчжоу – Сиань – Ланьчжоу).

В январе 2004 г. принят план сооружения первоочередных ВСЖД общей протяженностью 3 тыс. км: Пекин – Тяньцзинь, Ухань – Гуанчжоу, Чжэнчжоу – Сиань, Хэфэй – Нанкин. Позже было решено, наряду с реализацией этого плана, связать все центры провинций с населением более 500 тыс. чел. скоростными

пассажирами дорогами. Такая сеть скоростного пассажирского ж.-д. сообщения должна обеспечить потребности в поездках 90% населения страны. В первую очередь скоростные пассажирские железные дороги должны связать крупнейшие центры Северного, Центрального и Восточного Китая.

В 1999–2002 гг. построена первая в стране скоростная пассажирская железная дорога

Циньхуандао – Шэньян (405 км, скорость движения поездов 200 км/ч), проходящая параллельно основной магистрали, перегруженной товарными составами. 12 октября 2003 г. по ней открыто движение скоростных поездов.

В 2005–2007 гг. построена вторая ВСЖД Пекин – Тяньцзинь (113 км), где поезда стали курсировать 1 августа 2008 г. (с максимальной скоростью 350 км/ч; время в пути – 30 мин.; в августе 2008 г. перевезено 1.831 тыс. чел.; в августе – октябре 2008 г. – 4.233 тыс. чел.). Ежедневно по ней выполняется 60 рейсов. В декабре 2008г. завершено сооружение еще одной такой ВСЖД Цзинань – Циндао в провинции Шаньдун.

1 апреля 2009 г. введены в строй еще две высокоскоростных линии: Ухань – Хэфэй (скорость 250 км/ч; время в пути 1 час 50 минут вместо прежних 7,5 часов) и Тайюань – Шицзячжуан (250 км/ч; время в пути здесь сократилось с 5 до 1 часа). В июле – сентябре 2009г. открыта ВСЖД Нинбо – Вэньчжоу – Фучжоу – Сямэнь (поезда курсируют со скоростью до 250 км/ч).

В конце 2009 г. введена в строй новая ВСЖД Ухань – Гуанчжоу (время движения по этой магистрали сократилось с 11 часов до 2 часов 45 мин.; средняя скорость движения новых поездов «Хэсе» (гармония) – 350 км/час), после чего общая протяженность сети таких дорог составила 2319 км. В феврале 2010 г. открыто движение по новой ВСЖД Чжэнчжоу – Сиань (505км; скорость движения 350 км/ч), связавшей столицы провинций Хэнань и Шэньси.

Из 6.552 км действовавших в марте 2010 г. скоростных железных дорог 3.676 км приспособлены к движению поездов с повышенной скоростью – от 250 до 350 км/ч (это новые линии проложены специально для эксплуатации высокоскоростных пассажирских поездов). Остальные 2.876 км линий были реконструированы и приспособлены к движению поездов со скоростью от 200 до 250 км/ч. Таким образом, КНР теперь вышла на 1-е место в мире по размерам своей сети ВСЖД, обогнав Японию (2459 км) и Францию (1700 км).

Весной 2009 г. по ВСЖД КНР курсировало 200 скоростных составов, весной 2010 г. – 773 поезда. Первые 60 составов (из 8 вагонов) были изготовлены по лицензии Сименс в Германии в 2005–2008 гг. (модель Сименс-Веларо; CRH-1, CRH-2, CRH-3) и

собраны на вагоннолокомотивостроительном заводе в Таншане. На нем теперь выпускаются более усовершенствованные типы поездов CRH-3.

В 2010 г. ведется сооружение свыше 10 тыс. км новых ВСЖД (см. табл.5). Приоритетным направлением стала высокоскоростная линия Пекин – Шанхай («Цзиньху»; 1318 км), которая пройдет параллельно существующей магистрали Пекин – Тяньцзинь – Цзинань – Сюйчжоу – Бэнбу – Нанкин – Шанхай с небольшими отклонениями. Ее постройка начата в апреле 2008 г. Поезда будут развивать скорость до 350–380 км/ч (на начальном этапе – 350 км/ч). Время в пути между обоими городами сократится с 12 до 5 часов. Здесь будут построены 21 станция, мосты общей длиной 1059км. К концу 2008г. уложено 1203км путей (91% пути); еще не построены мосты (в т.ч. через реки Хуайхэ и Янцзы). В ноябре 2008 г. на ее строительстве было занято 113 тыс. рабочих из 700 строительных компаний; ежедневно стройка потребляет 10 тыс. т стали, 3,5 т цемента, 110 тыс. т бетона. Весной 2009г. на этой стройке трудилось 600 тыс. чел. К началу 2010г. возникли некоторые проблемы с финансированием этой стройки.

Программой расширения ж.-д. сети предусмотрено к 2012г. создание обширной сети ВСЖД. По скорости сообщения они делятся на две категории: высокоскоростные (скорость поездов 250-350 км/ч) и скоростные (200-250 км/ч). Эта сеть будет состоять из 4 меридиональных (Харбин – Шэньян – Далай, Пекин – Ухань – Гуанчжоу, Пекин – Наньчан – Гонконг, Пекин – Тяньцзинь – Нанкин – Шанхай) и 3 широтных магистралей (Пекин – Тяньцзинь – Циньхуандао – Шэньян, параллельно Лунхайской ж.д. и вдоль долины р.Янцзы). Кроме того, будут построены линии и ветви между соседними крупнейшими экономическими центрами. Конечной целью программы является создание единой сети скоростных пассажирских дорог, которая свяжет все города более 500 тыс. чел. (в первую очередь Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Ухань, Сиань, Чэнду). Она покроет территорию, где проживает 90% населения КНР. Время в пути между крупнейшими городами страны должно сократиться в 2 раза.

В настоящее время строятся линии Пекин – Шицзячжуан, Шицзячжуан – Чжэнчжоу – Учан (Ухань), Нанкин – Шанхай (открытие в

Источник: [http://en.wikipedia.org/wiki/File:4%2B4_PDL_network_in_China_\(English_version\).png](http://en.wikipedia.org/wiki/File:4%2B4_PDL_network_in_China_(English_version).png)

Пассажирские высокоскоростные железные дороги (ВСЖД) КНР

Открытые линии упорядочены хронологически.

Строящиеся линии упорядочены географически:

северо-восток, центр, восток, юг, северо-запад

Направление (провинции)	Длина, км	Объем инвестиций, млрд. юаней (млрд. долл.)	Скорость движения, км/ч	Время поездки между конечными пунктами по старой дороге, час. мин.	Время поездки между конечными пунктами по ВСЖД, час. мин.	Экономия во времени, час. мин.	Дата начала стройки	Дата ввода в строй
Открытые ВСЖД								
Циньхуандао (Хэбэй) – Шэньян	404,64	15,7 (1,9)	160/200-250	...	...	...	08.1999	12.10.2003
Пекин – Тяньцзинь	115	12,34 (1,49)	300-350	1.10	0.30	0.40	4.07.2005	1.08.2008
Циндао – Цзинань (Шаньдун)	364	...	250	2.35	1.55	0.40	28.01.2007	20.12.2008
Шицзячжуан (Хэбэй) – Тайюань (Шаньси)	189,2	12,64 (1,8)	250	5.00	1.00	4.00	12.06.2005	1.04.2009
Хэфэй (Аньхой) – Ухань	351	16,8 (2,26)	250	7.35	1.55	5.40	8.11.2005	1.04.2009
Фучжоу – Сямэнь (Фуцзянь)	275	...	200	...	...	...	2005	20.07.2009
Шэньян – Фушунь (Ляонин)	66	...	...	1.30	49	0.31	2008	30.07.2009
Вэньчжоу (Чжэцзян) – Фучжоу	298	...	250	14.25	1.40	12.45	12.2004	28.09.2009
Нинбо – Тайчжоу – Вэньчжоу (Чжэцзян)	282	...	200-250	...	...	...	2005	28.09.2009
Ухань (Хубэй) – Чанша – Гуанчжоу	1068	116,6 (17)	350	11.00	2.45	8.15	23.06.2005	26.12.2009
Чжэнчжоу (Хэнань) – Сиань (Шэньси)	505	70,3 (10,3)	350	6.00	2.25	3.45	25.09.2005	6.02.2010
Шанхай – Ханчжоу (Чжэцзян)	159	29,68 (4,37)	350	1.18	0.38	0.40	26.02.2009	04.2010
Строящиеся ВСЖД								
Харбин – Шэньян – Далянь	904	92,3 (12,3)	200-350	...	...	...	23.08.2007	02.2013 (участок Ляонин 2011г.)
Пекин – Шэньян	...	...	350	4.15	2.30	1.45	07.2010	...
Чанчунь – Цзилинь (Цилинь)	...	...	250	...	...	...	2009	2011
Цилинь (Цилинь) – Цзяохэ – Дуньхуа – уезд Аньту – Яньцзи – Тумэньцзян – Хуньчунь (Хэйлунцзян)	355	40,8	250	...	...	...	2010	2015
Шэньян – Дандун (Ляонин)	207	...	250	...	...	...	17.03.2010	2014
Далянь – Дандун (Ляонин)	296	...	200	...	...	...	17.03.2010	2013
Пекин – Таншань (Хэбэй)	...	...	350	...	0.30	...	1.10.2009	...
Тяньцзинь – Циньхуандао (Хэбэй) через Таншань, Цяньань, Бэйдайхэ	261	33,8 (4,97)	350	...	...	...	8.11.2008	...
Тяньцзинь – Тангу (район Биньхай в портовой зоне), продолжение линии Пекин – Тяньцзинь	39	...	350	...	...	...	2009	...
Баодин (Хэбэй) – Тяньцзинь	145	24 (3,52)	250	...	...	...	2009	...
Пекин – Чжанцзякоу (Хэбэй)	160	30 (4,39)	300	3.00	1.00	2.00	08.2009	...
Пекин – Тяньцзинь – Цзинань – Нанкин – Шанхай, в т.ч.	1318	220,94 (31,6)	300-350	12.00	5.00	7.00	18.04.2008	2012
Шанхай – Нанкин	295	...	350	...	1.00	...	07.2008	07.2010
Шицзячжуан – Цзинань	...	41,7	250	...	1.30	...	20.11.2009	2012
Пекин – Ухань – Гуанчжоу – Гонконг, в т.ч.	2240	4.000	350	...	...	...	2005	2013
Пекин – Шицзячжуан	281	43,87 (6,4)	300-350	...	1.00	...	10.2008	2013
Шицзячжуан – Чжэнчжоу (Хэнань) – Учан (Ухань) через Синтай, Ханьдань, Аньян, Хэби, Синьсян, Чжэнчжоу, Сучан, Люохэ, Чжумадань, Синьян	876	116,76 (17,1)	350	...	...	...	15.10.2008	2013
Гуанчжоу – Дунгуань – аэропорт Шэньчжэнь	87	19,69 (39,5 млрд. сянганских долл.)	200	...	...	...	21.12.2008	Конец 2011г.
Шэньчжэнь – Сянган (Гонконг)	26	...	200	...	...	...	...	...
Хэфэй (Аньхой) – Нанкин	166	...	200-250	4.00	1.00	3.00	29.12.2004	2009
Шанхай – Куньшань – Сучжоу – Уси – Ханчжоу – Далянь – Чжэньцзян – Нанкин	295	...	350	...	1.10	...	2008	07.2010
Нанкин – Ханчжоу	249	31,38 (4,59)	350	4.00	1.00	3.00	2008	2011
Ханчжоу – Нинбо (Чжэцзян)	150	21,39 (3,13)	250	...	...	1.00	2008	2012
Наньнин (ГЧАР) – Гуанчжоу	577	41 (6,0)	200	12.30	3.30	9.00	9.11.2008	2012
Гуйян (Гуйчжоу) – Гуйлинь (ГЧАР) – Гуанчжоу	857	...	...	20.00	6.00	14.00	13.10.2008	2012
Ланьчжоу – Чунцин	820	...	...	22.00	6.30	15.30	26.09.2008	2014
Нанкин – Аньцин (Аньхой)	258	...	...	5.30	1.30	4.00	18.12.2008	2013
Чэнду – Чунцин	305	39,89 (5,85)	350	2.00	0.56	1.04	2010	2014-15
Чэнду – Ланьчжоу	731	...	...	17.00	4.00	13.00	22.02.2009	12.2014
Чэнду – Сиань	519	68,8 (10)	250	13.00	3.00	10.00	2010	2014

Источники: <http://english.peopledaily.com.cn/> и <http://russian.people.com.cn/> за 2001–2010 гг.

июле 2010 г.), Хэфэй – Нанкин, Наньнин – Гуанчжоу, Тяньцзинь – Циньхуандао, Харбин – Далянь. Прежний проект сооружения скоростной линии Шанхай – Ханчжоу по технологии «Маглев» (175 км, инвестиции 4,5 млрд. долл.; скорость движения 450 км/ч) отклонен в начале 2009 г. 26 февраля 2009 г. по этой трассе началось сооружение обычной скоростной дороги, поезда по которой будут ходить с интервалом 3 мин. и покрывать 160 км вместо 78 мин. за 38 мин. Ее строят на средства министерства железных дорог КНР, администраций Шанхая и Чжэцзяна, металлургического комбината Баошань.

К 2010 г. протяженность всех скоростных пассажирских железных дорог (со скоростью 200 км/ч и выше) составит 7 тыс. км, к 2012 г. – 13 тыс. км (в т.ч. 8 тыс. км со скоростью 200–350 км/ч и 5 тыс. км со скоростью 200–250 км/ч), к 2020 г. – 18 тыс. км. К этому времени будут построены ВСЖД (300 км/ч) Пекин – Харбин, Пекин – Фучжоу, Шанхай – Нанкин – Хэфэй – Ухань – Чунцин – Чэнду, Ланьчжоу – Сиань – Чжэнчжоу – Сюйчжоу (параллельно Лунхайской ж.д.), Ланьчжоу – Урумчи. В будущем эту сеть увеличат до 50 тыс. км. В результате ускорится пассажирское сообщение, сократится время в пути (табл. 5), увеличится провозная способность сети, будет решена проблема перегрузки крупнейших ж.-д. узлов в периоды массовых поездок китайцев (праздник весны, 1 мая, 1 октября).

Пассажирские скоростные дороги позволят значительно сэкономить личное время людей на переезды и общие затраты на перемещение. Таким образом, ВСЖД «сожмут» обширное пространство Китая, сделают его территориальную структуру более надежной и доступной.

Выводы. По планам сеть железных дорог КНР должна достигнуть 120 тыс. км в 2020 г.,

т.е. увеличиться в 1,5 раза по сравнению с 2008г. Если все указанные проекты будут реализованы, страна будет иметь совершенно иную сеть не только по абсолютным размерам (протяженности), но и уровню пространственной сложности (числу замкнутых циклов и топологических ярусов в циклическом остове) и качества (сеть двухпутных электрифицированных универсальных магистралей, сеть обычных однопутных дорог, сеть высокоскоростных пассажирских дорог).

Несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, жители Китая стали ездить поездами чаще и больше, чем раньше. Это связано с повышением уровня мобильности людей во время обострения кризиса. В то же время он привел к стагнации роста грузовых перевозок. В 2008 г. железные дороги перевезли 3,3 млрд. тонн грузов (прирост 4,9% по сравнению с 2007 г.) и 1,46 млрд. пассажиров (прирост 10,9% по сравнению с 2007г.). Рост объема перевозок отмечается в периферийных районах страны (северо-восток, северо-запад, юго-запад), в то время как спад – в ранее быстро развивавшихся южных и юго-восточных приморских районах. По оценке министерства железных дорог КНР в 2009 г. объем пассажирских перевозок возрастет на 10% и достигнет 1,61 млрд. чел. (эту оценку подтверждают статистические данные о массовых поездках китайцев в период празднования праздника весны Чунъюнь: в январе – феврале 2009г. было перевезено 192 млн.чел., что на 10,6% больше, чем за тот же период 2008 г.). Объем грузовых перевозок не увеличится из-за спада темпов роста китайской экономики.

Таким образом, мировой экономический кризис стимулировал интенсивное крупномасштабное железнодорожное строительство в КНР, рост пассажирских перевозок и привел к стагнации роста объема грузовых перевозок на железных дорогах.

Библиографический список

1. Сизонов С.Л. Транспортные системы // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: К 60-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2009. – С. 171–202.
2. Тархов С.В. Основные направления транспортной стратегии Китая (на примере развития сети железных дорог) // Транспортная стратегия России: Материалы научно-практической конференции. – Новосибирск, 2003. – С. 310–343.
3. Тархов С.В. Китай. Транспорт // Большая Российская Энциклопедия. Том 14. – М.: БРЭ, 2009. – С. 134–136.
4. Yonge John. China Railway Atlas. 3rd ed. – Exeter: Quail Map Company, 2008. – 64 p.
5. http://china.otspecial.org/blogimages/china_railwayfuturemap_large.jpg – карта железных дорог КНР 2008 г.

Ю.Ю. Ковалев (г. Штутгарт, Германия)
А.В. Степанов (г. Екатеринбург)

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА РУРСКОГО РЕГИОНА (ФРГ)

Kovalev Y.Y., Stepanov A.V.

POSTINDUSTRIAL STRUCTURES AND NEO-INDUSTRIALIZATION OF RUHR ECONOMY (GERMANY)

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы реструктуризации экономики Рурского региона. Дается характеристика развития традиционных отраслей хозяйства Рура в период 1950-2009 гг. Рассматриваются факторы, влияющие на формирование новых хозяйственных структур. Характеризуются новые отрасли промышленности и сферы услуг.

Abstract. The article covers restructuring of the Ruhr region and gives the description of traditional industries of Ruhr in 1950-2009. The author examines the factors influencing the formation of new economic structures and characterizes new industries and services.

Ключевые слова: старопромышленные регионы, трансформационные процессы, постиндустриальное развитие и постиндустриальные хозяйственные структуры, глобализация, инновации и инновационное развитие, креативная экономика.

Key words: old industrial centers, processes of transformation, postindustrial development, postindustrial structures of economy, globalization, innovations and innovative development, creative economy.

Рур относится к группе регионов с доминированием в хозяйственной структуре традиционных отраслей экономики, в частности - тяжелой промышленности. Регионы такого типа получили в экономической географии название старопромышленных (англ. «areas of industrial decline»). Понятие «старопромышленный» обозначает не только их более ранний переход в индустриальную стадию развития, в сравнении с другими регионами, но скорее демонстрирует их современную неспособность к радикальному обновлению хозяйственных структур, их «дряхлость» в вопросах экономической регенерации региона и воспроизводства. Процессы реструктуризации хозяйства в таких регионах происходят крайне медленно, а в отдельных случаях до сих пор отсутствуют¹. В целом, для старопромышленных регионов характерны следующие признаки:

1. Высокая плотность населения и промышленных предприятий;
2. Более ранняя индустриализация, нашедшая свое отражение в хозяйственной инфраструктуре, экологии, жилищных условиях населения региона;
3. Особая промышленная структура, доминирование традиционных отраслей, а также системы производства (фордизм);

4. Высокий уровень безработицы и особая структура занятости, по сравнению с другими регионами.

Кризисные явления начали особенно ярко проявляться с конца 1950-х гг. С этого времени обозначился новый этап развития Рура, который сопровождался болезненной ломкой старой, традиционной структуры хозяйства, повышением численности занятых в сфере услуг и одновременном сокращении занятых в промышленном производстве, росте безработицы. Рур охватил локальный, но перманентный экономический кризис. В его глубине лежали, несмотря на многие дополнительные внешние и внутренние факторы, в целом, структурные изменения, символизирующие переход национальной экономики к постиндустриальной стадии развития. Научно-технический прогресс, рационализация, сильно изменили промышленное производство, многие процессы были автоматизированы, тяжелую работу стали выполнять машины. Освободившиеся рабочие руки постепенно мигрировали в сервисный сектор или не находили себе дальнейшего применения.

Доля промышленного производства в структуре ВВП региона испытывала постоянное сокращение, уменьшилась также и

¹ Elmar Kulke (Hrsg.) Wirtschaftsgeographie Deutschlands. – С. 436.

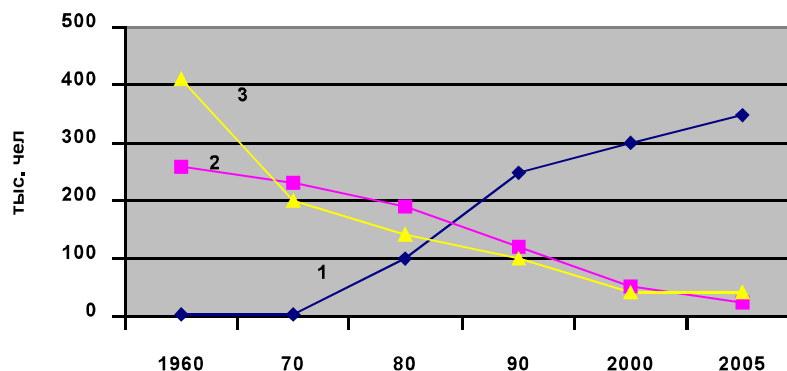

Рис. 1. Динамика численности безработных (1) и занятых в горно-добывающей (2), металлургической промышленности (3) Рура в период 1960–2005 гг.

Источник: Dirke «Geographie». – Стр. 188.

доля занятых в нем. Если в 1960 г. в промышленности было сконцентрировано более 61% занятых в регионе, то в 2006 г. – 27,3%. Особенно сильно сократилось число работников угольной промышленности, металлургии. Одновременно наблюдался рост занятых в сфере услуг. Так, ее доля в численности занятых выросла в период 1960–2006 гг. с 36,6 до 71,7%. Сегодня доля занятых в услугах региона лишь немного уступает среднему показателю по ФРГ (72,1%), и превосходит показатели таких федеральных земель как Баден-Вюртемберг (64,8%), Бавария (67,1%)².

Угольная промышленность была первой из традиционных отраслей региона, ощутивший на себе кризис 1957 г. Низкие цены на нефть, развитие атомной энергетики способствовали уменьшению доли каменного угля в структуре выработки электроэнергии Германии. Его доля сократилась в период 1950–1970 гг. с 70% до 28%. Внедрение новых способов производства стали, технические инновации снизили потребление угля в металлургии. Кроме того, уменьшилось значение каменного угля как сырьевой базы немецкой химической промышленности, в связи с развитием нефтехимии. Все это негативно отразилось на экономических показателях в отрасли. В середине 1950-х гг. в Руре насчитывалось более 140 действующих шахт, 560 тыс. занятых, которые производили ежегодно более 120 млн. т. угля. В середине 1990-х гг. действовало лишь 13 шахт. Чис-

ленность занятых составляла около 65 тыс. чел. Они производили около 40 млн. т. угля. В 2007 г. Рур произвел на 6 шахтах лишь 15,8 млн. т. Общее число занятых в угольной промышленности составляло 25 тыс. чел.³.

Кризисные явления затронули и второй «столб» региональной промышленности – черную металлургию. В связи с периодически наступавшими спадами мировой конъюнктуры (1975, 1982, 1993, 1998, 2008 г.) в отрасли наблюдался спад производства, закрытие предприятий, массовые увольнения. Одной из причин этого явилось то, что роль чугуна и стали как главных конструкционных материалов в мировой экономике заметно уменьшилась. Новые синтетические материалы и алюминий постепенно вытесняли их с главных позиций, в результате чего потребление чугуна и стали почти во всех индустриальных странах заметно снизилось. Другим фактором, оказавшим влияние на отрасль, стала рационализация производства и инновации, благодаря которым резко снизились ресурсные издержки на производство единицы продукции. Этот период характеризуется ростом производительности труда в отрасли. Так, если в 1970 г. в среднем на 1 занятого в отрасли производилось 120 т стали в год, то в 2007 г. – 526 т. Производительность труда выросла на 336%. При этом производство стали в Германии упало лишь незначительно (1974 г. – 54 млн.т., в 2007 г. – 48,6 млн.т.), но заметно сократилась численность занятых (в 1970 г. в отрасли труди-

² Statistisches Jahrbuch für BRD. – С. 82.

³ Bergbau in Deutschland. – С. 11.

лось более 374 тыс. чел. в 2007 г. – 92,7 тыс. чел.) В Руре численность занятых в отрасли уменьшилась с 210 до 40 тыс. чел. На сегодняшний день на регион приходится более 43% занятых страны, хотя доля региона в производстве стали составляет 34%⁴.

Параллельно с процессами рационализации и повышения производительности труда в черной металлургии наблюдались процессы укрупнения предприятий, слияние лидирующих компаний, концентрации производства лишь в отдельных центрах Рура. В 1964 г. в регионе вели деятельность 13 крупных металлургических компании, в 10 штандортах, на которые приходилось 65% производства стали в стране. В 1990 г. число компаний отрасли, действующих в 3 региональных штандортах, сократилось до 4, а их доля в производстве стали в стране до 56%. В связи с закрытием последней доменной печи в Дортмунде в 2001 г., единственным производителем чугуна и стали стал г. Дуйсбург, а региональным монополистом – концерн ThyssenKrupp Steel, на который приходилось 34% производства стали в стране.

Структурные изменения в экономике региона сопровождались ростом безработицы, демонстрациями протеста, забастовками трудящихся. Можно лишь отметить выступления рабочих против закрытия заводов в Гельзенкирхене (1982 г.), Хаттингене (1987 г.), Дуйсбурге-Райнхаузене (1987/1988). В середине 1980-х гг. уровень безработицы в Руре достигал 20%. Коммунальные кассы региона, в связи с сокращением налоговых поступлений, ощущали острую нехватку финансовых средств на поддержание нормальной жизнедеятельности. На сегодняшний день уровень безработицы составляет в Руре 12,2% (январь 2009 г.), что выше национального показателя (8,7%). По сравнению с другими федеральными землями (если такое сравнение уместно) уровень безработицы Рура превосходил аналогичный показатель всех старых земель ФРГ. Лишь в новых землях Германии отмечались более высокие показатели безработицы.

Изменения в промышленности, идущие с конца 1950-х гг. не могли не отразиться на

соотношении промышленных отраслей в структуре занятости и производства. На сегодняшний день можно сказать, что Рурский угольно-металлургический регион, не только регион угля и стали, но, кроме того, регион общего машиностроения, автомобилестроения, электротехнической и электронной промышленности, стекольного производства и химии. Сейчас вне угольной и металлургической промышленности (черной металлургии) работает 78% занятых в промышленном производстве. Численность занятых в машиностроительной, химической, электротехнической, автомобильной промышленности составляла в 2005 г. около 117 тыс. чел., в металлургии и металлообработке, а также во всей горно-добывающей промышленности Рура занято порядка 113 тыс. чел (38,5% от занятых в промышленности Рура)⁵. Доля компаний горно-добывающей промышленности и металлургии в общем региональном обороте капитала составляла 22,8 млрд евро (24%). Компании машиностроительного комплекса, химической и автомобильной промышленности имели в 2005 г. общий оборот капитал превышающий 29 млрд евро (30%)⁶.

Важное место в региональной экономике заняла автомобильная промышленность. В ней в 2005 г. было занято порядка 18,8 тыс. чел. Построенный в 1962 г. в Бохуме автомобильный завод компании Opel является главным автомобильным предприятием в регионе. Его деятельность связана непосредственно с трудом более 10 тыс. чел. (включая персонал компаний-поставщиков), хотя на 3 заводах компании в Бохуме работают порядка 5 тыс. чел. Экономический кризис 2008-2009 г. создал угрозу закрытия предприятия. Материнский концерн GM, которому принадлежит Opel, планирует сократить более 26 тыс. занятых по всему миру. Не исключено, что и предприятие в Руре может быть закрыто и стать первой крупной «жертвой» глобального кризиса в Германии⁷.

Если это произойдет, то это будет второй существенный «удар» по занятости в новых отраслях региона в течение одного года. В июне 2008 г. было закрыто одно из современных предприятий финской компании «Nokia» в Бохуме. Тогда было уволено около

⁴ Diercke Geographie. – С. 190.

⁵ Landesamt für Datenverarbeitung und Statistik NW. RVR-Datenbank

⁶ Там же.

⁷ «Opel taumelt, Saab fällt» Stuttgarter Zeitung. – 21.02.09.

2,5 тыс. чел., а регион потерял 25 млн евро в виде ежегодных налогов. Случай с «Nokia» вызвал в стране горячие дискуссии о границах глобализации, о незащищенности региональных экономик, когда все мероприятия по сохранению производственных штандортов становятся тщетны перед лицом глобальной конкуренции и погоней за прибылью (с 2008 г. компании «Nokia» производит мобильные телефоны в румынском городе Клуж).

Постиндустриальный Рур. С самого начала развития кризисных явлений в Руре правительство земли Северный Рейн-Вестфалия и коммунальные власти пытались противостоять негативным тенденциям в экономике. В период 1960–2007 г. был принят ряд программ, призванных улучшить имидж региона, активизировать его экономическую жизнь. Мероприятия касались в основном модернизации транспортной, производственной, жилищной инфраструктуры региона, улучшения его экологической ситуации. В 1979 г. на развитие проектов в этих областях было затрачено 7 млрд. немецких марок⁸. В 1987 г. земельным правительством была принята программа «Инициатива будущего: горно-металлургические регионы» (ZIM). В программе большая доля ответственности за будущее региона отводилась коммунальным властям, которые должны были продумать концепции регионального развития и представить их в вышестоящие инстанции. Одобренные проекты получали финансирование. Особое внимание уделялось таким «полям» как стимулирование технологического и инновационного развития, повышение квалификации кадров, создание новых рабочих мест, модернизация инфраструктуры, улучшение экологии. В последующие годы были приняты программы по развитию отдельных территорий Рура (Internationale Bauausstellung Emscher Park), инновационной инфраструктуры и стимулированию технологического трансфера между отраслями, секторами хозяйства региона (Technologieprogramm Wirtschaft 1996). В 2007 г. была учреждена программа развития Рура до 2030 г. (Zukunft Ruhr 2030), охватывающие проекты по развитию приоритетных направлений экономики, науки, образования, культуры.

Однако вышеперечисленные мероприятия смогли лишь незначительно сдержать рост безработицы и переориентировать хозяйственное развитие. В период 1980–1990 гг. спад промышленного производства и потеря рабочих мест продолжались. В 2004 г. численность занятых находилась на уровне 84% от показателей 1980 г.⁹. При этом численность занятых в производственном секторе сократилась более чем в два раза (46% от уровня 1980 г.). Одновременно происходило расширение и дифференциация отраслей услуг, хотя сервисный сектор оказался не в состоянии компенсировать потерю рабочих мест в промышленности (в этот период доля занятых в секторе услуг выросла более чем на 32% по сравнению с уровнем 1980 г.). В настоящее время в услугах занято более 1 млн чел. (71,7% занятых). В них формируется более 70% регионального ВВП.

Если рассматривать сектор услуг подробнее, то можно констатировать, что услуги требующие высокой квалификации работников преобладают в структуре занятости. Так, в регионе в отраслях здравоохранения, образования, а также в бизнес-услугах (правовой, хозяйственный консалтинг, аудит, недвижимость, НИОКР и др.) было занято порядка 480 тыс. чел., в то же время в торговле и ресторанно-гостиничном комплексе – около 290 тыс. чел. Как показывает статистика, именно эти отрасли демонстрируют наибольший рост: в период 1999–2004 гг. численность занятых увеличилась в них на более 50 тыс. чел. В розничной торговле, напротив, отмечалось сокращение занятых на более чем 12,8 тыс. чел.¹⁰.

Среди отраслей, в которых наблюдался наиболее высокий прирост занятых отмечаются: обработка данных и программное обеспечение (31,7%), отрасли образования и воспитания (19,8%), бизнес-услуги (17%), здравоохранение (4%).

Постиндустриальная структура экономики региона характеризуется не только ростом высококвалифицированных услуг, но и переходом хозяйства региона в целом к парадигме инновационного развития, в которой процессы неоиндустриализации играют важнейшую роль. При этом усиливается роль малого и среднего бизнеса, их

⁸ E. Gläßer «Nordrhein-Westfalen». – С. 106.

⁹ Struktur und Entwicklung der sozialversicherungspflichtig Beschäftigten im Ruhrgebiet 1980 bis 2004. – С. 5.

¹⁰ Там же. – С. 17.

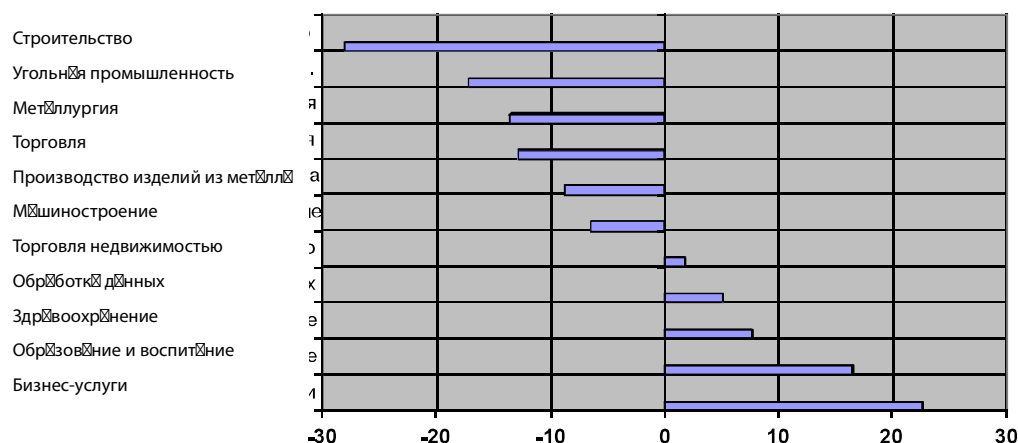

Рис. 2. Динамика численности занятых в отраслях промышленности и сферы услуг в период 1999–2004 гг. (тыс. чел.)

Источник: Struktur und Entwicklung der sozialversicherungspflichtig Beschäftigten im Ruhrgebiet 1980 bis 2004.

кооперации с исследовательскими и образовательными учреждениями региона. Для обозначения ряда актуальных хозяйственных феноменов в региональном развитии часто используют термин «постфордистская экономика», в противоположность тем принципам хозяйства (массовое производство, огромные компании, сложная внутренняя иерархия), которые доминировали здесь в индустриальную эпоху. Одним из таких явлений стало создание сотен малых наукоемких предприятий, с небольшим числом занятых, простой внутренней структурой, открытых к сотрудничеству и кооперации. Эти фирмы действуют, как правило, в новейших отраслях хозяйства: микроэлектронике, нанотехнологии, биотехнологии, телекоммуникационной сфере. Число занятых в них не превышает в большинстве случаев 10 чел. Однако благодаря эффекту мультипликатора на каждое место, созданное в инновационных фирмах образуется порядка пяти новых мест в других, в основном обслуживающих отраслях, что оказывает положительное влияние на показатели региональной занятости.

В отличие от компании индустриальной эпохи, новые наукоемкие фирмы располагаются уже не вблизи источников сырья и топлива, а, в большинстве случаев, в непосредственной близости у источников знаний и компетенции (университеты, НИИ, промышленные и торговые палаты). Для стимулирования развития малых инновационных фирм

в 1980-х гг. правительством земли Северный Рейн-Вестфалия были созданы целые комплексы сооружений, которые получили название технологических центров. В 1985 г. был построен первый такой центр в Дортмунде. Сейчас в нем на площади свыше 31 тыс. м² разместились более 200 фирм, с более 8 тыс. занятых, ведущие свою деятельность в области микроэлектроники, создания новых материалов, логистики. С формированием в начале 2000 г. нового штандорта новых технологий в городе (Феникс-Вест: 26 фирм, 1700 занятых), регион стал главным европейским кластером в области микросистемных технологий и нанотехнологий.

В технологическом центре Бохума, созданном в 1991 г., разрабатываются и внедряются в производство новые автоматизированные системы, медицинские приборы, измерительная техника. В г. Марле фирмы специализируются на создание биотехнологических продуктов с природозащитными функциями. В технологическом центре Гельзенкирхена разрабатываются новые источники энергии, в Герне – робототехника, информационные технологии, логистика. Всего же в Руре насчитывается порядка 40 технологических центров, что делает его одним из крупнейших инновационных регионов в Германии.

Важнейшим гарантом успешной деятельности технологических центров является их неразрывная связь с университетами. Многие компании центров были основаны сотрудниками университетов, а также их сту-

дентами. В функции университетов входит проведение прежде всего фундаментальных исследований. Результаты их исследований могут использоваться фирмами для создания инновационных продуктов. В этом и лежит главная причина территориальной близости технологических парков и центров к университетам. Многие профессора, сотрудники вузов выступают в качестве консультантов в вопросах дальнейшего использования полученных знаний. Кроме того, университеты проводят переподготовку сотрудников фирм, повышают их квалификацию.

До 1965 г. в регионе не было ни одного университета и он имел самую низкую в Германии долю лиц с высшим образованием в структуре населения. В начале 1960-х гг. были приняты программы по развитию сектора высшего образования в регионе. В течение последующих лет было создано 6 крупных университетов, 9 специальных высших школ. Число студентов региона выросло с 15 тыс. в 1970 г. до 160 тыс. в 2006 г. Университеты Рура стали одними из престижных в стране. Университет Бохум-Рур вышел в 2007 г. в следующий отборный круг на присвоение ему звания элитного университета страны. Также в 2007 г. руководство университетов Рура провозгласило создание единого университетского альянса региона для укрепления их совместных позиций в исследовательской и образовательной системе страны. Участие университетов в разработке общей стратегии развития, управления, в исследовательских и образовательных проектах делает их более конкурентоспособными, а совместный научный потенциал (1250 профессоров) и бюджет (840 млн. евро) позволят им проводить более передовые исследования и разработки. В регионе также ведут свою исследовательскую деятельность 2 НИИ научного общества Фраунхофера, 3 научно-исследовательских института им. М. Планка. Регион обладает значительным инновационным потенциалом. Однако по многим показателям развития инновационной деятельности (инвестиции в НИ-ОКР, число регистрируемых патентов) он еще значительно отстает от Баден-Вюртемберга, Баварии, Берлина.

Одним из ярких феноменов постиндустриального Рура является бурное развитие торгово-развлекательных центров, рост учреждений культуры, досуга и отдыха. Массовое закрытие

предприятий угольно-металлургического комплекса, которые занимали иногда площади в десятки квадратных километров, поставило вопрос о дальнейшем использовании свободных территорий. Низкие цены на землю, а также снижение налогов на недвижимое имущество в 1980–1990 гг. резко усилили приток инвестиций в строительство, покупку земель. Инвесторов привлекало, прежде всего, огромное число потенциальных покупателей, клиентов, проживающих в этом регионе. В это время в регионе строятся крупные торговые центры, рестораны, парки отдыха, музыкальные театры, концертные залы, казино и другие развлекательные заведения. Отдельные комплексы вмещают в себя как торговые, так и развлекательные функции (трудно сказать, что в них доминирует). Поражают размеры новых «фабрик-развлечений». Так, торговый центр «Рур-парк», построенный в 1964 г. в Бохуме, имеет площадь 126 тыс. м², на которых разместились 120 магазинов, десятки кафе и ресторанов, парикмахерских, салонов красоты, бюро путешествий, кинотеатр и пр. В 1996 г. в Оберхаузене был открыт новый торговый центр «CentrO», с площадью более 70 тыс. м². На его территории на сегодняшний день сконцентрировано более 200 магазинов, 50 пабов и ресторанов, парк развлечений, кинотеатр, концертный зал на 12 тыс. мест, морской аквариум и пристань для яхт на канале Рейн-Герне. Ежегодно центр посещают около 25 млн чел. Здесь также предполагается строительство двух технологических центров (по-видимому, администрация рассчитывает на то, что атмосфера консьюмеризма и необычного, царящая в торговых центрах, будет позитивно влиять на работоспособность сотрудников центров). Всего же в Руре насчитывается 7 крупных торгово-развлекательных центров, в которых заняты тысячи человек (например в «CentrO» работает свыше 5,6 тыс. чел). Торговые центры и развлекательные парки стали символами нового Рура. Их размеры нисколько не уступают масштабам архитектурных сооружений индустриального ландшафта XIX в. Однако их существование свидетельствует уже о наступлении новой эпохи, о том, что переход от промышленного капитализма к капитализму постиндустриальной эпохи уже осуществился¹¹.

Культура превращается в один из важнейших факторов хозяйственного развития ре-

¹¹ J. Rifkin „Access“. – С. 210.

¹² Brand eins. – № 5. – 2007. – С. 100.

гионов Германии. Музеи, выставки, театры, концертные залы, сам регион, с его неповторимой историей, архитектурой становятся субъектами экономической деятельности, местами борьбы за инвестиции и покупателей. Все возрастающий средний уровень жизни населения Германии, увеличение ее продолжительности, с одной стороны, с другой – ее европейская однообразность и монотонность, превращают миллионы людей в ярых консументов продуктов культуры. По данным немецкого экономического журнала «brand eins» жители Германии в среднем ежемесячно расходуют на культурные мероприятия порядка 261 евро или 12% всех расходов домохозяйств¹². Доля сферы культуры в ВВП страны составляет 2,6%, что выше, например, доли немецкой химической промышленности (2,1%).

Регионы и города Германии широко используют свой культурный потенциал в целях хозяйственного развития. В их бюджетах заложены статьи на поддержание и развитие региональной инфраструктуры, формирования благоприятного имиджа территории. Сегодня также можно наблюдать такое явление как «фестивализация» общественной жизни страны. Практически каждый более-менее значительный населенный пункт страны устраивает несколько раз в год народные культурно-развлекательные мероприятия, фестивали, направленные на привлечение туристов и стимулирование экономической деятельности. При этом, число таких мероприятий, как правило, возрастает.

Рур является одним из важнейших культурных центров Европы. Он обладает огромным культурным потенциалом. Сама территория с ее комплексом исторических памятников, архитектурных сооружений различных времен делает регион привлекательным для развития туризма. Рур – это не только регион со статичной культурой, в нем пульсируют источники

нового культурного развития. В регионе ежегодно проводится ряд фестивалей, которые можно отнести к разряду выдающихся европейских культурных событий. К ним относятся: театральный фестиваль (Theaterfestival), фестиваль RuhrTriennale, который считается одной из «лабораторий» современного искусства, музыкальный фестиваль Piano Festival Ruhr и др. Кроме того, афиши региона пестрят разнообразными поп- и рок-концертами, проводящимися в бывших цехах металлургических комбинатов, новыми театральными и музыкальными постановками. В целом, в Руре насчитывается 158 драматических театров, 5 оперных и 8 музыкальных театров, 17 художественных музеев, в том числе знаменитый музей Фолкванг в Эссене. В 2010 г. Эссен превратился в культурную столицу Европы, что еще более усилит постиндустриальный имидж Рура.

В будущем следует ожидать дальнейшего роста сектора услуг, особенно его отраслей, требующих высокой квалификации работников. Некоторые виды высокостоимостных услуг смогут стать профильными для региона. Однако монополии, существовавшей в индустриальной период, уже не будет. Регион ищет и открывает новые «точки» роста, чтобы сделать свое будущее развитие более сбалансированным, устойчивым к внешним изменениям. Их спектр достаточно широк и включает как традиционные отрасли промышленности (энергетику, металлургию), так и новые отрасли индустрии (микроэлектронику, биотехнологии) и услуг (логистика, образование, здравоохранение). Однако несмотря на их многообразие, их развитие не мыслимо без огромных инвестиций в инновационную сферу, без стимулирования исследований и разработок. Инновационное развитие, поэтому, является одним из приоритетных в регионе. Уже сейчас упор на образование, науку, кооперацию секторов НИ-ОКР приносит свои плоды.

Библиографический список

1. Bergbau in Deutschland. – Berlin, 2008.
2. Diercke «Geographie», – Braunschweig, 2007.
3. Gläßer E., Schmied M.W., Woitschützke C-P. «Nordrhein-Westfalen». – Gotha, 1997.
4. Kulke E. (Hrsg.) Wirtschaftsgeographie Deutschlands. – Gotha und Stuttgart, 1998.
5. Rifkin J. „Access“. – Frankfurt-Main, 2007.
6. Struktur und Entwicklung der sozialversicherungspflichtig Beschäftigten im Ruhrgebiet 1980 bis 2004. – Essen, 2006.
7. Statistisches Jahrbuch für BRD. – Wiesbaden, 2008.
8. Stuttgarter Zeitung 21.02.09.
9. Brand eins. – № 5. – 2007.
10. Landesamt für Datenverarbeitung und Statistik NW. RVR-Datenbank. Адрес: <http://www.it.nrw.de>.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

А.С. Першина
(г. Смоленск)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МИРОВОГО РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА

Pershina A.S. (Smolensk)

SPATIAL ALLOCATION OF THE WORLD FISHRIES

Аннотация. В статье рассмотрена история развития и современное состояние мирового рыбного хозяйства. Выявлены основные производители и потребители рыбы и морепродуктов.

Abstract. The article covers the history of development and baseline conditions of the world fisheries. Special emphasis is laid on the main producers and consumers of fish and marine products.

Ключевые слова: рыбное хозяйство, рыболовство, аквакультура, пелагическое рыболовство, демерсальное рыболовство, промысловые виды рыб, рыбопереработка.

Key words: fisheries, capture fisheries, aquaculture, pelagic fishery, demersal fishery, target species, fish processing.

Мировое рыболовство и морской промысел играют важную роль в продовольственном обеспечении населения рыбными продуктами питания и являются крупными поставщиками технической и кормовой продукции для нужд народного хозяйства.

В последние годы рыболовство все больше вовлекалось в международное разделение труда, что стимулировало развитие торговли «морским белком» и рост цен на него вследствие изъятия ренты. Сфера влияния мировой рыбной торговли огромна: стимулирование экономической деятельности, решение вопроса занятости населения, продовольственных проблем (в частности, обеспечение населения высокобелковой продукцией) и расширение притока иностранной валюты.

Как промысел рыболовство было известно еще со времен Древнего Рима, но промышленное значение оно приобрело лишь в конце XIX – начале XX в. в связи с переходом рыболовного флота от парусных к паровым судам. После Первой мировой войны мировое рыболовство развивалось высокими темпами: заметно возросли уловы и были освоены новые рыболовные районы. После Второй мировой войны увеличилась роль экспедиционного лова, активно осваивались

новые районы у берегов Южной Африки, в Норвежском и Беринговом морях, Южной части Западной Атлантики, Чили-Перуанском районе, тропические районы Индийского и Тихого океанов [7].

В 1950–1970 гг. мировой улов рыбы возрос более чем в три раза – с 21 млн.т. до 66 млн.т. (табл. 1). Быстрый рост населения, сопровождавшийся увеличением душевых доходов, повысил спрос на белки животного происхождения. Совершенствование технологий рыбной ловли при дешевом топливе до энергетического кризиса начала 1970-х годов способствовало широкому распространению рыболовецких флотилий, способных вести лов в отдаленных районах Мирового океана [3]. Такое увеличение уловов в 50-е и 60-е гг. создало иллюзию неисчерпаемости рыбных запасов. И к 1970-м годам темпы развития мирового рыболовства резко упали вследствие перелова, подрыва биопродуктивности многих видов и подорожания топлива.

В 1982 г. ООН была принята конвенция, согласно которой странам, имеющим выход к океану, разрешалось объявлять прибрежные акватории в 200 морских миль эксклюзивными экономическими зонами (часть V). Эти обла-

Таблица 1

Мировое производство рыбопродуктов, 1950–2005 гг.

Год	Лов пресноводной и океанической рыбы, млн.т.	Рыборазведение, млн.т.	Производство рыбопродуктов, млн.т.
1950	20,8	0,3	21,1
1960	36,9	3,3	40,2
1970	65,2	0,4	65,6
1980	72,0	0,3	72,3
1990	97,6	12,1	109,7
2000	95,5	35,5	131,0
2005	93,8	47,8	141,6

Источник: [10, 11].

Таблица 2

Мировые лидеры по рыбодобыче в 2007 году

Ранг	Страна	Вылов рыбы, млн.т.
1	Китай	14,9
2	Перу	7,2
3	Индонезия	4,9
4	США	4,8
5	Япония	4,3
6	Чили	4,1
7	Индия	3,9
8	РФ	3,5
9	Норвегия	2,5
10	Филиппины	2,5

Источник: [12]

сти представляют собой участки континентального шельфа глубиной 200 м и являются одними из наиболее продуктивных районов моря. Конвенция способствовала урегулированию межгосударственных споров в отношении «рыбных угодий», но также возложила на страны определенные обязательства по промыслу в прибрежных районах. [8]

В 1980–1990-е гг. наблюдался рост добычи биологических ресурсов, который сопровождался значительными качественными изменениями в структуре продукции.

Большинство стран сделало ставку на развитие морской и внутриконтинентальной аквакультуры. И в конце 90-х гг. аквакультура уже обеспечивала 25% производства всех морепродуктов, по стоимости же ее доля была еще больше [5].

На 2004 год в мировом рыбохозяйственном комплексе насчитывалось около 41 млн. чел., ¼ из этого количества была занята в сфере рыборазведения [10]. По объемам развития марикультуры на 2006 год в мире вы-

делялась следующая пятерка стран (более 1 млн.т. в год): Китай – 30,6; Индия – 2,47; Тайланд и Вьетнам – по 1,2; Индонезия – 1,0 и Япония – 0,78 млн. т [6].

Следует отметить, что произошли значительные изменения в составе первой десятки рыбодобывающих стран. В середине 1950-х гг. в десятку лидеров входили Япония, США, СССР, Китай, Норвегия, Великобритания, Индия, Канада, ФРГ и Дания. К концу XX в. свои позиции сохранили только Япония, США, Россия, Китай, Индия и Норвегия. В начале XXI в. к группе основных производителей рыбы и морепродуктов присоединились Перу, Чили, Индонезия и Филиппины (табл. 2).

С конца 80-х гг. Китай стал возглавлять пятерку лидеров по производству рыбы и морепродуктов. Лидерство Китая обусловлено, во-первых, высокой конкурентоспособностью его рыбообрабатывающего комплекса из-за дешевой рабочей силы, во-вторых, увеличением объемов переработки импортированного сырья, а, в-третьих, вступлением в

ВТО (с 2001 г.). Для Китая характерно превышение доли аквакультуры в годовом объеме производства водных биоресурсов над показателями промышленного лова в естественных морских и пресных водоемах. По состоянию на 2007 г.: вылов рыбы – 14,9 млн. т, в то время как производство аквакультуры – 41,2 млн. т. Это способствовало увеличению потребления рыбы и морепродуктов на душу населения и обеспечению продовольственной безопасности страны. Одной из важнейших особенностей китайского рыбоводства является его интеграция с другими отраслями сельского хозяйства – птицеводством, свиноводством и рисоводством. [4]

К основным объектам промысла относятся: рыба-сабля, горбылевые, скумбрия, тунцы, а также моллюски и ракообразные. Существенную роль играют водоросли.

При анализе первой десятки рыбодобывающих стран следует подробнее остановиться на новых производителях рыбы и морепродуктов.

Рыболовство в Перу существовало еще с древних времен, но интенсивное развитие получило в 1950-е гг., превратив страну в одного из главных мировых производителей и экспортеров рыбной муки. Быстрый рост произошел в основном благодаря увеличению уловов анчоуса для производства рыбной муки. Но к концу 1960-х гг. рыбные запасы подошли к уровню, близкому к истощению. Восстановительный период начался с конца 1970-х гг., но был прерван очередным возвращением Эль-Ниньо. На настоящее время рыбное хозяйство занимает второе место по стоимости экспорта после добычи полезных ископаемых. Основу рыбохозяйственного комплекса составляет производство рыбной муки и рыбьего жира. В 2008 г. продукция рыбного хозяйства составила 0,5% ВВП [13].

Чили также играет важную роль в мировом рыбохозяйственном комплексе, занимая 7-е место по общему производству рыбы и морепродуктов – около 5 млн. т. в 2007 г. Страна входит в десятку лидеров как по вылову рыбы, так и по производству продукции аквакультуры. Чили является крупным нетто-экспортером, общий экспорт рыбы и морепродуктов составил в 2007 г. 2,4 млрд. USD, а показатель экспорта в расчете на душу населения – 231 USD/чел.

Обыкновенная ставрида является основной рыболовного сектора в центральной и южной частях страны, составляя нередко более половины национального улова. К другим важным объектам промысла относятся анчовета, чилийский хек и новозеландская мерлуза. Разведение лосося, кумжи и палтуса являются основными направлениями аквакультуры Чили.

Значительная часть выловленной рыбы перерабатывается в рыбную муку, которая является значимой статьей экспорта. Основными торговыми партнерами страны являются Япония (более 1/3 всего экспорта), США (более 20%), Китай, Бразилия и Испания.

В Индонезии наблюдается устойчивый рост общего улова и на 2007 г. страна вышла на третье место с показателем 4,9 млн. т. Общая тенденция к увеличению продукции морского рыболовства складывается за счет роста показателей уловов голубого краба, обыкновенного кальмара, каракатицы и других видов, например, сардинеллы и морского окуня. Большая часть морских ресурсов вод западного берега в последнее время интенсивно эксплуатировалась, в то время как потенциал восточной части требует более детального изучения. Аквакультура представлена прудовыми хозяйствами, аквакультурой рисовых плантаций и рыбозаводством в солоноватой воде.

Основные предприятия подотрасли сосредоточены на Яве (66%), остальные равномерно распределены в пределах Суматры, Сулавеси и Калимантана. Около 56% всей рыбы потребляется в свежем виде. Из-за ограничений, обусловленных поставками льда и доступностью холодильных установок, остальная рыба подвергается солению и сушке 18%, а также копчению и ферментированию. Консервируется менее 2% улова, преимущественно сардины и полосатый тунец. Производство рыбной муки до конца еще не развито и в основном сопутствует рыбоконсервной отрасли. Около 16% общего производства рыба экспортируется в замороженном виде, преимущественно тунец и креветки.

Основными экспортными партнерами являются Китай, Тайланд, Япония, США, Сингапур и Республика Корея. Потребление на внутреннем рынке также велико. Рыбное хозяйство составляет основу продовольственной безопасности страны, т.к.

Таблица 3

Основные экспортеры и импортеры рыбы и морепродуктов

Основные экспортеры и импортеры	1994, млн. долл.	2004, млн. долл.	2007, млн. долл.
<i>Экспортеры</i>	2320	6637	9451
Китай	2718	4132	6290
Норвегия	4190	4034	5722
Тайланд	3230	3851	4499
США	2359	3566	4145
Дания	47511	71508	94064
Мир в целом			
<i>Импортеры</i>			
США	7043	11967	13756
Япония	16140	14560	13440
Испания	2639	5222	7005
Франция	2797	4176	5415
Италия	2257	3904	5174
Мир в целом	51167	75293	99423

Источник: [12].

продукты рыболовства в основном потребляются бедным населением и другими социальными общностями. [12]

С территорией в 2,2 млн. км² Филиппины располагают разнообразными районами рыбного промысла. В 2007 г. общий улов составил 2,5 млн. тонн, что выдвинуло страну на 10 место в мире. К основным добываемым видам относятся: небольшие пелагические виды (анчоус, сардина, скумбрия, круглые сельди), тунец и другие крупные пелагические виды (панцирная щука, меч-рыба, марлин), демерсальные виды (сребробрюшковые, пагур, морской окунь, сом) и беспозвоночные. Промысел тунца стал наиболее крупной и прибыльной отраслью еще в середине 1970-х гг., а в 1980-х гг. страна стала лидером по производству тунца в юго-восточной Азии. Но в конце 1980-х гг. уловы стали резко падать, после чего Филиппины перешли к промыслу в международных водах. Это способствовало тому, что страна стала одним из лидеров в экспедиционном рыбном промысле в Тихом океане, наряду с США, Японией, Республикой Корея, Тайванем и Китаем.

Филиппины являются как экспортером, так и импортером рыбы и морепродуктов. Основными экспортными товарами являются тунец, креветки и морские водоросли. Поставки тунца преимущественно направлены в Японию и США. Основными экспортными

направлениями поставок креветок являются Япония, Испания и США. Сушеные морские водоросли идут на рынки Китая, Франции, Республики Кореи, США, в то время как в качестве основных потребителей красных водорослей выступают Дания, Франция и США. Импортируются преимущественно тунец (из Индонезии) и рыбная мука (из Перу и США). В 2003 г. доля отрасли в ВВП составила 2,2%. Филиппины заняли 11 место в мире по показателю производства рыбы и морепродуктов. На мировом рынке страна выступает в качестве основного поставщика красных водорослей [12]

За последнее десятилетие значительно возрос и объем мировой торговли рыбой и рыбопродуктами. На мировом рынке реализуется примерно 40% всех уловов. При этом на долю развитых стран приходится около 40% экспорта и 75% импорта рыбы и морепродуктов [7].

Таблица 3 показывает, что крупными импортерами рыбы и рыбопродуктов являются страны Европы и Северной Америки, где объем импорта превышает стоимость экспорта в другие страны.

Пятерку лидеров по экспорту на душу населения на 2007 г. возглавили Фолклендские острова, где показатель составил около 38 тыс. USD/чел. Далее следовали Фарерские острова, Исландия, Гренландия и Сейшельские острова.

На Фолклендских островах с 1984 г. после попытки диверсификации экономики рыболовство стало ведущей отраслью. С 1987 г. местное правительство стало продавать лицензии на рыболовство в исключительной экономической зоне иностранным траулерам, что в настоящее время приносит более 40 млн. долл. в год. Около 75% улова составляют кальмары: аргентинский, лолиго и мартиния, также весомую роль играет добыча морской форели и тунца. [14]

На Фарерских островах (Дан.) рыболовство, наряду с овцеводством и легкой промышленностью, также является ведущей отраслью экономики. Основными статьями экспорта являются: охлажденная, мороженая, филетированная, копченая, вяленая и соленая рыба, рыбные консервы и желатин, изготавливаемый из плавательных пузырей рыб. В 2007 г. рыба и морепродукты составили 98% экспорта, причем главными экспортными продуктами были мороженая и охлажденная рыба – 44% и 26% соответственно. Возможность активной добычи рыбы и морепродуктов обусловлена еще и тем, что на акваторию островов не распространяются ограничения Европейского союза на вылов рыбы (главным образом сельди и трески) [12].

В Исландии рыболовство и рыбопереработка исторически являются отраслями специализации и представляют ее во внешней торговле. На протяжении большей части 20 в. экономический рост обеспечивался преимущественно за счет рыбного хозяйства. В 1978 г. доля отрасли в ВВП достигала своего максимума – 17%. К началу 21 в. значение рыбной отрасли относительно снизилось в связи с развитием сектора услуг, алюминиевой промышленности и гидроэнергетики. Но экспорт рыбы и морепродуктов продолжает играть значительную роль во внешней торговле: 28% общего экспорта и 7% ВВП по данным на 2007 г. Основная часть экспорта идет в страны Западной Европы, где главным торговым партнером является Великобритания. Большая часть продукции демерсального рыболовства экспортируется в страны Западной (Германия, Нидерланды, Норвегия) и Южной Европы (Испания, Португалия), также в Соединенные штаты, в то время как продукция пелагического рыболовства направлена в страны Восточной Европы и Азию. На настоящее время к основным промысловым видам относятся: треска, пикша,

сельдь, мойва, сайда, северная путассу, полосатая зубатка, камбала и морской окунь.

Ежегодное производство аквакультуры в Исландии в период 1995-2002 гг. оставалось стабильным на уровне 4 тыс.т. К 2006 г. оно достигло своего максимума в 10 тыс.т. В 2007 г. последовал спад производства, и показатель снизился до 5 тыс.т. в год. В настоящее время искусственно выращивается около 10 видов рыб, это – арктический голец, семга, атлантическая треска, палтус и др. [15]

В Гренландии (Дан.) рыболовство также является одной из отраслей специализации. Основными промысловыми видами являются креветки, треска, палтус и гребешок. Из-за высокой затратности вследствие неблагоприятных природных условий производство аквакультуры не развито. Основные производственные фонды были созданы еще в 60-х гг. 20 в. датским правительством. Основными видами деятельности являлись промышленное производство креветок и филетирование. В дальнейшем была проведена реструктуризация производства.

Рыбная хозяйство традиционно играет весомую роль и в экономике Сейшельских островов. Рыбный сектор создает сильный мультипликационный эффект, создавая рабочие места для населения, занятого в сфере сбыта, производства и торговли рыбными продуктами, а также в ряде сопутствующих обслуживающих производств, таких как судостроение, судоремонт и т.д. Сектор аквакультуры лимитирован ограниченными запасами пресной воды и в основном представлен марикультурой – разведение креветок, устриц и двустворчатых моллюсков.

Рыбопереработка представлена рыбоконсервной отраслью и несколькими предприятиями по копчению марлина и парусника преимущественно для отельного бизнеса. Уловы тунца и меч-рыбы полупромыслового рыболовства экспортируются в свежемороженном виде в страны Евросоюза (Францию, Италию и Великобританию), а также в Японию. Уловы тунца промыслового рыболовства в основном экспортируются в страны Европы, Маврикий, Пуэрто-Рико и Тайланд.

В пятерку лидеров по импорту на душу населения на 2007 г. входили: Сейшельские острова, Дания, Фарерские острова, Исландия и Гонконг, где показатели составили 1000 USD/чел, 555 USD/чел, 519 USD/чел, 389 USD/чел и 312 USD/чел соответственно.

По объему вылова рыбы Дания занимает одно из ведущих мест в ЕС и входит в десятку крупнейших экспортеров и импортеров рыбы и морепродуктов. На 2007 г. доля экспорта рыбы и морепродуктов в общем объеме экспорта составила 2,4%. Основными экспортными партнерами Дании являлись Германия, Италия, Франция, Швеция, Нидерланды, Китай и Великобритания. Основными статьями экспорта были: мороженая рыба, рыбная мука и рыбий жир. Доля импорта рыбы и морепродуктов в общем объеме импорта за тот же период составила 1,6%. Импорт преимущественно поступал из Норвегии и Швеции.

Рыбохозяйственный комплекс Дании представлен двумя отраслями – рыболовством для целей промышленной переработки (производство рыбной муки и рыбьего жира) и пелагическим и демерсальным рыболовством для потребления непосредственно населением.

Значительную долю в улове составляет рыба для промышленной переработки, в т. ч. для производства рыбной муки, кормов, жира (мойва, салака, песчанка).

В аквакультуре основными объектами производства являются радужная форель и угорь. Мидии, устрицы и лангусты производятся в меньшем количестве. Около 90% продукции аквакультуры идет на экспорт [12].

В Гонконге рыбная ловля ведется преимущественно в зоне континентального шельфа Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Основным видом деятельности является мелкое индивидуальное рыболовство, большинство судов принадлежит семьям, которые нанимают подсобных рабочих. Аквакультура представлена марикультурой, прудовым рыбоводством и разведением устриц. К важным промысловым объектам относятся бычеглаз, горбыль и морской лещ [12].

Потребление рыбы и морепродуктов сильно разнится по регионам мира. При рассмотрении данного показателя в расчете на душу населения наблюдалась следующая картина. Самый высокий показатель – в приморских странах. В пятерку лидеров на 2007 г. вошли Фарерские острова (7700 кг/чел), Фолклендские острова (5600 кг/чел), Монтсеррат (5599 кг/чел), Исландия (2969 кг/чел) и Гренландия (2742 кг/чел). Столь высокие показатели в этих странах можно объяснить небольшой численностью населения при значительных

показателях общего производства морепродуктов.

Пятерку аутсайдеров за тот же период составили Лесото (0,098 кг/чел), Эфиопия (0,174 кг/чел), Таджикистан (0,190 кг/чел), Монголия (0,235 кг/чел), Узбекистан (0,294 кг/чел). Похожая ситуация наблюдалась в Эритрее (0,348 кг/чел) и Зимбабве (1,191 кг/чел). Это в основном либо беднейшие страны Африки, где в принципе не хватает животного белка, либо азиатские страны с полным (Монголия, Таджикистан) или частичным отсутствием выхода к морю (Узбекистан), где низкие показатели объясняются еще и гастрономическими предпочтениями проживающих народов.

Анализ мирового рыболовства показывает, что вылов массовых морских биоресурсов находится на максимально возможном уровне. В период с 1950 г. по 2000 г. в местах интенсивного рыболовства вследствие чрезмерного вылова уменьшилась сложность организации пищевых цепей более чем на один трофический уровень. Биологически активные районы составляют лишь около 40% акватории Мирового океана [6]. В частности, Северо-Западная, Северо-Восточная и Юго-Восточная Атлантика, Черное и Средиземное моря требуют срочного оздоровления, поскольку запасы рыбы в них подходят к уровню, который может быть уже в скором времени отнесен к категории опустошенный или истощенный [2]. Еще одним фактором, свидетельствующим о чрезмерной эксплуатации ресурсов, является феномен «измельчания рыб в пищевых сетях». Вследствие уменьшения трофических уровней в пищевых сетях в море больше не остается крупных особей медленно растущих хищников, поэтому основу улова составляют более мелкие экземпляры.

На сложившуюся ситуацию, характеризующую истощением рыбных ресурсов, повлияли следующие факторы:

- увеличение спроса на рыбу как ценный белковый продукт питания вследствие резкого роста народонаселения,
- совершенствование методов лова,
- политические тенденции, которые не в состоянии противодействовать бессистемному рыбному промыслу [8].

Перспективы роста мировых уловов достаточно ограничены. Поэтому надежды возлагаются на развитие аквакультуры, продук-

ция которой может в будущем сравняться по объемам с морским промыслом. Также предполагается освоение пелагиали Мирового океана и расширение добычи представителей нижних трофических уровней.

Для оптимизации рыбного промысла и исключения переловов были приняты следующие международные меры: определение общих допустимых уловов (ОДУ/ТАС), распределение квот между государствами и внутри них и предложена система сертификации рыбодобывающих предприятий, которую на добровольной основе осуществляет Морской попечительский совет (MSC) [1].

Изначально индивидуальные квоты (IQ) были введены в Нидерландах и Исландии для некоторых видов рыб. В 1979 г. в Исландии была введена система свободной торговли индивидуальными квотами (ITQ) в отношении промысла сельди, а в 1984 г. она была распространена на главные демерсальные виды. Новая Зеландия ввела данную систему в отношении морского рыболовства в 1983 г.,

а в 1986 применила ее касательно всех отраслей. Также широко используется система ограниченных прав территориального использования (TURF) и права портовых сообществ. Система прав территориального использования может быть применена только в отношении прикрепленных видов, как, например, некоторые виды моллюсков. В отличие от TURF система ITQ более универсальна. Экономическая эффективность системы прав портовых сообществ зависит от двух главных факторов: от качества этой системы и от процесса принятия в ней решений [9].

Все объемы добычи контролируются ведущими рыбодобывающими странами. В сложившихся условиях увеличение масштабов вылова возможно только за счет перераспределения национальных долей. Состояние и тенденции развития мирового рыбного хозяйства в последние годы характеризуются усилением соперничества среди развитых в рыболовном отношении стран за право использования морских рыбных ресурсов и морепродуктов.

Библиографический список

- Бёдюков, Д.Д. Вопросы морского природопользования / Д.Д. Бёдюков // Общественно-географические проблемы освоения пространств и ресурсов Мирового океана: сб. ст. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Экспект Пресс, 2008. – С. 54–67.
- Бобылов, Ю.Ю. Россия в мировой рыбной внешнеторговой политике / Ю.Ю. Бобылов // Fishnews – новости рыболовства. – 2007. – № 3.
- Брэнун, Л. Проблемы мирового рыболовства / Л. Брэнун // Мир 80-х годов: Пер. с англ. / Предисл. Г.Ю. Орбатов; ред. и послесл. Г.В. Сидяк. – М.: Прогресс, 1989. – С. 359–381.
- Зилёнов, В.К. Рыбное хозяйство Китая в новом измерении / В.К. Зилёнов, Ю.П. Мамонтов // Тихоокеанский вестник. – 2003. – № 13.
- Максёвский, В.П. Мировое рыболовство // Географическая картина мира. В 2 кн. Кн.1: Общая характеристика мира / В.П. Максёвский. – М.: Дрофа, 2008. – С. 307–312.
- Мироненко, Н.С. Общественно-географические проблемы освоения Мирового океана / Н.С. Мироненко, М.Ю. Сорокин // Общественно-географические проблемы освоения пространств и ресурсов Мирового океана: сб. ст. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Экспект Пресс, 2008. – С. 6–21.
- Пирожник, И.И. Биологические ресурсы Мирового океана и тенденции их освоения / И.И. Пирожник // Общественно-географические проблемы освоения пространств и ресурсов Мирового океана: сб. ст. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Экспект Пресс, 2008. – С. 110–127.
- Поли, Д. Рыбный перелов / Д. Поли, Р. Уотсон // В мире науки. – 2003. – № 10.
- Arnason, R. Advances in Property Rights Based Fisheries Management: An Introduction/ R. Arnason // Marine Resource Economics. – 2007. – Volume 22. – Pp. 335–346.
- The State of World Fisheries and Aquaculture 1995. – Rome, 1995.
- The State of World Fisheries and Aquaculture 2006. – Rome, 2007.
- Статистическое подразделение ФАО: <http://www.fao.org/fishery/statistics/en>
- Статистический ежегодник Центрального разведывательного управления США: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>
- Официальный сайт Департамента по рыболовству Фолклендских островов: <http://www.fs.com/falklandsh/>
- Официальный сайт Министерства рыболовства и сельского хозяйства Исландии: <http://www.issheries.is/issheries/>

РЕЦЕНЗИИ

Потоцкая Т.И., Часовский В.И.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО СЕКТОРА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Pototskaya T.I., Chasovskiy V.I.

DEVELOPMENT TENDENCIES OF THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE WORLD ECONOMY

Рецензия на монографию Родионовой И.А. Мировая промышленность: структурные сдвиги и тенденции развития (вторая половина XX в. – начало XXI в.) (М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2009, 231 с.).

Цель исследования – осмысление процессов, ведущих к формированию современных промышленных структур мировой экономики. Предметом исследования автор избрал процессы развития и пространственной организации мирового промышленного производства, выявляя территориально-организационные и территориально-производственные сдвиги в мировой индустрии, отражающие в свою очередь подвижки в международном разделении труда в промышленной сфере.

Рецензируемую монографию, на наш взгляд, следует рассматривать в комплексе с вышедшим почти одновременно с ней учебным пособием «Мировая экономика: индустриальный сектор» (М.: Изд-во РУДН, 2010, 606 с.), рекомендованным УМО по образованию в области финансов, учета и мировой экономики в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по мировой экономике. Книга и данное пособие представляют единую и масштабную картину изменений в промышленности мира в динамике с начала 1950-х годов и до настоящего времени, в тот период истории, когда все процессы характеризуются возросшей сложностью, многогранностью, взаимосвязанностью и взаимозависимостью всех субъектов мировой экономики.

Научная новизна работы И.А. Родионовой проявляется в выходе на глобальный уровень обобщения в характеристике процессов реструктуризации промышленности мира при

переходе от индустриального к постиндустриальному этапу общественного развития. Рецензируемая работа охватывает широкий круг проблем, затрагивая как теоретические вопросы, включая методологию изучения процессов, происходящих в мировой индустрии, так и прикладные его аспекты, что, несомненно, является ее достоинством. При этом в отмеченном нами выше учебном пособии автор выходит на характеристику динамики развития ведущих отраслей мировой промышленности (от энергетики до легкой и пищевой), которая выполнена в едином методологическом ключе, с большим количеством обобщенного статистического материала, представленного в виде таблиц.

На основе системно-структурного анализа автором выявлены особенности трансформации всех структур промышленности мира (отраслевой, организационной и, в некоторой степени, социальной структур промышленности мира с последующей их проекцией на пространственную структуру). Охарактеризованы сдвиги в размещении отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, исследованы взаимосвязи между динамикой размещения промышленного производства мира и сдвигами в международной торговле промышленными товарами. А также оказана изменяющаяся роль России на индустриальной карте мира. Исследование выполнено на основе анализа очень солидного объема эмпирического материала. Пространственно-временные зако-

номерности реструктуризации промышленности мира прослежены с начала 1950-х и до настоящего времени. Фактически впервые в научной литературе охарактеризована геоэкономическая перегруппировка мировой промышленности и предложена ее пространственно-структурная интерпретация.

В качестве информационно-статистической базы исследования использовались данные специализированных периодических и международных и российских справочных изданий (включая материалы, доступные через всемирную компьютерную сеть Интернет). Представленные материалы и выполненный глубокий анализ свидетельствуют о плодотворной работе, проведенной автором в ходе исследования. Работа Родионовой И.А. носит, на наш взгляд, междисциплинарный характер, охватывая область знаний на стыке географической и экономической наук. Объединение используемых подходов и методов в единую методологию исследования осуществлялось в монографии на основе географического подхода.

В качестве одной из движущих сил в изменении пространственной организации промышленности мира автор выделяет глобализацию. Подчеркивается, что скорость и характер структурно-отраслевых сдвигов в странах разного типа и уровня развития различаются. Характеризуя изменения в территориально-организационной структуре промышленности мира, автор акцентирует внимание на том, что в ней отражается совокупность развивающихся во времени организационно-хозяйственных отношений на предприятиях разного размера и форм собственности, включая крупнейшие ТНК и их альянсы. Обращает внимание автор и на тот факт, что ведущие транснациональные корпорации в настоящее время выступают в роли функционирующих интернационализированных производственных циклов, главных игроков на мировой экономической арене, фактически формирующих рыночную среду, а также осуществляющих международное перемещение финансовых и производственных ресурсов.

Отмечая, что сдвиги в размещении производства на глобальном уровне являются закономерным итогом развития мирового хозяйства, автор подчеркивает, что в одних отраслях промышленности происшедшие

сдвиги можно считать кардинальными, в других – ординарными. Особенности проявления миграционных процессов по степени их интенсивности в разных отраслях промышленности автор выразил с помощью классификации последних.

В целом же проведенное исследование позволило автору сформулировать вывод о том, что произошла серьезная перегруппировка доминирующих в мировой индустрии регионов и стран мира в создании и обмене промышленной продукцией.

Так как рецензируемая работа является комплексным и многоаспектным исследованием трансформационных процессов в мировой промышленности в динамике более чем за 50 лет, то она, безусловно, не лишена недостатков. Но гораздо важнее то, что ее автор близко подошел к проблеме построения геоэкономического атласа мира, что нашло отражение в еще одной публикации. Родионова И.А. является одним из авторов справочного пособия, в котором представлен уникальный набор карт по динамике развития отраслей мировой промышленности («Социально-экономическая география мира. Справочное пособие (карты, диаграммы, графики, таблицы) // В.Н. Холина, А.С. Наумов, И.А. Родионова. – М.: Дрофа-Изд-во ДИК, 2009). На наш взгляд, глобализация выдвинула на передний план проблему пересмотра взглядов на карту мира: за политической картой мира все явственнее просматривается другая – геоэкономическая мирохозяйственная карта. Это принципиальное положение является краеугольным камнем в геоэкономическом подходе к стратегическому оперированию на мировой арене.

В заключение следует отметить, что монография И.А. Родионовой представляет собой глубокое научное исследование, значительно расширяющее методологические основы и методический аппарат анализа пространственных процессов в мировой экономике. Материалы, изложенные в монографии, могут служить основой курсов, как для высшей школы, так и для системы подготовки и переподготовки специалистов широкого профиля, в первую очередь экономико-географов, экономистов, предпринимателей, а также служить основой для будущих научных работ по данной проблематике.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕШЕНИЕ

IV совещания заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России и заседания Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию

28–30 января 2010 г. на базе факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета состоялось IV совещание заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России и заседание Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию.

В рамках программы совещания состоялась также научно-практическая конференция «Стратегическое и территориальное планирование в современной России: опыт, проблемы, перспективы» и круглый стол по развитию научно-прикладных направлений в социально-экономической географии. В работе совещания и секции приняли участие более 40 вузовских экономико-географов, представляющих 25 кафедр экономико-географического профиля из 21 университета России.

Целью объединенного форума было обсуждение основных проблем университетского экономико-географического образования на современном этапе, развитие научно-прикладных направлений в социально-экономической географии, определение возможных путей и механизмов их решения.

По итогам работы совещания приняты следующие решения:

1. Принять к сведению сообщение председателя Секции В.Е. Шувалова и одобрить в целом работу Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию за период с 2006 по 2009 г.

2. Одобрить представленные в проекте Госстандарта третьего поколения по направлению подготовки «География» профили подготовки бакалавров: «Экономическая и социальная география», «Региональная политика и территориальное проектирование», «Рекреационная география и туризм». Одобрить в целом экономико-географическую часть представленного на обсуждение проекта Примерной основной образовательной программы высшего профессионального образования по направлению подготовки «География» для бакалавров и магистров с входящими в их состав Примерными учебными планами и рекомендовать их использовать в качестве модельных. Рекомендовать кафедрам экономико-географического профиля, участвующим в реализации государственных образовательных программ высшего профессионального образования по направлению подготовки «География», активизировать работу по подготовке Примерных основных образовательных программ, соответствующих Примерным учебным планам и программам учебных дисциплин.

3. Одобрить в целом представленные и обсужденные в ходе заседания программы учебных дисциплин федерального компонента Госстандарта третьего поколения по направлению подготовки «География»:

БАКАЛАВРИАТ:

- «Введение в географию» (автор программы – проф. Ткаченко А.А.)
- «Социально-экономическая география» (две программы следующих авторов: проф. Ткаченко А.А.; проф. Шарыгин М.Д. и доц. Коробейников А.М.)

■ «География населения с основами демографии» (авторы программы – проф. Алексеев А.И., проф. Горкин А.П., проф. Ткаченко А.А.)

■ «Геоурбанистика» (авторы программы – внс Махрова А.Г. и проф Перцик Е.Н.)

■ «Экономическая и социальная география России» (авторы программы – доц. Гладкевич Г.И., проф. Зубаревич Н.В., доц. Шувалов В.Е.)

■ «Экономическая и социальная география мира» (авторы программы – проф. Мироненко Н.С. и доц. Фетисов А.С.)

МАГИСТРАТУРА:

■ «История, теория и методология географической науки» (авторы объединенной программы – проф. Дьяконов К.Н., проф. Перцик Е.Н., проф. Ретеюм А.Ю., проф. Трофимов А.М., проф. Шарыгин М.Д.)

4. Считать необходимым для обмена опытом, в т.ч. в разработке Госстандартов третьего поколения по направлению подготовки «География», усилить координацию деятельности Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию с экономико-географической частью Учебно-методической комиссии по географии УМО по специальностям педагогического образования. Включить в состав Секции проф. А.А. Лобжанидзе (МПГУ).

5. Для координации взаимодействия профессиональных экономико-географов России в информационной, образовательной, просветительной, научной и научно-практической сферах, считать необходимым создать профессиональную российскую экономико-географическую Ассоциацию.

Признать целесообразным провести общее учредительное собрание Ассоциации 5-7 мая 2010 г. в Ростове-на-Дону, приурочив ее к Международной научной конференции «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития».

Сформировать Координационную группу для разработки концепции Ассоциации, иных

необходимых для её учреждения документов, а также организации Общего учредительного собрания Ассоциации в составе: проф. А.Г. Дружинин, проф. А.П. Катровский, проф. А.А. Лобжанидзе, проф. Г.М. Фёдоров, доц. В.Е. Шувалов (с возможностью ее дальнейшего расширения) и просить ее подготовить необходимые предложения и проектные материалы к 5 мая 2010г.

6. Оказать всемерное содействие в издании журналов экономико-географического профиля: «Региональные исследования» (Смоленск), «Экономико-географический вестник ЮФО», (Ростов-на-Дону), «Балтийский регион» (Калининград), «Географический Вестник» (Пермь). Просить заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России, экономико-географов академических институтов провести работу по организационной и научно-содержательной поддержке данных изданий. Рассмотреть на учредительном собрании Ассоциации вопрос о наделении журнала «Региональные исследования» статуса официального издания Ассоциации.

7. Сформировать на основе Интернет-технологий информационную библиографическую систему по мониторингу выпуска экономико-географических изданий учебной, учебно-методической и научной направленности, прежде всего – университетами России, и на ее основе сформировать регулярный обмен литературой (отв. – секретарь Секции – А.А. Агирречу). Для реализации данного мероприятия просить заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России обеспечить соответствующую информацию для публикации на сайте, а также направление 1 экз. издаваемой литературы в адрес кафедры экономической и социальной географии России МГУ.

8. Провести V совещание заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России и заседание Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию в 2012 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баудер Елена Александровна – аспирант кафедры экономики и управления Смоленского гуманитарного университета

Гладкий Юрий Никифорович – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. E-mail: Gladky43@rambler.ru

Зубаревич Наталья Васильевна – доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: n.zubarevich@socpol.ru

Ковалев Юрий Юрьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А.М. Горького. E-mail: ykowaljaw@pochta.ru

Кузнецова Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры физической географии и региональной геоэкологии Тверского государственного университета. E-mail: geotversu@gmail.com

Кузьменко Наталья Ивановна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономики, начальник отдела содействия занятости студентов и трудоустройства выпускников Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: diasku@mail.ru

Лысенкова Зоя Валерьяновна – кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и ландшафтного планирования Смоленского гуманитарного университета

Мажар Лариса Юрьевна – доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии и туризма, проректор по учебной и воспитательной работе Смоленского гуманитарного университета. E-mail: lmazhar@shu.ru

Першина Александра Сергеевна – аспирант ИГ РАН (института географии РАН)
E-mail: Alex_p13@inbox.ru

Потоцкая Татьяна Ивановна – доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии и туризма Смоленского гуманитарного университета

Степанов Анатолий Владиславович – кандидат географических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А.М. Горького. E-Mail: anatoly_stepanow@mail.ru

Тархов Сергей Анатольевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии Российской академии наук
E-mail: tram-tarkhov@mtu-net.ru

Фокин Виталий Михайлович – аспирант кафедры экономики и управления Смоленского гуманитарного университета. E-mail: vitandom@mail.ru

Хохлова Инна Ивановна – аспирант Смоленского гуманитарного университета.
E-mail: dufek@mail.ru

Часовский Владимир Иванович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета.
E-mail: chassovsky@rambler.ru

Щербинина Ольга Алексеевна – студентка 5 курса кафедры ЭиСТГ географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Яковлева Светлана Ивановна – доктор экономических наук, профессор кафедры социально-экономической географии и туризма Тверского государственного университета
E-mail: Sv_Yakowleva@mail.ru

Яськова Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры социально-экономической географии и туризма Смоленского гуманитарного университета. E-mail: yaskova_t@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 2 раза в полугодие, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция